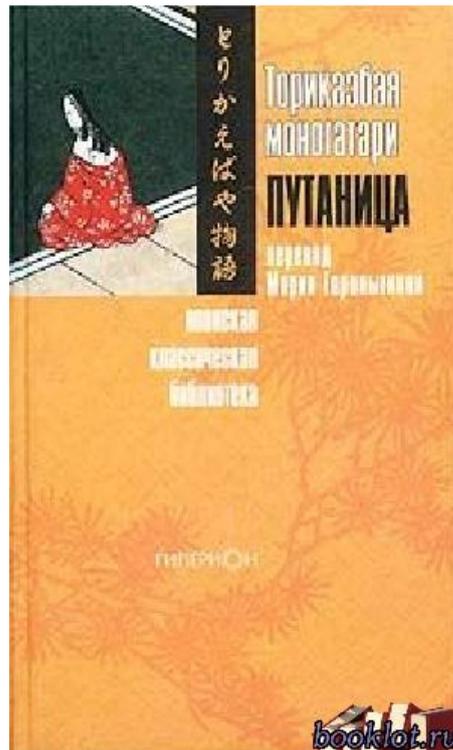

Торикаэбая моногатари, или Путаница

Часть первая

- 1 -

Случилось так, что господин Садайдзин, служивший Старшим государевым советником, был назначен еще и командовать Лево́й государевой гвардией. Все в нем — и таланты, и обхождение, и внешность — высоко ценилось в обществе, никому и в голову не могло прийти, что у подобного человека может быть что-то не так. Однако в самом дальнем уголке души, сокрытом от людей, его терзала неизбывная тревога.

У Садайдзина было две жены. Одна, дочь секретаря Государственного совета, происходила из рода Минамото. Садайдзин не слишком сильно любил ее, но он взял ее в жены первой... К тому же она родила ему Вакагими — мальчика несравненной красоты, поэтому Садайдзин и не решался оставить ее. Другая жена Садайдзина была дочерью Среднего советника из рода Фудзивара. Она родила Садайдзину замечательно красивую дочь — Химэгими. Оба ребенка были прелестны, и отец души в них не чаял. При этом ни одну из жен Садайдзин не почитал совершенством. Как это ни прискорбно, но ни ту, ни другую он не любил по-настоящему. Однако поскольку обе родили ему таких чудесных детей, он не мог расстаться ни с одной из них. Так и получилось, что обе женщины остались его женами.

Дети же оказались чудо как хороши. При этом они были так похожи друг на друга, что иной мог бы и обознаться. Но они жили со своими

матерями порознь, так что случая для путаницы не представлялось. Хоть дети и были на одно лицо, мальчик все же выглядел более изящным, утонченным и обворожительным. Зато девочка была блистательна и горделива, глядеть — не наглядеться, всякий пленялся ею. Однако с самого рождения дети не были схожи ни в чем, кроме внешности.

Шло время, мальчик становился все застенчивей. Он не только стеснялся чужих, включая прислуживавших ему дам, но стал сторониться даже отца. Когда Садайдзин начал понемногу учить его грамоте и другим нужным вещам, мальчик ничего не брал в толк. Ему становилось так неловко, что он прятался за занавеску, рисовал, играл в куклы, перебирал раковины. Отец считал, что это мальчику не к лицу и частенько бранил его. Сын же тогда заливался слезами. Из-за своей необычайной застенчивости он признавал только мать и кормилицу, а играл только с детьми, которые были младше его самого. Если рядом с ним случалось оказаться какой-нибудь малознакомой даме, он тут же забивался в угол. «Робость делает его просто жалким», — переживал отец, но сделать с этим ничего не мог и только вздыхал.

Девочка же становилась все более непокладистой, она не хотела сидеть дома, рвалась на улицу, играла с мальчишками в мяч и стреляла из лука. Когда в доме бывали гости, она выбегала в гостиную, читала вслух китайские стихи, играла на флейте, распевала песни вместе с гостями. Никто ее этому не учил, но звуки, извлекаемые ею из кото[1] и флейты, были просто восхитительны. Придворные с наслаждением выслушивали ее стихи и песенки, и многому научили ее. Все в доме знали, что этот ребенок — девочка, да только, глядя на нее, поверить в это было трудно. Завидя отца, она немного робела и пряталась, но стоило ему начать одеваться для выхода к гостям, как она была уже с ними и развлекала их. Удержать ее было невозможно. Гости, конечно, считали, что это — мальчик, и отзывались о нем как об очень умном и красивом, доставляя отцу немало переживаний. В глубине сердца он желал как-нибудь распутать этот узел.

Как бы то ни было, Садайдзин утешал себя тем, что дети еще малы, и, может быть, все еще встанет на свои места. Однако Вакагими и Химэгими уже минуло десять лет, но ничего не менялось. Отец печалился, но поделаться ничего не мог — ему оставалось лишь вздыхать. Так проходили месяцы и годы, Садайдзин надеялся, что дети все поймут сами, но, в конце концов, отчаялся и стал еще острее ощущать странность происходящего. Садайдзин так печалился, что даже самые обычные дела стали даваться ему с трудом. Он выстроил большую усадьбу, в западном и восточном павильонах поселил двух своих жен, а когда закончили отделку главного здания, поселился в нем. Любимой женщины, с которой он проводил бы все свое время, у него — увы! — не было. Чтобы жены не завидовали друг другу, он проводил с каждой из

них по полмесяца поочередно.

Что до детей, то теперь решили воспитывать Вакагими девочкой, а Химэгими — мальчиком. Он и она поменялись местами. Так что и мы тоже поменяем их местами.

- 2 -

Тихим вечером, в ту скучную весеннюю пору, когда наступило время поста, Садайдзин заглянул к Вакагими. Она, как обычно, сидела за занавеской в полном одиночестве, перебирая струны кото. Придворные дамы были заняты игрой в го и сугороку,[2] всем было скучно. Отец отодвинул занавеску и спросил:

— Отчего ты хоронишь себя здесь взаперти? Полюбовались бы вы цветами, они уже распустились! Дамы так унылы, смотреть неприятно!

Волосы Вакагими ниспадали на пол, а их кончики загибались вверх у спального возвышения, словно метелочки осеннего мисканта. Возможно, было бы преувеличением сказать, что, как выражались в старинных повестях, ее волосы — будто колышущийся у краев одежды веер, но, спору нет, выглядела она прелестно. Даже сама небожительница Кагуя-химэ[3] вряд ли могла быть милее и привлекательнее! У Садайдзина поплыло перед глазами, он приблизился к Вакагими и воскликнул:

— Когда же ты успела стать такой красавицей!

Из глаз у него полились слезы.

Отец принялся расчесывать ей волосы, но на ее лице тут же проявилось стеснение, на лбу выступил пот, она зарделась, как красные цветы сливы — вот-вот заплачет. Садайдзин весьма огорчился, с расстройством и печалью глядел на нее, и ни о чем другом уже не мог думать.

Сказать по правде, Вакагими почти не пользовалась косметикой, но, несмотря на это, кожа ее была очень красива. От капелек пота волосы на лбу свернулись колечками, и спадали волною — изящно и мило, как будто так и было задумано. Белила только испортили бы ее. Ей исполнилось уже двенадцать лет, она ни в чем не уступала другим девочкам, была пленительна и высока ростом. Под одеждой «сакура», белой на красной подкладке, у нее было надето шесть нижних одежд цвета розового винограда. Очень красиво! С головы до ног она была воплощением изящества. «Как жаль, что ей предстоит принять постриг!» — Садайдзин смотрел на нее с сожалением и слезами в глазах.

Не могу я понять, За какие грехи Мне такая досталась судьба! Как печальна Жизнь в этом мире.

Садайдзин зашел в Западный флигель. Поднимаясь к самому небу, здесь раздавались вдохновенные звуки флейты. Прислушавшись к ним,

Садайдзин вдруг понял, что и Химэгими не станет как все, и его чувства вновь смешались. С беспокойством он заглянул в комнату Химэгими. Тот почтительно склонился, отложив флейту в сторону. Поверх одежд «сакура» и «дикая желтая роза» — цвета оранжевых листьев на желтой подкладке — на нем был надет охотничий кафтан бледно-зеленого шелка, а штаны были вытканы узором из красных и фиолетовых нитей. Лицо Химэгими было пухлым и восхитительно бледным, глаза — само очарование, все вокруг него благоухало и обвораживало, взгляда не оторвешь. Садайдзин смотрел и удивлялся, он забыл о своих слезах и вздохах — так он был очарован красотой Химэгими. Если бы Химэгими с рождения росла девочкой, какой восхитительной она бы стала! У отца прямо сердце разрывалось. Волосы Химэгими были короче, чем у Вакагими, они ложились на спину веером. Химэгими сидел. Глядя на эти не достающие до земли рассыпанные волосы, любуясь его склоненной головой, Садайдзин не мог не улыбнуться, хотя на душе у него было беспокойно.

Химэгими рос среди крепких мальчишек, они играли в го и сугороку, весело смеялись и шумели, перекидывались мячом, стреляли из лука. Все это было так странно! Как такое могло случиться!? И неужели так и будет всегда? Даже раньше Садайдзин ничего не мог с этим поделать, а теперь уж и подавно не знал, как сделать из Химэгими девочку. Вот Садайдзин и решил, что будет лучше, если оба его ребенка примут монашество и отдалятся от мира, проводя время в молитвах о будущей жизни. Однако у Вакагими и Химэгими таких желаний не возникало. Может быть, самой судьбой им назначено быть такими, как они есть? Такое положение predetermined в их прошлых жизнях, но все же кое-что зависит от них самих. Если они сами не желают принять постриг, будет ли уход от мира правильным решением? Отец снова и снова возвращался мыслями к их необычайной судьбе.

Мальчики в таких годах обычно бывают несобранными, но Химэгими был очень серьезен и уже преуспевал в науках, выделялся способностями и умом. Не иначе, ему суждено стать советником государя! Звуки его кото и флейты наполняли небо и землю. Поразительно! Его голос восхищал всех, кто слышал, как он читает сутры, поет или читает стихи. Все было бы хорошо, если бы не эта путаница... Как жаль!

Молва о талантах и красоте сына Садайдзина разошлась по свету. И сам государь, и наследный принц находили странным, что он до сих пор еще не представлен ко двору и не вошел в придворный круг. Оба они не один раз давали понять это отцу, но тот терялся все больше и больше, чувствуя свою беспомощность. Он говорил государю, что мальчик еще слишком мал для придворной жизни. Тогда государь подумал, что отец стесняется показывать сына, и пожаловал ему пятый ранг, высказав при этом пожелание, чтобы тот возможно скорее прошел

обряд совершеннолетия. Ослушаться Садайдзин не мог. «Будь что будет! Пусть Химэгими служит при дворе. Видно, такова уж их судьба, посланная им за грехи, которые они совершали в прошлых жизнях», — неотвязно думал отец.

Было решено в этом же году подвязать Вакагими шлейф, а Химэгими — связать волосы в пучок,[4] чтобы они стали взрослыми.

- 3 -

К назначенному дню усадьба Садайдзина была торжественно украшена. Появилась Вакагими. Из Восточного флигеля вышла ее мать. Шлейф подвязывал дед детей, отец Садайдзина. Было странно, что на церемонии присутствовали только самые близкие. Как и следовало ожидать, Садайдзин постеснялся позвать посторонних. Что подумали обо всем этом люди? Да они просто посчитали, что заблуждались, принимая девочку — за мальчика, а мальчика — за девочку. А те немногие, кто достоверно знал, как обстоят дела, вовсе не хотели, чтобы эта история вышла наружу. Так что, к счастью, вне дома никому ничего не было известно.

Химэгими волосы в пучок завязывал старший брат отца, Удайдзин. С взрослой высокой прической мальчик стал еще красивее, теперь он просто не имел себе равных! Удайдзин очень этому радовался. Дело в том, что у него было четверо детей и все — дочери. Старшая уже вышла замуж за государя, вторая стала женой наследного принца, третья и четвертая еще не были просватаны. Вот Удайдзин и подумал, что неплохо бы выдать одну из них за сына Садайдзина.

Последовали поздравления и подарки. Среди подарков были вещи необычайной красоты.

Поскольку Химэгими получил пятый ранг еще ребенком, то теперь он имел полные основания, чтобы его называли господином. И вскорости, во время осеннего назначения на должности, ему было поручено прислуживать государю. Начиная с самого государя и наследного принца и кончая слугами и служанками, каждый, кто хоть одним глазком увидел Химэгими, уже не мог забыть его и восхищался его красотой. Все его полюбили, а поскольку он к тому же происходил из знатной семьи, то его находили просто несравненным. В игре на кото и флейте, в сочинении китайских стихов, на стезе японской поэзии — во всем, вплоть до легкого нитевидного почерка и несравненной манеры поведения, сочетавшейся с красотой, он был человеком незаурядным, а в дальнейшем обещал стать и вовсе выдающимся, поскольку замечательно разбирался в придворных делах и неожиданно тонко понимал все, что происходит в этом мире. Отец же несколько успокоился, решив, что коль уж поделаться ничем нельзя, пусть все идет, как predetermined, и тоже стал все больше восхищаться умом и красотой Химэгими. Сам Химэгими в это время был еще очень юн

годами и мало задумывался о себе, полагая, что мало чем отличается от других. А потому он и вел себя так, как подсказывало ему сердце, однако со временем он кое о чем стал догадываться. Это было так странно и даже стыдно, что ему пришлось на многое изменить свой взгляд. Трудно поверить, но его тело было не таким, как у других мужчин. «Почему я не такой, как другие?» — недоумевал он и, вздыхая, изучал себя. Он стал сторониться людей, при дворе вел себя очень скромно, и это тоже производило весьма приятное впечатление.

В то время государю минуло сорок лет, но он был весьма хорош собой. Наследному принцу исполнилось лет двадцать семь — двадцать восемь, он выглядел внушительно и благородно. Когда они узнали, что о красоте дочери Садайдзина тоже идет слава, каждый из них стал просить отдать ее за себя, но Садайдзин был вынужден ответить, что о ее представлении ко двору нечего и думать, поскольку она слишком застенчива, хотя в глубине души он и мечтал, что и она станет служить во дворце.

- 4 -

У государя была только одна дочь, которую родила ему покойная государыня. Любя и жалея Принцессу, государь неустанно следил за ее воспитанием. Ни у него самого, ни у наследного принца не родилось пока сына — наследника престола, поэтому оба они без устали молились о его рождении. Хотя дочь Удайдзина и была знатного рода, но все же не настолько родовита, чтобы стать государыней. Государь же днем и ночью беспокоился о своей дочери. «Этот юноша несравненен! Ах, если бы он позаботился о Принцессе... — вздыхал государь всякий раз, когда его взгляд останавливался на Химэгими. — Все, кто состоит при ней, не слишком надежны, а она такая молодая и наивная. Но этот юноша привык к своей несравненной сестре, сумеет ли он обнаружить столь же блестящие качества в Принцессе? Однако пока что он ей не пара, следует подождать, пока он займет более высокое положение», — рассуждал государь.

Слухи об этом дошли до отца Химэгими и очень его взволновали. «О! Если бы Химэгими был действительно юношей, какая это была бы высокая честь!» — думал Садайдзин. Садайдзину оставалось лишь горевать, но все же, когда он слышал о речах государя, улыбка касалась его губ. Природа щедро одарила Химэгими, и несмотря на свою юность, он превосходно держался при дворе. Стоило только какой-нибудь из многочисленных дам увидеть его, как ей хотелось прихорошиться и она всеми силами старалась добиться от него хоть словечка. Химэгими же думал о том, что он не такой, как все, и, хотя жил на виду у всех, его взгляд не останавливался на женщинах. Он вел себя самым естественным образом, но многим это было весьма досадно.

- 5 -

У дяди государя, который занимал должность министра церемоний, был единственный сын, Сайсё, он был на два года старше Химэгими. Сайсё не был столь красив, как Химэгими, но и его отличали благородство и красота. Изящный и обаятельный, он был известен своим исключительным непостоянством. Сайсё слышал, что дочь Садайдзина и четвертая дочь Удайдзина — Еннокими — считаются необыкновенными красавицами. И он вознамерился заполучить разом их обеих. Сайсё стал настойчиво искать сближения с ними, писал им послания, сгорал от нетерпения и страдал. Однако поскольку Сайсё слыл ветреником, то и Вакагими, и Еннокими решили, что обмен посланиями — слишком серьезный шаг и ответных писем не посылали. Сайсё оставалось лишь тяжело вздыхать. «Сын Садайдзина так восхитителен и хорош, все у него идет как надо, ничто не терзает его, все в нем прекрасно и несравненно, обаяние и красота — неслыханные! Вот если бы такой могла быть женщина!» — восхищенно думал Сайсё всякий раз, когда ему удавалось повстречать Химэгими. — «Его сестра должна походить на него и даже быть еще прекраснее, ведь она женщина».

Сайсё не мог отказаться от желания увидеть дочь Садайдзина. Тоскуя, он часто разговаривал с Химэгими. Переполненный любовными ожиданиями, Сайсё не сдерживал слез и тяжело вздыхал. Его тоска делала его обаятельней других. Сочувствуя его томлению, Химэгими бывал с ним откровеннее, чем с другими, но все же не открывался ему до конца. Всякий раз, когда Сайсё изливал ему душу, Химэгими, зная, что Вакагими — не как другие, очень волновался, от тяжких дум замыкался и молчал. Ему было больно и горько за себя и за Вакагими, ему было жалко и Сайсё, который плакал при нем навзрыд. Как-то раз, видя сердечные страдания Сайсё и терзаясь сам, Химэгими сложил:

Беспримерным страданием Полна И моя жизнь. Но разве слезы текут По щекам моим?

Сайсё спросил: «О чем это ты?» Но Химэгими ничего не ответил, и они разошлись, без сожаления и решительно.

Тем временем государь решил, что пора произойти тому, чему суждено, и хотя он считал, что в старину так не делали, он передал престол наследному принцу, а свою дочь объявил наследной принцессой. Сам же принял постриг в монастыре Судзаку. Деду Вакагими и Химэгими исполнилось к этому времени уже семьдесят лет. Он был тяжело болен и тоже принял постриг. Его сын, Садайдзин, получил должности Левого министра и Канцлера. Все придворные были повышены в рангах. Сам Химэгими получил третий ранг и стал помощником гвардейского командира.

может стать государыней. Он думал о сыне Садайдзина — нрав у него превосходный, никто и никогда не слышал о его недостойном или же легкомысленном поведении... Удайдзин подумал-подумал да и выбрал юношу в мужа младшей дочери — Ённокими. Когда он спросил согласия у отца Химэгими, тот, понимая, что такой брак будет идти вразрез с естеством, и какие неприятности могут случиться, если будет по сказанному Удайдзином, обречено подумал: «Отчего все так получается?! И во сне не представить, чтобы он стал чьим-нибудь мужем! А ведь все считают его достойным мужчиной».

Когда Садайдзин рассказал о своих сомнениях жене, та, смеясь, ответила:

— Да ведь дочь Удайдзина — совсем ребенок! Она и не заподозрит, что что-то тут не так и никогда не станет упрекать его. Наедине они станут беседовать, а на людях будут выглядеть обыкновенной парой. Так что пусть женится, он о ней хорошо позаботится.

Поскольку Химэгими был еще слишком молод, родителям пришлось подсказать, что ему следует делать. Химэгими же не мог предвидеть всех последствий и потому с легким сердцем послушался родителей, когда те велели ему написать любовное письмо. Он ничего в этом не понимал, но привык к тому, что мужчины постоянно беседуют о любви. Вот он и сложил стихотворение, полагая, что все именно так и поступают:

Здесь ли лежит Скрытая в зарослях Дорога моей любви? Как не заблудиться, Не зная тропинки в горах?

Нельзя и сказать, каким изысканным вышло письмо! Химэгими был еще так юн, что родители удивились: «Как он смог сочинить такое стихотворение?» Это было так странно и прекрасно, что отец заплакал.

В доме Удайдзина получили письмо. Удайдзин сам все придумал — вот он и велел дочери написать ответ.

От подножья горы. К вершине тропинка ведет. Боюсь заблудиться, Ведь здесь я Пока не бывала.

После первых писем, как это обычно и бывает, последовали еще и еще, а поскольку дело затеял Удайдзин, то он сам и назначил день свадьбы. Удайдзин был человеком знатного происхождения и искренних намерений. Мужем его дочери, которая, как говорили, получила исключительное воспитание, становился сын Канцлера, гвардейский командир третьего ранга, и потому все должно было быть обставлено должным образом.

Тем временем умер Старший советник, и все придворные получили повышения. Химэгими, к этому времени внештатный Средний советник, стал еще и командиромлевой внешней охраны дворца. Нечего и

говорить, что он выглядел несравненно блестящим и привлекательным. Сайсё, сын дяди прежнего государя, стал теперь секретарем Государственного совета. Узнав, что одна из девушек, о которых он мечтал, ускользнула от него как «струйка дыма», Сайсё притворялся, что не знает о радостном событии, и когда молодым людям случалось встретиться лицом к лицу, Сайсё вздыхал и таился, а Химэгими с удивлением думал, как это Ённокими могла отвергнуть человека, который так ее любил.

- 7 -

Химэгими было шестнадцать лет, Ённокими — девятнадцать, но телом и душой она была еще совсем ребенком. Все в этой девушке было превосходно, родители заботились о ней даже больше, чем о сестрах. Она гордилась этим и полагала, что могла бы занять самое высокое положение, о каком только можно мечтать. Подумывала даже о том, что могла бы выйти замуж и за самого государя. Ей казалось, что сын Садайдзина — Советник — недостаточно знатен для нее, но она этого не показывала, лишь потихоньку вздыхала, ибо ничего с этим поделаться не могла. Однако Советник обладал нравом превосходным, никогда не обижал ее, разговаривал с ней очень нежно, так что по мере того, как они сближались, подобные мысли перестали ее посещать.

Всем в доме было известно, что супруги спят под одним покрывалом, но то, что они никогда не раздеваются на ночь и все еще не обменялись любовной клятвой, этого, конечно, никто знать не мог. Люди, правда, замечали, что муж выглядит не слишком влюбленным, а отношения между супругами хоть и уважительные, но какие-то уж слишком спокойные. Удайдзин полагал, что таким подходящим супругам и тысячу ночей проспать вместе — все будет мало, хотя в самих молодых такой страстности видно не было.

«Что ж, Советник еще так молод, вот он и осторожничает, но это пройдет», — говорил себе Удайдзин и не упрекал зятя, который был так хорошо воспитан, что не имел себе равных в этом мире. К тому же Химэгими и во сне не помышлял о том, чтобы увлечься кем-то на стороне, никогда, кроме праздников в усадьбе отца или в государевом дворце, не проводил ночей вне дома. Вот только несколько дней каждый месяц он испытывал какое-то подозрительное недомогание. В эти дни он не желал никого видеть и говорил: «Снова меня мучает этот злой дух!» — и скрывался у своей кормилицы в деревне. «Что бы это значило?» — беспокоились люди.

- 8 -

В пятнадцатый день девятого месяца, при яркой луне, в государевом дворце устраивали концерт. Химэгими был на ночном дежурстве. Жена государя, Дама из Сливового павильона,^[5] готовилась отправиться к государю. Не то, чтобы Химэгими специально хотел

подсмотреть, но все же он спрятался в тени ограды у Павильона глициний. Была уже глубокая ночь, но луна освещала каждый уголок. Сначала вышли девочки с факелами, на темные нижние одежды у них были надеты тонкие прозрачные шелковые накидки, по которым струились распущенные волосы. На придворных дамах, поверх обычной нижней одежды были наброшены тонкие с широкими рукавами накидки китайского покроя, почти спадающие с плеч. Дамы были прекрасны, как и ночное небо над ними, было так отрадно смотреть, как восхитительно они держатся, как грациозно Дама передвигается за занавесками. «Как горько! Ведь и я, если бы мое тело и моя душа были бы как у всех, мог бы вот так же отправиться к государю. Как это было бы прекрасно! Но мне приходится являться людям именно таким, как сейчас...» — так он думал, все больше приходя в мрачное настроение.

Если б быть мне луной И светить высоко Поверх облаков... Как было б прекрасно! Но судьба рассудила иначе.

«Неважно, что у меня самого такая несчастная судьба, но ведь моя сестра, будь она такая же, как все, могла бы быть среди этих девушек. И тогда все было бы хорошо. Пусть я печалился бы о себе, но радовался, что она отправляется служить государю...» Он задумался о своем одиночестве и о том, не лучше ли, чтобы и следы его потерялись высоко в горах. Какое-то время Химэгими наблюдал за процессией. Он повторял: «Если б быть мне луной...», а потом запел о луне и горе Хорай[б] и его бесподобно чистый голос поднимался к небу.

Этим вечером Сайсё тоже участвовал в представлении. Теперь он сгорал от одной любви — к дочери Садайдзина, но все попытки сближения с ней оказались напрасны. И хотя Сайсё досадовал на всех, в том числе и на ее брата, Советника, он не мог удержаться от искушения насладиться созерцанием его необыкновенной красоты. Сайсё надеялся, что Советник не отправился домой после праздника, а спрятался в каком-нибудь укромном уголке. Поющий голос настиг его в ту минуту, когда он бродил в поисках Советника. Сайсё стал вглядываться в темноту. Поверх обычных одежд на плечи Химэгими был накинут матовый темно-красный шелк, и хотя юноша был маловат ростом, благодаря молодости и красоте он выглядел прелестно — будто сиял в тусклом свете луны. Его движения и выражение лица выдавали непривычное волнение, орошенные слезами рукава источали какой-то особенный, несравненный аромат. Он выглядел обворожительно даже в глазах наблюдавшего за ним мужчины. Любая женщина была бы покорена им с первого взгляда! Так думал Сайсё, завидуя ему и стесняясь своего облика. Он остановился возле Химэгими и стал с досадой говорить о своей любви к его сестре. Несмотря ни на что, Сайсё был обаятелен и обольстителен, и Химэгими подумал, как легко влюбиться в него.

Химэгими никогда и ни с кем не говорил откровенно, считая, что должен хранить свою тайну, но несмотря на то, что его сердце было закрыто для всех, ему было жаль оставить Сайсё без всякого утешения.

— Все это лишь красивые слова, горько, что любовь тускнеет, как в стихах — линяет краска из травы «луноцвет».[7] Я слушаю тебя и, мне кажется, понимаю. Но мое сочувствие вряд ли поможет тебе, хотя мне и жаль, что ты так страдаешь, — сказал он со вздохом.

Химэгими явно чем-то терзался и выглядел очень расстроенным. «Отчего он так думает? Чем недоволен? Отчего вздыхает, как все другие? Ведь у него все хорошо. Почему же он считает, что несчастлив? Не слышно, чтобы у него не ладилось с женой, говорят, они уже привыкли друг к другу. Или он тоскует о ком-то еще? Эта недавняя история с принцессой...? Но ведь такой человек, как он, должен с легкостью найти выход из любого положения. Какой же он скрытный! Что его гложет?» — так Сайсё пытался разгадать причину печали Химэгими, пытаясь поставить себя на его место и придумывая, что же все-таки могло огорчить его.

— Все хочу понять, что у тебя на уме, стараюсь поставить себя на твое место. Но сам ты никогда не скажешь, что тревожит тебя! — сказал Сайсё с упреком.

— Если бы мы вдруг могли поменяться местами, твой нрав тут же бы подсказал тебе, как поступить, — улыбнулся Химэгими.

«Нет причин Для тоски!» — скажешь ты. Но луна Так печальна всегда, Так же вечно мое унынье.

Голос Советника был так красив...

Сайсё вспомнил о своей любви, и, как то обычно бывает, из глаз у него потекли слезы.

Печален этот мир. Пусть так. Изменить судьбу Никто не в силах... К чему всегда грустить?

— Знаю, сам я не слишком постоянен, но все-таки когда не можешь видеть возлюбленную, думаешь: уж лучше, чтобы твои следы затерялись далеко в горах.

— Вот как? Когда решишься, позволь тебя сопровождать. Отчего-то мое сердце говорит, что и моя судьба — уйти от мира, и чем дальше, тем больше крепнет моя уверенность.

Так печально они беседовали, а когда стало светать, разошлись — каждый в свою сторону.

«Советник — человек удивительный. Помимо всего прочего, в нем есть такая необычайная хрупкость. Будь он женщиной, цены бы такой не было. Вот бы встретить такую!» — Сайсё ощутил новый прилив любви и

обратился мыслями к дочери Садайдзина.

- 9 -

Теперь Сайсё раздумывал о том, что он станет делать, если он посватается, а его отвергнут.

Прежний государь-инок жил теперь отдельно от своей дочери — Принцессы, поэтому он не мог больше быть все время рядом с ней, видеть ее и опекать. Хотя кормилица и другие ее приближенные заботились о ней, по-настоящему положиться не на кого, и сама Принцесса — она такая беспомощная, совсем ребенок, — вздыхал он в тревоге. И тут он вспомнил про дочь Садайдзина, про которую он слышал, что ее отец не хочет искать ей жениха или же представить ко двору. «Вот бы она стала опекать Принцессу!» Он вызвал Садайдзина к себе, они обсуждали самые разные дела, и тут государь-инок как бы невзначай спросил:

— А что вы решили насчет своей дочери?

«И он про то же!» — подумал Садайдзин и сердце его забилося быстрее. Со слезами в голосе он отвечал: «Пока еще ничего не решил. Хоть я ей и отец, она робеет даже в моем присутствии, будто я — чужой, увидит меня — покрывается потом, ей становится дурно. Пусть уж примет постриг, я больше ничего придумать не могу, может, так лучше будет».

Государь-инок посмотрел на него с состраданием, угадав, что на самом деле Садайдзин совсем не хочет, чтобы его дочь отрешилась от мира.

— Не делайте этого. У Принцессы нет верной подруги, теперь мы с ней разлучены, и я очень за нее волнуюсь, пусть ваша дочь станет ее наперсницей. Подумайте — ведь так она сможет стать государыней!

Садайдзин подумал, что ему уже удалось устроить судьбу Химэгими. «Неужели счастье улыбнется и Вакагими? — чувства Садайдзина смешались. — Может быть, и в самом деле, Вакагими удастся найти свое место в свете?»

— Я должен поговорить с ее матерью, — сказал он и удалился.

— Что ты думаешь? — спросил Садайдзин жену.

— Уж и не знаю, не могу решить, как быть, — отвечала та.

«Если вспомнить о том, как обрел свое место Химэгими, есть надежда, что, как говорит прежний государь, и с Вакагими все получится как нельзя лучше и она действительно станет государыней. Это была бы невероятная удача!» Садайдзин разволновался и заказал возглашать молитвы во множестве храмов.

Государь-инок попросил Садайдзина, если у него, конечно, нет

особых возражений, поторопиться, и десятого дня одиннадцатой луны Садайдзин представил свою дочь ко двору. Все было обставлено с предельной тщательностью. Вакагими прибыла во дворец в сопровождении сорока дам, восьми юных прислужниц и множества слуг, и поскольку ее положение было совершенно особым, чтобы ненароком никто не усомнился в нем, она сразу же получила должность Распорядительницы женских покоев.

Принцесса жила в Грушевом павильоне, а Вакагими поселилась к северо-западу от него, в Сверкающем дворце. Некоторое время она прислуживала Принцессе только ночами, и они отдыхали за одной занавеской. Вакагими привлекала в Принцессе ее молодость, она казалась такой благородной и великодушной, и хотя сама Вакагими была очень застенчива, даже ее робкое сердце не могло устоять перед безотчетно открывающейся прелестью принцессы, и через какое-то время этот еженощный совместный отдых прибавил Вакагими смелости...

Принцесса была чрезвычайно удивлена неожиданностью случившегося, но поскольку она не почувствовала ничего неприятного, а ее подруга была такой милой и изысканной, каких и на свете не бывает, Принцесса подумала: «Видно, этому есть причина», — и продолжала в душе своей считать, что Вакагими — замечательная подруга. Она старалась никогда не расставаться с ней, полагая, что судьба послала ей редкую удачу. Вскоре Вакагими стала оставаться с Принцессой и в дневное время, они занимались каллиграфией, рисовали, играли на кото. Они были вместе днем и ночью. После уединенной жизни в отцовском доме, где Вакагими одолевали стеснение и робость, жизнь с Принцессой казалась ей такой увлекательной.

Сайсё, между тем, не отступался — думы о Распорядительнице женских покоев не оставляли его. «Когда она сидела взаперти в отцовском доме, к ней даже в мыслях было не приблизиться, а теперь, когда она служит Принцессе, все может случиться — стану днем и ночью бродить вокруг Сверкающего дворца и повстречаю ее! Какая она благородная и воспитанная! Всякий говорит о ней только хорошее. Когда же она ответит на мои чувства!» — думал он.

- 10 -

Во время Праздника нового урожая того года шествие направлялось к Срединному павильону государева дворца. Среди придворных, участвующих в процессии, одетых в узорчатые праздничные одежды с изображением цветов, птиц, трав и деревьев, особенно привлекательно выглядели Сайсё и Химэгими в тканых голубым рисунком одеждах. Сайсё был очень высок ростом и отличался блестящей мужественностью, его красота была чарующей, внешность — влекущей, словом, выглядел он великолепно. Химэгими тоже смотрелся

бесподобно, смотреть бы еще и еще — все мало, его обаяние было безграничным, в облике были явлены спокойствие и изящество, он был несравнимо пленительнее всех, его красота просто слепила глаза. Дамы смотрели на Сайсё с Химэгими с нескрываемым интересом. Как только Сайсё примечал, что на него смотрит дама, он не мог пройти мимо — тут же остановится и заговорит с ней. Химэгими же не обращал на женщин никакого внимания, но как только Сайсё останавливался и выходила заминка, Химэгими бросал на него быстрый взгляд и продолжал движение. Среди тех, кто провожал Химэгими глазами, была некая дама, глубоко им восхищенная.

Один из мальчиков, сопровождавших Химэгими, знаками показал, что хочет что-то сказать ему.

— В чем дело? — спросил Химэгими.

— У первой двери в коридоре Живописного павильона некая дама жестом остановила меня и велела передать вот это, — мальчик протянул записку, написанную изящным почерком.

— Вот как? Странно.

Химэгими прочел:

Так трудно Встретиться с тобой... Узорчатый шелк Лишь мельком увидала, И сердце забилось.

Сложено так прелестно! Интересно, кто бы мог написать эту записку? Химэгими взволнованно улыбнулся, но ответа не послал.

Химэгими сожалел о своей неучтивости. Когда праздник закончился, и все разошлись — глубокой ночью при свете ясной луны, он оказался в узком коридоре Живописного павильона.

Горам, что вытканы узором, Вовек не повстречаться. Но бьется сердце... Кто ты, Меня увидевшая мельком?

Так прошептал он, но ему никто не ответил. Он было подумал, что здесь никого нет, но тут из-за первой двери, откуда передали записку, прозвучал ответ.

Ты — редкий человек. Тебя увидев, Не обманулось сердце. Но я — как все, И имени тебе не назову.

Ответ был несравненно хорош. Химэгими приблизился.

Ты имени не называешь, Девушка из Асакура,[8] Как же в ночи Мы сможем обменяться клятвой? Я тот, с кем трудно встретиться.

Химэгими говорил и говорил, вид у него был лукавый. Вблизи дама показалась ему милой и весьма обаятельной, он почувствовал разливающуюся в сердце радость, но оставался спокоен.

«Как же так?» — дама была разочарована его скромностью: он не

попытался проникнуть к ней в комнату, как это сделал бы любой другой мужчина. По облику дамы Химэгими решил, что она, верно, младшая сестра одной из государевых жен — Дамы из Живописного павильона. Во всяком случае, она точно не из простых. Чтобы не показаться невежливым, Химэгими сказал еще несколько слов, а когда слышались чьи-то шаги, он незаметно скрылся.

Как и в случае с этой дамой, многие другие женщины тоже, раз увидав Химэгими, уже не задумывались о том, что его терпеливо ждет жена или что могут поползти слухи, но желали во что бы то ни стало сблизиться с ним. Если дама была высокородной и очень красивой, он беседовал с ней ровно столько, чтобы не показаться неучтивым, если же то была женщина попроще, или кто-то, чье лицо было ему незнакомо, он даже не слушал ее, оставаясь недоступно-далеким. Находились люди, которые считали, что есть в нем какой-то изъян — словно царапина на драгоценном камне. Зато многим нравилось, что Сайсё никого не оставляет без внимания, всюду ищет знакомств и посещает дам.

- 11 -

Прошел год. Туманное небо свидетельствовало о скором приходе весны, хотя кое-где еще лежал снег. Так уж удачно получилось, что когда Садайдзин зашел в Сверкающий дворец к Вакагими, там оказался и Химэгими. Прежде, когда брат с сестрой жили в родительском доме, они сторонились и чуждались друг друга, поскольку их матери соперничали между собой, но уже тогда отец внушал детям:

— Вы — самые близкие друг другу люди. Сколько я проживу, никому не известно. Помните, оба вы — не как все, и чем обсуждать это с посторонними, лучше делитесь друг с другом.

Когда дети подросли, им разрешили бывать вместе, однако поскольку Вакагими была необыкновенно застенчивой, даже находясь в одной комнате, брат с сестрой всегда оставались разделенными плотным занавесом. Когда Вакагими стала служить во дворце, Химэгими частенько прислуживал ей при ее выходах и возвращениях. Они сблизились. Вакагими тоже узнала свет, и, похоже, по привычке к нему, и теперь она доверчиво беседовала с Химэгими, отделенная лишь тонкой занавеской. Вакагими была несравненно прекрасной, Химэгими смирился бы, что сам он такой, как есть, но ему так хотелось, чтобы Вакагими стала как все... Химэгими печалился. Всякий раз, когда Вакагими видела брата, она тоже грустила. Поскольку оба беспокоились друг о друге, то вполне естественно, что с течением времени их взаимная привязанность становилась все глубже.

Убранство покоев состояло из возвышения для сна с пологом, вытканым нитями лилового и красного цвета, и трехцветных занавесей. На женщинах были нижние одежды цветов сливы — пять платьев,

белых на алой подкладке, поверх них короткие с широкими рукавами накидки цвета красной сливы или желто-зеленые платья на такого же цвета подкладке. Богатство красок било через край. Но и среди этих многочисленных дам выделялась своей яркостью фигура сидящего Химэгими в широких шароварах фиолетового, подобающего его рангу, цвета, из-под верхней одежды выбивалась темно-красная рубаша из блестящего шелка. Химэгими выглядел еще более блестящим, чем всегда, он разливал вокруг себя обаяние, был так мил, что глаз не оторвать. Он был неотразим. Даже Садайдзин, сердце которого всегда омрачалось при виде детей, не мог смотреть на него без восхищенной улыбки и позабыл про свои опасения. Садайдзин заглянул за занавеску. На Вакагими было надето пять нижних платьев с тонким переходом от светлого к темно-красному, поверх них — похожее на одеяние священника платье насыщенного красного цвета на такой же подкладке и укороченное верхнее бледно-розовое одеяние. Вакагими прикрывалась веером, окрашенным в тон одежды: с переходом от светлого к темно-красному. Ее лицо казалось копией лица Химэгими, они походили друг на друга до такой степени, что их было трудно различить. На Вакагими, обольстительной и несравненно прекрасной, лежала печать высокого происхождения. Ее волосы, блестящие и гладкие, соскальзывали на пол на целый локоть, их концы ярко выделялись на светлом фоне. Она словно сошла с картины. Всякий раз, как Садайдзин видел ее, такую прекрасную, его сердце сжималось. Будь в ней хоть какой-то изъян, она, конечно, стала бы монахиней и ее следы затерялись бы высоко в горах... Снова и снова Садайдзин возвращался мыслями к детям — они оказались не как все, а потому ему было тяжело и горько, вновь и вновь неостановимым потоком текли его слезы.

- 12 -

Стемнело, ярко светила луна. Садайдзин попросил:

— Вакагими, сыграешь на кото? А ты, Химэгими, подыграй на флейте.

Уговорив Вакагими сыграть на кото, он протянул Химэгими флейту. Как всегда, звуки флейты были чисты и согласны, они поднимались в высокое небо. Вслушиваясь в эту гармонию и красоту, никто не мог сдержать слез. Кото не уступало флейте, музыка была неподражаема. Сайсё, который в это время по обыкновению бродил вокруг дома Вакагими, остановился и слушал: звуки флейты и кото — великолепны, и сестра, и брат обладают талантом, какого и не бывает, а внешность у обоих так же прекрасна, как их музыка. Сайсё не сдерживал слез, не в силах совладать с переживаниями. Он стал тихонько напевать «Затворенные двери» и вышел к горбатому мостику. Химэгими тут же сменил флейту на бива[9] и сыграл «Открытые двери». Сайсё с чувством прочел «Не жених ли в дом...», его сердце затрепетало.

Однако Садайдзин сидел тут же с каменным и неприступным выражением лица, и Сайсё помрачнел, понимая, что ждать нечего, ничего не получится. Подходили сановники и придворные, они обменивались приветствиями, а у Сайсё в ушах все звучали звуки кото. Зачем ей ждать еще кого-то, когда рядом ее брат, который, без всякого сомнения, превосходит всех! Что нужно сделать Сайсё, чтобы звуки его музыки достигли ее сердца? Сайсё был раздосадован и решительно отказался играть на бива. И все-таки надо заметить, что многие женщины считали, что пусть Сайсё и уступает Советнику — сыну Садайдзина, но по сравнению с другими мужчинами Сайсё необыкновенно хорош, мил и привлекателен.

- 13 -

Хотя дочь Садайдзина — Распорядительница женских покоев — тоже жила теперь во дворце, и время от времени Сайсё мог слышать звуки ее кото, но, как говорится в стихах, «волны лишь бились о скалы». И он с грустью думал, что, видно, мечтам не суждено сбыться: ему не увидеть луны — небо затянуто облаками.

Как всегда, Сайсё потянуло к Советнику, чтобы найти утешение в беседе. Сайсё не взял с собой свиты — явился без шума и без сопровождающих. Против обыкновения в доме было тихо, слуга ответил: «Хозяин на ночном дежурстве во дворце».

Сайсё досадовал, что пришел зря. Он рассуждал, стоит ли ему теперь идти во дворец, но тут он услышал, как кто-то в доме наигрывает на кото. Сайсё прислушался и подумал, что это, должно быть, Ённокими — та, что так волновала когда-то его сердце, но растаяла как дым. И вот стоило ему вновь лишь подумать о ней, как душа его взволновалась, он приблизился к комнате, прячась от чужих глаз, и, приподняв занавеску, украдкой заглянул в щелку. Уже почти не прислушиваясь к звукам музыки, он смотрел на нее: при свете луны она казалась бестелесной в своих многослойных одеждах, она была такой трогательно-прекрасной и соблазнительной. Пусть о Распорядительнице женских покоев ходят легенды, но ведь не одна же она на целом свете. Да и можно ли превзойти Ённокими? О ее красоте тоже говорили много, но такого очарования Сайсё и представить себе не мог! Она поистине прекрасна, думал Сайсё, и ощутил, что значат слова «свою душу оставил в ее рукаве». Он понял, что просто не может покинуть ее и уйти. Он потерял рассудок — сегодня он во что бы то ни стало должен быть с ней. Стояла глубокая ночь, кто-то в доме уже успел улечься, кто-то спустился в сад, чтобы полюбоваться цветами. Ённокими была одна, она склонилась над кото, потом пристально посмотрела на луну и тихо прочла:

Даже ночью весенней Лишь взгляну на луну, Шлет небо ответ На посланье печали — Облака над землей.

Ее отец и мать, хотя у них много детей, всегда заботятся о ней, а ее

муж — такой необыкновенный и замечательный, он не посещает других женщин и предан только ей, но она все равно произнесла — «посланье печали». Сайсё было все труднее сдерживаться, он открыл дверь и решительно сделал шаг вперед. Думая, что это муж, Ённокими поначалу не испугалась. Резко приблизившись к ней, Сайсё прочел:

Позабыть тебя Мое сердце не в силах. Все смотрю на луну, А небо на посланье печали Шлет облака над землей.

Тут Ённокими с ужасом поняла, что это вовсе не ее муж! Сайсё же, заключив в объятия закрывающую лицо женщину, повлек ее на постель. Ённокими закричала. Ее услышала находившаяся поблизости дочь кормилицы — Саэмон. Она подумала, что пришел господин, но все-таки удивилась и заглянула, чтобы узнать, что случилось. Саэмон застала Ённокими с мужчиной в таком положении, которое не вызывало сомнений. Ённокими тихонько всхлипывала.

«Отчего ты печальна! Ты так жестоко отвергала меня, но я все равно мечтал о тебе, это — судьба, от нее не уйти, только поэтому наша встреча и состоялась. Что бы ты ни подумала, это уже произошло. Только никому не рассказывай — будто бы ничего и не было», — успокаивал ее мужчина.

Теперь Саэмон знала, кто это. Она все слышала. То, что случилось, ужасно, но ведь и правда — ничего уже не поделаешь, теперь надо устроить так, чтобы никто ничего не узнал. «Сегодня ночью господин домой не вернется. Я останусь прислуживать госпоже. А вы полюбуйте луну и цветами», — сказала Саэмон служанкам, и девушки ушли развлекаться, напевая «Хочу встретить тебя...»

Ённокими, привыкшая к тому, как они проводили время с Советником, всерьез полагала, что супруги не делают ничего иного, кроме как тихо и скромно беседуют друг с другом. Поэтому после того, как Сайсё обошелся с ней так грубо и безжалостно, ей хотелось утонуть в слезах. Сайсё, расстроенный ее печалью, ясно понимал, что продолжить отношения будет непросто. Он был озадачен странностями мужа Ённокими. Сайсё всегда полагал, что его восхищавшая всех преданность жене идет оттого, что он обладает несгибаемой волей, но, видно, дело было в чем-то другом. Как странно! Может быть, он принес какой-нибудь обет? Сайсё терзался в сомнениях.

Ночь свидания никогда не бывает длинной, а весной и подавно — рассвет приходит слишком быстро. Саэмон затревожилась и стала торопить Сайсё. Он никак не мог заставить себя подняться, но — делать нечего — нужно было уходить. Он плакал и плакал, и лишь надежда на следующую встречу согревала его душу. Прошедшая ночь казалась ему сном.

Знаю: наша Связь глубока. На реке Мицусэ Кто укажет Нам брод?

— Какой прок делать вид, что ты не понимаешь, что произошло? — сказал Сайсё. Ённокими промолчала.

Переговорив с Саэмон, Сайсё отправился к себе, все еще сомневаясь, был ли он здесь наяву или во сне. Из его глаз медленно текли слезы.

Ённокими тем более не могла поверить в случившееся. Она совсем растерялась, ей хотелось умереть — она не могла заставить себя подняться с постели. «Госпожа расхворалась», — забеспокоились служанки.

Химэгими вернулся из дворца и вошел к жене. Как она сможет теперь смотреть ему в глаза! Ей стало еще хуже и она натянула на себя одеяло.

— Что с ней? — спросил Химэгими.

Ему ответили: «Госпоже еще с ночи как-то нездоровится».

Химэгими встревожился и прилег к жене. «Что случилось? До сих пор ты ни разу ни на что не жаловалась», — он обращался к ней так бережно и благородно, что Ённокими немедленно вспомнила, как грубо обошелся с ней Сайсё. Ее охватило волнение.

- 14 -

Мать Ённокими, обеспокоенная ее здоровьем, заказала читать молитвы. Химэгими никуда не отлучался, все время находясь при жене, поэтому Саэмон не могла передать Ённокими письма, которые — одно за другим — доставляли от Сайсё. Связь была прервана, Сайсё проводил в ожидании день за днем, ему становилось все тоскливее, не в силах справиться с печалью, он полагал, что жизнь кончена. Если бы раньше ему хоть раз в жизни было так плохо, вряд ли он дожил бы до этого дня. Он совсем потерялся, но что он мог сделать? Юной и неискушенной Саэмон было очень лестно, что Сайсё писал ее хозяйке по тысяче писем на дню, так что и на горе, названной Кладовой, не осталось бы места.[10] Сердце Саэмон запечатлело слезы Сайсё — ему было легче умереть, чем покинуть Ённокими в то утро. Саэмон думала о нем с жалостью и состраданием, ей так нестерпимо хотелось показать Ённокими этот нескончаемый поток посланий, но каждый раз ей приходилось отвечать, что после той невероятной ночи, Ённокими будто не в себе, недомогает, а муж все время при ней, так что нет никакой возможности передать письма.

Да, так все и должно быть... Когда Сайсё вспоминал ее смертельную тоску, он забывал ее упреки, уныние и печаль одолевали его, ему тоже не хотелось подниматься с постели — он только и делал, что горько вздыхал. Но что же будет с Советником, если он узнает, что произошло? Он же все глаза выплачет! У него такой чудесный нрав, он

так ослепительно хорош. И при этом, похоже, считает отвратительным то, что сопутствует любви, хотя и обладает редкостным сердцем, способным на глубокую любовь. Сблизится ли вообще Советник со своей женой? Сайсё разволновался и стал думать о том, как было бы хорошо похитить Ённокими. Если бы она хоть чуть-чуть полюбила его! Если бы она хоть что-то ответила на его слова-росинки! Но ведь увезти ее нельзя, она совсем ребенок и так беззащитна. А этот красавец Советник... Он так нежен, он не оставляет ее, она же так привязана к нему, а о Сайсё она, верно, вспоминает, как о безжалостном и жестоком человеке. Сайсё не сдерживал слез. Посмотрев на луну, он вспомнил стихи Ённокими и совсем пал духом.

- 15 -

Убедившись, что Ённокими стало лучше и ее состояние больше не вызывает особых опасений, Химэгими решил наконец оставить ее, поскольку он не мог все время сидеть взаперти — ведь он был должен появляться и в доме отца и во дворце.

— Я стану беспокоиться, ведь тебе все еще не по себе. Попробуй встать и делать все, как обычно. Мы с тобой так близки, будто бы у нас одно сердце. Когда мне одиноко и мне хочется оставить этот мир, только ты останавливаешь меня. Когда я вижу, что ты пребываешь в унынии и не встаешь с постели, мне не хочется больше жить. Мне так грустно, — сказал Химэгими, глядя волосы Ённокими. На его прекрасном лице были видны следы слез, он был красив и печален.

Муж был так нежен, он говорил с ней и ни о чем не догадывался... Ённокими думала о своей тайне, и хотя она вовсе не хотела отдаляться от мужа, она ничего ему не отвечала, отворачивалась и плакала, плакала. Химэгими не мог взять в толк, что случилось. Может быть, кто-то нашептал ей, что он мало ее любит? Он был ужасно расстроен и украдкой вздыхал.

— Я скоро вернусь. Пусть при ней будет побольше людей. Видно, злой дух навел на нее порчу. Она сама на себя не похожа, — наконец сказал он и покинул дом.

- 16 -

Когда Химэгими появился во дворце, дамы из свиты Распорядительницы женских покоев очень обрадовались — ведь его не было видно уже несколько дней. Они стали беседовать о том, что случилось за эти дни.

— Как поживает господин Сайсё?

— Как говорится в стихах, не доволен, что ему «не указали путь». Я на него обычно сержусь, он назойлив, но, видно, теперь он ходит куда-то в другое место. Обошелся, видно, без «столичной птицы», приносящей

вести о любимых, я рада от него отдохнуть.

Бэн-но Кими сказала только:

— Господин Сайсё болен.

Раньше Сайсё бывал здесь каждый день и порядком поднадоел. Так что его отсутствие могло объясняться только болезнью. Химэгими расстроился и прямо из дворца отправился к Сайсё. Когда Сайсё доложили о приходе Советника, у него забилось сердце — он был испуган предстоящей встречей.

— Последние дни мои домашние были нездоровы, поэтому я и сидел взаперти. Когда же я отправился во дворец и узнал, что тебя там давно не было, то решил, что и тебе нездоровится — ведь ты не привык подолгу сидеть дома, — сказал Химэгими.

Сайсё покраснел от волнения и проговорил дрожащим голосом:

— Да нет, ничего страшного, когда я по-настоящему болен, я вообще не в силах двигаться, принимаю горячие ванны и запираюсь. Ты сказал, у тебя в доме кто-то болен, кто же это? — спросил Сайсё и осекся: нужно быть осмотрительнее.

Хотя Сайсё задал свой вопрос будто бы ненароком, он сильно побледнел и совершенно смешался. При встречах с Химэгими Сайсё обычно до бесконечности болтал с ним, но теперь он вдруг замкнулся, говорил с трудом, было видно, что он чувствует себя плохо. Химэгими был очень этим расстроен, но поскольку Ённокими была нездорова, он не мог остаться подольше:

— Ты и вправду выглядишь неважно, постарел, как тот седой водопад, осунулся. Похоже, что не в теле дело, здесь какая-то сердечная болезнь, — Химэгими улыбнулся.

Сайсё покраснел и выдавил из себя улыбку:

— Ты только сейчас заметил, как я плохо выгляжу?

Химэгими успокоился и ушел.

В неровных разрывах вечернего тумана Химэгими был прекраснее цветов сакуры. Сайсё с ревностью следил за ним. «Она привыкла и утром и вечером видеть такого красавца, и, конечно, она думает, что я ничтожество!» Как горько знать это, но что можно поделать. Эта мысль преследовала Сайсё, у него текли слезы, до самой утренней росы он не сомкнул глаз.

- 17 -

Сайсё вздыхал, сох, обхаживал Саэмон, и та по своей слабости поддалась его уговорам. Всякий раз, как Советник оставался ночью во дворце, Саэмон, будучи будто во сне, проводила Сайсё к Ённокими, а та всякий раз со слезами обнимала его. «А вдруг кто-нибудь все расскажет

мужу? Как я тогда стану жить?» — беспокоилась Ённокими, но с каждой новой, такой ни на что не похожей, встречей этот мужчина, всегда ее желавший, казался ей все более привлекательным и милым, и со временем она уже не представляла свою жизнь без свиданий с ним. Ее муж был замечательным и необыкновенным, но он не желал ее, выражал свою любовь только на людях, и, сравнивая этого сдержанного человека и того, кто добивался ее так, что был готов умереть, она думала, что именно Сайсё любит ее по-настоящему. А вдруг хоть что-то станет известно об их связи? Ей было страшно и стыдно, но теперь она уже не могла не видеться с ним даже под угрозой разоблачения, хотя и знала, что ей самой эти свидания принесут только горе.

- 18 -

Ённокими жила с этими тревожными мыслям. И все же она не поняла, как что-то случилось... Но вот прошло три или четыре месяца, и ее положение стало заметно всем.

«Последнее время ей все как-то не по себе, отчего это? Может, она ждет ребенка?» — допытывался ее отец. Однако до тех пор, пока в этом не было уверенности, никто не отвечал ему. Но вот однажды, когда Ённокими принимала ванну, прислуживавшая ей дама увидела все воочию.

«Ённокими беременна», — сказала она Удайдзину. Тот несказанно обрадовался, заулыбался и тут же расшумелся: «Почему еще не читаются молебны! А каков мой зять! И на сторону не глядит, и такой предупредительный. Лучшего и не пожелаешь. Да пусть даже он искал бы любовных утех, я бы все равно не упрекнул его. Чтобы мужчина ни чуточки не погуливал и хранил верность — большая редкость, таких и не бывает. А вот если младенец будет похож на него, это умножит славу нашего дома!» Слезы наворачивались ему на глаза.

Счастливо улыбаясь, он прошел к дочери и остановился у занавески перед постелью. Ённокими лежала — у нее были сильные боли, но увидев отца, она поднялась. Чрезвычайно довольный, отец приблизился к ней со словами:

— Как ты себя чувствуешь? До сих пор я не знал, что твое недомогание вызвано беременностью. Надо, чтобы читались молебны и всякое такое, — сказал он, всхлипывая.

Как это ни удивительно, но Ённокими почувствовала дурноту уже после самого первого свидания. Она тревожилась о том, что это и вправду то самое... А что будет, когда об этом узнает муж? Пот прошибал ее при мысли о том, как она станет смотреть ему в глаза.

— Ты слишком застенчива, а чего здесь стесняться? — отец был бесконечно счастлив.

Вернувшись к себе, он приказал приготовить все, что может понадобиться дочери, не забыл и о фруктах, позаботился обо всем, о чем только возможно. Он сказал жене:

— Пойди поговори с ней.

Но та отвечала:

— Ей будет неловко. Когда так открыто говорят об этом...

— Ты думаешь только о других дочерях, а об этой вроде нечего и беспокоиться! Удивительно, но она ничего толком не понимает. А ведь сбылась мечта, которую я лелеял годами, и теперь все мои опасения позади.

Он приказал кормилице:

— Возможно, Советник еще ничего не знает. Сегодня счастливый день. Вечером надо ему все рассказать.

Как раз в этот момент Химэгими вернулся домой.

— Вот-вот. Еще не поздно, а он уже дома. Если бы он оказался недостойным, как у меня болело бы сердце! Ну, не стала дочь государыней, что с того! Ведь муж-то у нее какой! Вот что важно. Как умно я все устроил! — он хвалил сам себя, ни к кому не обращаясь. И это было весьма трогательно.

- 19 -

Химэгими сел к столу, ему прислуживала кормилица Накацукаса. Удайдзин хотел, чтобы она все рассказала Советнику, и она рассказала. Химэгими разволновался, он слушал эту несуряицу, его лицо зарумянилось. Накацукаса подумала, что он оробел. Ах, какой он еще юный! Как он мил и красив!

Ённокими тосковала, ее то прошибал пот, то она заливалась слезами. Химэгими как всегда лег с ней рядом, но что он мог ей сказать? Он — не как все, но он старался жить как все... Но все равно его никогда не оставляло беспокойство, что вскоре случится что-нибудь такое, отчего жизнь его переменится. Но у него есть мать, которая принимает его таким, как он есть. Она любит его, и если он ее покинет, ее сердце погрузится во мрак. Отец тоже не считает его никчемным и не отказывается от него. Если отец не видит его всего один день, то уже скучает. Отвернуться от них и покинуть этот мир было бы ужасным грехом. Химэгими никак не мог решить, как ему быть. Шло время и вот теперь Ённокими забеременела. Конечно, жаль, что он не похож на других людей, но раньше он не был опорочен, а теперь все узнают, что он и его жена никогда... Вот неудача! Ведь теперь люди станут судачить о том, кто лишил его жену невинности. Химэгими чувствовал стыд и обиду. Теперь он не хотел задерживаться в этом мире. Уж лучше остаться ему одному! Ему было больно и горько, всю ночь он не сомкнул

глаз. Теперь он непременно должен оставить этот мир.

Кто же его обидчик? Уже случилось то, что случилось, а Химэгими ничего не подозревал, ходил во дворец, болтал... И наверняка ему пришлось беседовать с тем, кто одурачил его. Эти мысли не давали Химэгими покоя. Уже рассвело, но ни он, ни Ённокими не поднимались с постели, продолжая лежать, отвернувшись друг от друга.

— Проснись, — сказал Химэгими. Ённокими в испуге еще выше натянула одеяло на голову.

— Мне очень трудно это пережить. В последние месяцы ты стала такой отчужденной, но я-то ничего дурного тебе не сделал, ни о чем не догадывался. Конечно, ты думала о том, что я — не как все, тебе было тоскливо и печально. Твой отец ни о чем не подозревал и хотел, чтобы я любил тебя...

Как жалко. Но что ты теперь будешь делать? Я не знаю никого, кто позаботится о тебе лучше меня. Я всегда был рядом с тобой, не встречался с другими женщинами... А теперь меня станут считать ужасным глупцом, будут жалеть. Какой стыд!

Химэгими говорил спокойно, но был в видимом затруднении, он перечислял, что именно ему будет трудно снести, но в глубине сердца его мучило любопытство. Кто его обидчик? И всё-таки настоящей ревности, до биения сердца, он не испытывал.

- 20 -

Когда Ённокими увидела, что он лежит с невыразимо восхитительной улыбкой на губах, ей стало еще хуже, и она залилась слезами, но Химэгими не стал больше ее утешать.

— Помогите госпоже, — сказал он и встал с постели.

Химэгими умылся и прочел сутру, ощущая какое-то болезненное возбуждение. Может быть, никаких причин для столь тягостных мыслей и нет. Но ведь люди станут считать его глупым и странным человеком. Да и мало ли что кому придет в голову? Ужасно неприятно. И отчего все так вышло? Да оттого, что он не смог отказаться от придворной жизни, вот и вышла эта пренеприятная история. Химэгими все сильнее чувствовал, что пора принимать решение. Он с жаром читал сутру, и его сердце просветлело, он возгласил последние слова, его голос звучал как-то особенно благородно.

Ённокими все еще лежала. Как тоскливо! Ее лица не было видно, она беспрестанно тяжело вздыхала, и никто не понимал, что случилось.

Радуюсь своему счастью, отец Ённокими тут же дал знать Садайдзину, которому эта новость показалась очень странной и неожиданной. В своем нынешнем облике Химэгими прекрасно прижился в обществе. Садайдзина не волновало, что Химэгими отличался от

других. К тому же он обладал такой прекрасной внешностью... Но все же он был отчего-то весьма расстроен. Не из-за этого ли престранного события? Садайдзин был удивлен услышанным, но, хотя его так и подмывало спросить, что бы это все могло значить, он смолчал, как это и подобает отцу, опасаясь сделать еще хуже. Ведь Химэгими и без того было плохо. Однако когда посторонние заводили речь о будущем ребенке, Садайдзин принимал вид горделивый.

Химэгими же, кроме всего прочего, был весьма обеспокоен тем, что подумает обо всем этом отец. Химэгими отдавал себе отчет, что когда он бывал на людях, то наверняка сталкивается лицом к лицу с тем человеком, который одурачил его. А потому в обществе он стал вести себя отстранено — словно высокое облако, всем своим видом показывая, что этот мир для него — лишь временное пристанище. Он всегда считал, что они с Ённокими заключили крепкий союз: ведь им было так уютно лежать бок о бок, будто они слились в одно, но эта клятва, данная им, таким не похожим на всех остальных, стала теперь его болью. Раньше его волновало, как бы Ённокими вдруг не подумала, что он, подобно всем остальным, посматривает на сторону, а потому его заботило, что она подумает, когда он частенько оставался на ночном дежурстве во дворце, но после того, что случилось, она, наверное, поняла, какие странные отношения были между ними. Ему было стыдно и горько, сердцем своим он отдалился от нее, и прежней дружбы между ними уже не осталось. Она же по известным причинам чувствовала непреодолимый стыд и печаль, они больше не разговаривали друг с другом по душам и не смотрели друг другу в глаза — «чужие под одним одеялом». Вот так теперь они жили. Химэгими решил, что человек, которому Ённокими дала любовную клятву, занял его место в ее сердце. Он был очень расстроен и больше ее не утешал. Он стал избегать ее, она для него больше не существовала, и он стал все серьезнее задумываться об уходе от мира. Теперь он обычно не оставался с ней наедине, вкладывая всего себя в молитвы. Так проходили дни.

Теперь он все чаще оставался ночевать во дворце или у отца, люди видели в этом странность, полагая, что любовь мужчины становится сильнее, когда женщина носит его ребенка. Отец и мать Ённокими были расстроены:

— Как же так? Муж нашей дочери только и делает, что возглашает сутры. И это сейчас, когда... Что с ними будет дальше?

Слыша их сетования, Ённокими не находила себе от печали места и думала лишь о том, как бы исчезнуть, умереть.

Сайсё же, через глубоко расположенную к нему Саэмон, хорошо представлял себе настроения Ённокими. Он был опечален без меры, теперь он осознал, как крепка их связь, а раз так, то он был полон решимости выкрасть и спрятать ее, не обращая внимания на то, как это

будет выглядеть в глазах людей, что скажут об этом другие. Но это было совершенно невозможно, мысли путались в его голове. Но все оставалось по-прежнему.

- 21 -

Химэгими с удивлением заметил, что с Сайсё творится что-то неладное. Он знал, что когда-то Сайсё был влюблен в Ённокими, должно быть, он и есть тот самый человек, который... Наверное, так, ведь никто ни о чем не догадывается, кроме самого Химэгими. Сайсё оберегает свою тайну, потому что стыдится и ревнует. И все же Химэгими было трудно поверить в это. Отчего он должен оставаться в этом мире страданий! Но он глубоко переживал, что станется с родителями, и из-за этого не отказывался от мира, он тысячи раз все взвешивал, и желание искать невидимую горную тропу крепло в нем.

- 22 -

В те времена жил на свете человек, которого звали принцем Ёсино. Он был третьим сыном одного из прежних государей. Принц Ёсино отличался необыкновенными способностями, не существовало такого знания, что было бы ему недоступно. Во всем том, что знают другие, в самых разных науках, он обладал редкостными способностями: в гадании и в предсказаниях, в астрологии и в толковании снов, в чтении по лицу человека. В старые времена наиболее выдающихся в науках учеников каждые двенадцать лет посылали в Китай, дабы они учились наукам той земли, но вот наступил «конец закона», [11] лица людей и их нравы пришли в упадок, и учеников, которых направляли бы в Китай, не стало, но принц Ёсино настоятельно просил дозволения отправиться туда. В Китае его встретили с радостью, многие японцы уже успели побывать там, да и в самом Китае было немало одаренных людей, однако столь умного человека, сведущего в стольких науках, там еще не видывали, ему удивлялись, к нему относились с почтением. Один тамошний министр взял его в зятя, отдав за него дочь, которую бесконечно лелеял. Супруги полюбили друг друга, одна за другой у них родились две дочери, но после этого их мать умерла. Она была человеком из другого мира, но принц вовсе не чувствовал, что она ему чужая. Конечно, он не мог сказать этого про Китай, но в Японии он был знаком и с женами государей и с самой государыней, и с их дочерьми, но такой красавицы, как его жена, он никогда не встречал. Его любовь была так сильна, что он оставил мысль вернуться в Японию, хотя это и заставляло его грустить и печалиться. Вскоре принц осознал, что страстно желает остаться в Китае и уйти от мира, но одновременно ему было жаль расстаться с дочерьми — прощальным подарком жены.

Пока принц Ёсино в смятении раздумывал обо всем этом, его тесть-министр от тоски заболел и больше не поднимался с постели. Так он и умер, а принц остался совсем без опоры. Теперь ему и вовсе не

хотелось жить. Тем временем другие министры и сановники предполагали взять его в зятя, но, хоть он и знал об этом, принц не хотел видеть другую женщину своей женой, поэтому он не соглашался, и этим вызывал на себя гнев. Он даже слышал, что кто-то готовился убить его. Ему не было жаль своей жизни, но все-таки его брала досада — не погибать же на чужбине. В те времена, когда рядом с ним были люди, почитавшие и любившие его, он забыл про тот мир за морем, но теперь, когда ему было так мучительно и страшно, принц понял, что хочет вернуться. Теперь он печалился, что придется оставить дочерей. Ведь он слышал, что с тех далеких времен, как Нанисю не смогла переплыть Китайское море, а Сасэмаро благополучно пересек его, путь этот не покорялся женщинам. Но принц подумал: «Если царь-дракон остановит корабль, отдать жизнь под небом странствий будет не жаль».

Известив родственников покойного министра, принц Ёсино вместе с дочерьми пустился в путь. Его отъезд был похож на бегство, но, верно, сердце злого царя-дракона смягчилось на этот раз, и корабль плыл без всяких помех, будто ветер нарочно дул туда, куда надо. Так они и приплыли в Японию. Принц не хотел, чтобы люди стали судачить, что вот, мол, девочки рождены китаянкой, а потому он вернулся в столицу, надежно спрятав дочерей. Родная земля стала теперь для него чужой. «И почудится вдруг...»[12]

Его думы были непередаваемо тяжелы и печальны. Храня память о жене, принц заботился о дочерях и даже не помышлял сблизиться с другими женщинами. Он жил одиноко, постоянно плача. Точные обстоятельства доподлинно не известны, но кто-то оклеветал его, сказав, что принц Ёсино замыслил мятеж и хочет сам стать правителем. А потому он должен быть сослан куда-нибудь подальше в горный край.

Когда принц узнал об этом, происходящее показалось ему сном. Все оттого, что он не хочет быть таким, как другие, оттого, что продолжает жить в мире, в душе уже отказавшись от него и относясь к нему с полным равнодушием! Он остался в этом мире только для того, чтобы воспитывать дочерей, и думал прожить так, пока они не станут разбираться в жизни, но его замысел обернулся одними неприятностями. И вот принц Ёсино постригся в монахи. У него была земля у подножья гор Ёсино, и он удалился туда вместе с дочерьми — в столице никто не знал куда он отправился, никто не узнал его в дороге. Он похоронил себя в снегах пиков Ёсино, чтобы в тоске слушать лишь пение птиц и чтобы никто не нашел его.

- 23 -

Вот так — увы! — получилось, что красота дочерей принца Ёсино оказалась скрытой от людей. Никто не слышал их музицирования, а ведь понимающий человек мог бы оценить их игру на кото на китайский лад. Принц смотрел на дочерей с грустью и тоской, ему хотелось, чтобы

его следы затерялись в глубине гор, но он не мог уйти из этого мира страданий, оставив своих прекрасных дочерей без покровителя. Принц очень беспокоился о них, но, обладая даром предвиденья, знал, что, независимо ни от чего, со временем появится человек, который укажет им путь. Так уж суждено. Поэтому он решил ждать того, кто назначен дочерям судьбой.

- 24 -

Химэгими все чаще и чаще приходили мысли о том, что ему нет места в этом мире. Любуясь цветами сакуры или осенними листьями клена в горах, он думал, что, верно, есть где-то неизвестное людям место, укромное пристанище в долине, где можно спрятаться, или же горная обитель, где он мог бы предаться своим сокровенным думам.

Химэгими лишь краем уха слышал о принце Ёсино, но однажды некий человек поведал о нем в подробностях:

— Его жилище действительно выглядит пристанищем отшельника, там чувствуешь себя далеко от этого мира, там горный поток и сами горы такие, к каким не привыкли в столице, в таком месте отдыхаешь мыслями — душа успокаивается.

Всем известно, что существуют люди, склонные к одиночеству, но повернуться к миру спиной, вот так решительно поселиться рядом с каким-нибудь отшельником и стать его учеником — это все-таки немного страшно и грустно. Но принц Ёсино был, похоже, совершенно необыкновенным человеком. Химэгими удивился, как раньше мысль о том, чтобы отправиться к принцу, не приходила ему в голову. Он спросил у своего собеседника:

— А откуда вам известны такие подробности?

— Мой дядя — ученик принца, он не расстается с ним ни ночью, ни днем, а поскольку я часто размышляю о пути Будды, временами я вижу с дядей, — ответил тот.

— Замечательно! Уже с год я хочу познакомиться с ним и навестить его, научиться играть на семиструнном кото, на котором сейчас никто не играет, расспросить о трудных местах из старых книг, которые не могу сам растолковать, но принц живет так далеко и уединенно, что я даже не решался просить принять меня — ведь он мог счесть меня слишком назойливым. Но если он согласится, я буду счастлив скрытно посетить его, — проговорил Химэгими воодушевленно.

— Это очень просто устроить.

— Хорошо, если бы вы отправились туда как можно скорее, — сказал на прощание Химэгими.

Тот человек без утайки рассказал дяде о желании Советника. Так-то и так-то, Советник — сын господина Садайдзина — просил сказать то-то

и то-то.

— Раньше разные люди сюда приезжали, спрашивали совета у принца, но он отвечал, что не хочет видеть их. Он не желал, чтобы люди думали, что он все еще хоть как-то связан с этим миром. Поэтому он и оставлял посетителей без внимания, а в последние четыре-пять лет никто его не навещал. Так что согласится ли он или нет — не знаю. Пойду к нему, спрошу.

Он рассказал принцу, что, мол, один влиятельный человек прислал его племянника с такой просьбой.

Принц Ёсино слегка задумался. «Этот сановник купается в роскоши, и сердце его должно быть открыто только бабочкам и цветам, тому, что утонченно и изящно, так с чего бы, узнав обо мне, ему отправляться в далекие горы? Должно быть, это как раз человек, предназначенный мне судьбой. Очень хорошо, пусть приходит».

Принц Ёсино обрадовался и согласился принять Советника. Священнику это показалось немного странным, но он подумал, что у принца имелся свой расчет.

— Я думал, что дело может оказаться трудным. Было бы жаль, если бы тебе пришлось уйти ни с чем, но принц ответил, что согласен.

Племянник священника вернулся с радостной вестью и обо всем рассказал Советнику. Тот несказанно обрадовался, предчувствуя, что его мечты наконец-то сбываются:

— Будьте осмотрительны, ничего никому не говорите, держите язык за зубами, — предупредил Химэгими посланца.

«Если я вот так сразу, после первой же встречи, покину этот мир, принц может подумать, что мой поступок необдуман, и это ему не понравится, лучше я сначала повидаюсь с ним и обменяюсь клятвой учителя и ученика на все жизни вперед. Потом же вернусь домой», — размышлял Химэгими.

— Я видел очень беспокойный сон, и толкователь сказал: чтобы очиститься, мне следует провести дней семь-восемь в горном храме. Если людям станет известно, где я, мне не дадут покоя, обязательно кто-нибудь приедет, а я хочу сосредоточиться на молитве, — туманно объяснял Химэгими.

Раньше, когда ему случалось уезжать, и они с Ённокими были вынуждены расстаться на несколько дней, перед расставанием они так грустно и нежно беседовали друг с другом — было сразу видно, что их соединяет глубокое чувство. Но после того, как его одурачили и тот человек занял его место в сердце Ённокими, все стало не так. Ённокими было стыдно и горько, да к тому же и она с тоской осознала, насколько глубока ее связь с другим. Это было так жестоко, и она полагала, что

муж тоже должен был думать точно так же. Химэгими же просто отстранился, не зная, есть ли у него причина сердиться на нее, и то, что он выглядел таким равнодушным, вызывало в ней ревность.

- 25 -

С Химэгими был только проводник — племянник священника, да еще четыре-пять близких людей, в том числе и дети кормилицы. Они отправились в путь тайно. Стояла девятая луна, несказанно красивый вид гор привел Химэгими в волнение. Вот он идет в какую-то даль... Тут ему стало уныло и одиноко. Он не знает, что с ним станет, что подумают отец и мать. Если его одолевают такие чувства, когда он знает, что уходит лишь ненадолго, то что же будет, когда он решится покинуть мир навсегда? Ему было стыдно.

Из глаз моих Струятся слезы. Как странно... Ведь это не та дорога, Которой уйду от мира

С дороги провожатый был послан вперед, поэтому в доме принца Ёсино все было убрано, вычищено и приведено в порядок, все переоделись и ждали гостя. На закате принцу доложили, что Советник здесь. Химэгими поправил свои одежды и вошел. На нем были штаны из шелка с волнообразным узором и вышитыми колосьями осенних трав, нижние одежды, вытканые золотыми и серебряными нитями, с плеч спускалась красно-коричневая дорожная накидка. Казалось, он испускает сияние — так он был блистательно прекрасен. Даже если бы в эту минуту спустился с неба паланкин, приглашая усесться в него и отправиться в рай, всякому захотелось бы остаться на земле, чтобы налюбоваться Химэгими.

Могло же такое случиться! Чтобы в эру «конца закона» и всеобщего упадка родился такой человек! Принц обрадовался, внимательно разглядывая, как усаживается Химэгими. Сам принц тоже был очень красив: исхудавший от постов, белокожий, с чисто выбритой головой, благородно-поджарый. Он выглядел моложе и свежее, чем ожидал Химэгими.

- 26 -

Вскоре они стали разговаривать уже без стеснения, и принц Ёсино с удивлением отметил, что Советник обладает знаниями, редкими для этого мира, что он — человек выдающийся. И когда он только успел так выучиться! Поскольку сердцу принца было явлено, что этот человек предназначен судьбой служить поводырем его юным дочерям, пока те не повзрослеют, принц был очень любезен и откровенен, он рассказал, как он приехал в Китай, о своем великом несчастье, о двух необыкновенных дочерях, которых он не мог оставить, о том, как оказался заложником ужасных слухов и пленником мелочности этого брэнного мира. Теперь же дочери стали его путами, и из-за них он не

может скрыться далеко в горах. Принц не выглядел святым, но тому, кто видел этого благородно-печального и сосредоточенно-спокойного человека, было трудно сдержать слезы. Плакал и Химэгими:

— Неужели и вправду все это с вами случилось? Что до меня самого, я не таков, как другие... У меня будто бы нет причин чувствовать себя одиноким и обиженным, но на самом деле я с детства был странным, не как все, ни на кого не похожим. Теперь я твердо понял это и думаю, что мне не стоит жить в этом мире.

Когда Химэгими сказал так, принц понимающе вздохнул:

— Конечно, вы считаете, что бессильны что-то изменить, но все когда-нибудь разрешится. Причины настоящего кроются вовсе не в настоящем, это воздаяние за прегрешения, совершенные в прежних жизнях, во всяком случае вам следует так думать. Нет смысла вздыхать о том, как обстоят дела в нашем мире или же возлагать на кого-то вину — это вовсе не ведет к пониманию. Что бы то ни было — не следует ненавидеть этот мир. Я вижу, что в будущем благодаря вашему браку вы вознесетесь на недостижимую высоту. Не стану распространяться о том, как это произойдет, естественным образом вы сами поймете, что я имею в виду. И не станем больше говорить о том, что написано на наших лицах, — сказал принц.

«Что можно увидеть на моем лице, да и как вдруг с моим телом я смогу занять какое-то высокое положение?» — подумал Химэгими и сказал:

— Вот что, о ваших дочерях... Не уверен, достаточно ли я надежен, но пока я остаюсь в этом мире, я позабочусь о них. Вы можете больше об этом не беспокоиться, — сказал он.

— С самого начала я не хотел, чтобы кто-то знал о моих дочерях. Но сама судьба послала мне вас. Пусть это и покажется странным, но я вам скажу: я не хотел для своих дочерей того, чего обычно желают родители, но пока они живут здесь со мной, я, несмотря на желание оставить этот мир, не смогу этого сделать. Здесь никто их не посещает, а как им прожить, если они не замужем? Не могу же я заставить их вечно оставаться здесь? Все мы в руках судьбы и сбудется ли мое желание уйти — неизвестно. Не думаю, что им удастся прожить так осмотрительно, чтобы избежать кривотолков. Я хочу покинуть этот мир, но меня огорчает, что я не знаю, когда это сможет осуществиться. Это так печально! — принц говорил и говорил, заливаясь слезами до самого рассвета.

В речах этого необыкновенного человека все, о чем он говорил, становилось ясным — пусть речь шла даже о Китае и Корее, не было ничего, в чем можно было бы усомниться. Химэгими ликовал — он будто бы проник в глубины ада и высоты рая. Это было счастье! Исчезло даже

недовольство собственным телом. Он был очарован и печалился вместе с принцем. За время их беседы у Химэгими ни разу не возникло желания встать и уйти.

Когда принц показал ему книги, о которых никто в Японии и не слыхивал, Химэгими выказал такую глубину знаний и суждений, что принц решил, что и в Китае ему нет равных. Химэгими не уступал и самому принцу Ёсино. Принц радовался — перед ним находился редкостный человек.

Когда они выбрали темы для сочинения китайских стихов, Химэгими сложил так, что это превосходило сочиненное самими китайцами. Когда они взяли в руки кисти, почерк и манера письма Химэгими оказались непревзойденными. «Передо мной выдающийся человек! — с изумлением думал принц Ёсино. — Видно, он перевоплощение божества!» Все более утверждаясь в этой мысли, принц рассматривал Химэгими с нескрываемым интересом.

- 27 -

Несколько дней миновали незаметно. Принц Ёсино, очарованный безграничностью талантов своего гостя, стал даже пренебрегать молитвами. Химэгими слышал, что звуки семиструнного кото — необычайно прекрасны. И вот как-то лунной ночью принц взял инструмент в руки. Печальная и столь необычная музыка была чарующей.

Принц отложил кото в сторону. Химэгими в свою очередь взял его и стал наигрывать. Невероятно, но вдруг послышалась та же самая мелодия, что звучала только что!

— То, как прозвучали эти последние звуки... Мои дочери, о которых я так волнуюсь, я ведь учил этих бедняжек! Вы сыграли точь-в-точь, как они. Даже я, горный отшельник, привыкший к ветру в горах Ёсино, не смог бы лучше. Мне так приятно, что вы меня посетили, ни в коем случае не хочу, чтобы вы подумали, что я оказываю вам холодный прием, — сказав так, принц Ёсино прошел в комнату дочерей.

— У нас гость, он пробудет здесь несколько дней, побеседуйте с ним. Он не похож на других мужчин. Пусть такая поспешность покажется странной в глазах людей, но он не сделает ничего предосудительного, — сказал принц.

Комнату тщательно прибрали. Наступил прелестный час приближения утренней зари, луна была окутана туманом. Вошел Химэгими, благоухая несказанными ароматами. Он был ослепителен. Девушки, любовавшиеся луной с галереи, смутились и спрятались в глубине дома.

— Делайте, как я сказал. А как тут прикажете поступать? Странно

следовать здесь обычаям света. Ничего неловкого не случится, — успокоив дочерей, принц удалился.

- 28 -

Комната принцесс Ёсино находилась в глубине небольшого дома, она была убрана намеренно просто, но было ясно, что обе ее обитательницы окружены заботой. И в доме и снаружи стояла тишина, никого не видно, и только луна сверкала, отражаясь в воде. Химэгими с глубокой грустью думал, каковы могут быть сердца этих девушек, которые вынуждены проводить свое время в созерцании. Могут ли они, рожденные в иной стране, глубоко и по-настоящему познать очарование вещей? Химэгими строил догадки и пытался найти ответ. Поскольку все молчали, он прочел:

В горы Ёсино, Чтоб отвернуться от мира Отправился странник, Но нет никакого ответа. Вам не знакомо подобное чувство?

На глаза Химэгими навернулись слезы, он был необыкновенно трогателен и печален. Даже в столице считалось, что ему нет равных, и многие в глубине сердца пылали к нему любовью, а уж этим девушкам, которые и обычных-то людей не привыкли видеть, конечно, стало неловко. К тому же с ними не было никого, кто мог бы помочь ответить на стихотворение и они застыдились — ведь так долго не отвечать было просто неприлично. Одна из сестер чуть подползла на коленях к Химэгими и прочла:

В этих краях Только ветер Да мы. Здесь нет никого, Так кому же ответить?

При смутном свете в облике девушки были явлены высокое достоинство и милая стеснительность, она выглядела изумительно благородной. Химэгими подумал, что и в столице такую найти трудно, к тому же ему было интересно, которая из сестер — старшая или младшая — это была.

Мне о вас И о ветре, что дует в горах, Расспросить бы. Но нет никого, Кто ответит.

Он не любезничал, как это обычно бывает, но с восхитительным откровением говорил о причинах своего приезда, о своей грусти и думах. Девушка понемногу свыклась с его присутствием, и время от времени ласково отвечала ему. Принцесса Ёсино привлекала его к себе обликом и нравом, но она не предназначена для Химэгими. А вот Сайсё... Видно, он до сих пор не слышал, что такая девушка есть на свете, а если узнает — влюбится в нее без памяти. Стоило Химэгими подумать об этом, как ему стало жаль самого себя, но потом он улыбнулся. Луна была окутана туманом, беспорядочная трескотня насекомых, журчание воды, шум ветра, крики оленей сливались в одно... Все вокруг было таким чарующим, что никто не мог оставаться равнодушным — они были тронуты до слез.

— Мне еще никогда не приходилось оставаться за порогом, по-моему, это неудобно и неловко. Не стесняйся меня, — с этими словами Химэгими спокойно продвинулся вглубь комнаты.

Смущенная и растерянная, старшая из принцесс Ёсино лежала ничком.

— Не стесняйся! Не смотри на меня как на искателя любовных утех. Пусть это и покажется тебе странным, но ты можешь считать меня еще одной твоей сестрой, — сказал он очень спокойно и нежно, терпеливо успокаивая ее, но ей казалось, что все это сон, ей было не по себе и к тому были основания. Тут к ним присоединилась и младшая сестра, теперь они были втроем.

Дамы, прислуживавшие в доме, удивлялись: «Ну и ну!» Они всегда беспокоились и вздыхали, думая о том, как печально должно быть принцессам, которым предстояло неизвестно сколько прожить в этом уединении, и теперь, при известии о том, что появился такой редкостный и блестящий человек, у них сильнее забились сердца. Но одежды женщин были настолько поношенными, что от стеснения они предпочли скрыться в глубине дома, оставив принцесс на произвол судьбы. «Где же они?» — недоумевали девушки, но рядом никого не было. Однако и наедине с принцессами в поведении этого человека не было никаких признаков дурных намерений или же высокомерия, он был сама предупредительность. Старшая принцесса Ёсино, опасаясь показаться нескромной, все же спросила о том, что у нее на сердце:

— Вступить в близость, это то, что между нами сейчас? Ах, неудобно! Что подумают люди! — она побледнела.

— Об этом тебе ни в коем случае не стоит беспокоиться. Пока я живу на этом свете, я изо всех сил буду стараться делать вам только хорошее, вы сами убедитесь в этом. Я чувствовал, что между нами стоит слишком много лишнего, вот я и поступил вопреки вашей воле, проявил чрезмерную настойчивость, но лишь потому, что хотел, чтобы мы перестали быть чужими, — говорил Химэгими, и девушка постепенно успокоилась.

Младшая сестра все еще дичилась, пряча голову в одежды. Старшая принцесса Ёсино, видя, как ей неловко, увела ее, и та укрылась за занавесками.

Химэгими расстроился: «Не будь такой удрученной и отстраненной. Мои чувства одинаковы к вам обеим!»

Когда старшая сестра последовала за младшей, Химэгими, как это и принято, никуда не ушел — он последовал за ней и лег рядом. И поклялся любить ее вечно, даже в будущих жизнях. Теперь она больше

не чувствовала себя беззащитной капелькой росы, и Советник перестал быть ей чужим. Но все же эта близость казалась ей постыдной — ведь она никогда не встречалась с подобным человеком и потому сейчас ощущала страх и неловкость.

- 30 -

С приближением зари ей стало еще больше не по себе от того, что он находился рядом. Она лежала в одних нижних белых одеждах, ее мягкое и стройное тело будто сошло с картины, необыкновенно красивые, распущенные волосы покрывали одежду. Она глубоко зарылась в одежды и смотрела на Химэгими искоса — бледная и прекрасная. Благородная красавица, по-другому и не скажешь. В ней не было ничего от китаянки, она не казалась далекой, ее обаяние привораживало, на нее хотелось смотреть вечно, — так казалось Химэгими, он был в сладостном волнении, и от всего сердца обещал ей вечную любовь, как и подобало мужчине. На восходе оба выглядели пленительно и казались очень довольны друг другом. Когда рассвело, он ушел. Вспоминая, как она прекрасна, он написал так:

То, что было, Туманом закрыто. Но я еще вернусь, Однажды я сорву тебя, О, белая хризантема!

Такие письма обычны в определенных случаях, и дамы, само собой, были взволнованы. Поскольку Химэгими показался ей таким милым и обаятельным, принцесса Ёсино сначала разговаривала с ним, не считая это чем-то чрезмерным, но теперь она не понимала, что произошло, ей было неловко и стыдно, она даже почувствовала нездоровье и не ответила на письмо, хотя дамы говорили, что это весьма нелюбезно, но принцесса только и сказала, что отвечать вовсе необязательно и на этом прекратила разговор.

Когда стемнело, Химэгими снова прошел к ней, и они беседовали, любуясь луной. Когда наступил рассвет, они вместе играли на кото, Химэгими был бесконечно влюблен и не хотел покидать ее.

- 31 -

Незаметно летели дни. Хотя принц и знал, что они стали близки, но это его не беспокоило, он только сказал:

— Очень хорошо, пусть беседуют друг с другом.

Принц полагал, что не было никакой необходимости препятствовать им.

Поскольку Химэгими так и не стал монахом, оставаться здесь он больше не мог, его отец и мать ничего не знают о нем и наверняка беспокоятся, тесть тоже, верно, очень сокрушается, и только Ённокими, конечно, сочувствует ему. Химэгими многое передумал, но вечно прятаться невозможно — он решил возвратиться. Химэгими подарил

принцу Ёсино множество разных вещей — холщовые облачения, одеяние священника, ночные рубахи. Химэгими думал о звуках ветра в верхушках сосен. Людям принца — высокородным и низким, и принцессам он преподнес пятислойные нижние одежды мягкого алого шелка, множество других одежд и отрезов узорчатого шелка, отливающего какими-то невиданными оттенками. Были там и веера, и еще многое другое. Все было непревзойденного качества, подарков оказалось столько, что принцу стало неловко, и он подумал: «Я уже позабыл о роскошных вещах и не хочу их». Но Химэгими выглядел таким великодушным, что принцу было неловко признаться в своих истинных чувствах.

— После того, как я попросил вас позаботиться о моих дочерях, мне сделалось спокойно. Теперь мне хотелось бы уйти еще дальше в горы, — проговорил принц Ёсино.

Химэгими сказал, что принц может больше не беспокоиться о принцессах.

— Я хотел бы перевезти их в столицу.

— Как, прямо сейчас? Не слишком ли вы спешите? Это вызовет пересуды. Но раз вы обещаете о них позаботиться, я больше не стану за них беспокоиться.

В качестве подарка принц ограничился несколькими лекарственными средствами, привезенными им из Китая. В Японии о таких и не слышали.

Старшей принцессе Ёсино Химэгими дал клятву вернуться и в знак бесконечной любви прочел:

Тревожусь, Бушует в сердце буря, Хочу умереть и Горный ветер в вершинах сосен
Так хочу каждый день я слышать.

Принцесса тоже чувствовала, что будет совершенно одинока без этого милого славного Советника.

За годы жизни Я привыкла К ветру в соснах. Но теперь от его дуновенья Прибывает тоска ожиданья.

Химэгими желал, чтобы ее увидел настоящий мужчина, не такой, как он сам, — так прекрасна она была. Он с трудом решился уйти.

- 32 -

Цвет горных долин сделался еще насыщеннее. Дни в Ёсино пролетели незаметно, Химэгими грустил. По прибытии в столицу он сначала отправился к отцу.

— Я думал, ты будешь отсутствовать как всегда, два-три дня, но тебя не было так долго, я забеспокоился — не знал уж, что и подумать. Где же ты был? — заговорил отец. — Это очень легкомысленно —

бродить вдали от людей, никому не сказав, где ты.

Отец все эти дни почти ничего не ел, и вот теперь он пригласил Химэгими разделить трапезу. Пусть судьба предопределила Химэгими быть не таким, как все, но он вполне успешно вошел в общество. Эта мысль успокоила отца, и ему на ум пришли безмятежные и приятные мысли, его умиротворенный вид растрогал Химэгими. Отец, улыбаясь, наблюдал за Химэгими, смотреть — не насмотреться на его редкостную сияющую красоту.

— Удайдзин тоже все эти дни горевал. Вдобавок ко всем беспокойствам он еще сокрушается, что, кажется, ты переменялся к Ённокими. Зачем тебе это показывать? Ведь люди плохо о тебе подумают, — советовал отец, настаивая, чтобы Химэгими отправился к жене, но вдруг сказал со слезами:

— Пока я жив, всегда — и утром, и вечером, хочу видеть тебя рядом со мной.

- 33 -

Поскольку Советник сообщил, что будет отсутствовать четыре-пять дней, а сам скрывался уже более десяти, ни словом не давая о себе знать, в доме Удайдзина беспокоились, полагая, что это подозрительно и странно. У Удайдзина пропал аппетит — так он был расстроен. Ённокими, зная, что она всему причиной, выглядела подавленной и печальной. «Муж так переживает, что, возможно, не захочет оставаться в этом мире, может, он уже на это решился», — думала Ённокими.

Однако Сайсё, не догадываясь о том, какие думы одолевают ее, посчитал, что настало его время. Его охватила любовная тоска, и он уговорил благоволившую ему Саэмон, чтобы та ночь за ночью проводила его к Ённокими. Хотя Ённокими и знала, что это дурно, но ей стало казаться, что, верно, это и есть настоящая любовь. Ённокими поддалась его страсти... Она заметно располнела, ей нездоровилось. Она выглядела такой потерянной, но это не могло лишить ее привлекательности. Потихоньку наблюдая за ней, Сайсё влюблялся все сильнее, и для этого были все основания. Каждую ночь они держали друг друга в объятиях и расставались в слезах на заре. Ённокими тревожилась, и Удайдзин не мог спокойно смотреть на нее. Он приказал прибраться в доме, дамам же велел принарядиться. Он спросил Ённокими: «Почему ты все время лежишь?»

Он заставил ее сесть и привести себя в порядок. Она чувствовала себя больной и несчастной. Когда Химэгими вернулся после своей отлучки, Удайдзин спрятался за ширмой и стал подглядывать. Ему показалось, что эти дни прибавили зятю привлекательности, от него будто бы исходило сияние, его обаяние разливалось вокруг. Химэгими опустился на колени и приблизился к жене:

— Я думал, что пробуду в горах совсем недолго, но там были книги, которые я хотел посмотреть, и пока я ими занимался, прошло неожиданно много времени. Я думал, ты пошлешь кого-нибудь за мной, но день шел за днем, и я в конце концов решил, что ждать уже нечего. Я очень расстроен и мне стыдно.

Ённокими молчала, она отвела глаза и потупилась. Не получив ответа, Химэгими сказал:

— Кажется, я стал для тебя чужим. Я-то рассчитывал, что ты переменишься, если меня долго не будет.

Он искоса смотрел на нее, не говоря больше ничего обидного, потом отвернулся. Ённокими выглядела очень несчастной. Тем не менее, она была исключительно обворожительна и изящна, густые волосы струились по одежде — даже на картине не нарисуешь. Она была столь прекрасна — за целую вечность не налюбоваться. Химэгими поговорил еще сколько-то, чтобы не показаться невоспитанным, но уже не пытался вызвать ее на откровенность. Удайдзин все видел и слышал, он был расстроен: ведь они так хорошо смотрелись друг с другом. И если рядом с ней окажется другой мужчина, они наверняка будут выглядеть хуже.

Ённокими и Химэгими когда-то спали вместе, беседовали откровенно и сердечно, давали друг другу клятвы любви, но, теперь, когда Ённокими встретила другого, она, понятно, изменилась, ее нежности как ни бывало. Химэгими стыдился своего тела, и сердцем своим он тоже отдалился от нее. Хотя и «под одним одеялом», они лежали спина к спине, будто чужие. Химэгими не сердился: он знал, что это ему следует стыдиться своего тела, он злился даже на свое отражение в зеркале. «Спокойная и благородная женщина будет довольна даже если она только нежно и доверительно беседует с мужем, все дело в том, что есть человек, которого она любит больше меня», — думал Химэгими. Все это печально, но выходить из себя нет никакого смысла. «Что бы там ни было, я считаю этот мир лишь временным пристанищем, и даже печаль мне — не печаль», — решил он.

Часть вторая

- 1 -

Химэгими теперь часто удалялся в сторону снежных вершин Ёсино, и это очень печалило Удайдзина.

Шли дни и месяцы, и вот для Ённокими настало время уединиться в комнату для рожениц. Удайдзин, разумеется, беспокоился за исход родов. Поэтому он беспрестанно читал сутры и молился. Хотя Садайдзин и находил

происходившее весьма странным, он не желал показаться подозрительным и тоже молился о благополучном разрешении от бремени. Словом, вокруг Ённокими царила суматоха. Но, возможно, именно благодаря этому, хотя во время беременности она и чувствовала себя отвратительно, теперь Ённокими легко разрешилась чудесной девочкой, такой красивой, что лучше и не пожелаешь — такая вполне сможет занять в будущем самое высокое положение. Удайдзин был счастлив, зазывал гостей, так что шуму вышло даже больше, чем уместно в подобном случае.

Садайдзин тоже не оставался в стороне, он даже соизволил поучаствовать в обряде первого купания, которого все ждали с таким нетерпением. Личико новорожденной, несомненно, напоминало Сайсё. Увидев это, Химэгими пришел в волнение — Сайсё был для него близким человеком, они давно дружили, были привязаны друг к другу, а теперь Сайсё, конечно, думает, что Химэгими — ужасный дурак. Ему было стыдно и горько. Химэгими так переживал, что у него разболелась грудь.

Ённокими еще не оправилась от родов — она закрылась с головой белыми одеждами, свернулась калачиком, ее клонило ко сну. Химэгими подошел к ней. «Послушай», — она вздрогнула и приподняла голову. Даже раньше Химэгими часто приходилось испытывать неловкость, а уж теперь... Он улыбнулся и спросил: «Как ты себя чувствуешь?»

И он прочел:

Живу в этом мире... И что же? Ребенок — другого лицо. Милое личико! Только губ не разжать.

От стыда Ённокими ничего не отвечала. По понятной причине она не желала взглянуть на мужа.

— Что ж, теперь уже ничего не поделаешь. Но ведь нам с тобой еще жить и жить. Будет неприятно, когда вокруг станут судачить. Не могу ничего придумать, не знаю, что сказать, — у него катились слезы из глаз.

Химэгими беспокоился, как бы люди, занятые всей этой праздничной суматохой, не подумали, что он опечален. Он оставил Ённокими, но в сердце женщины еще долго не рассеивалась боль, и никто не мог понять, отчего она страдает.

Все очень радовались и шумели, жена Удайдзина заправляла купанием новорожденной, ей помогала третья дочь, мужем которой был Командующий государевой гвардией. Но кое-кто все же обратил внимание, что у Химэгими вид вовсе не радостный. Впрочем, они подумали, что таков уж его характер, и восприняли это со спокойствием, ничего не заподозрив.

- 2 -

На седьмой вечер после родов, в день праздника, распорядителем которого был определен Командующий государевой гвардией — муж сестры Ённокими, собралась вся знать, и только Сайсё сказался больным. Его терзали чувства, о

которых никто не догадывался. Раньше он молился, чтобы роды прошли благополучно, и уже слышал, что это так, но только вдали от Ённокими он чувствовал себя одиноким. И он отправился к Саэмон.

— Ведь ты знаешь, как мы любим друг друга! Сегодня, сейчас! Я живу как во сне...

Своими домогательствами он сбил Саэмон с толку, и хотя она считала, что это бесполезно, но все же, с тяжестью на сердце, она пошла справиться у Ённокими. Все дамы уже оставили Ённокими. Пожилые руководили приготовлениями на кухне, молодые, занятые подарками и прочим, разошлись по своим покоям, сама же Ённокими приняла вечернюю ванну и легла спать, и лишь несколько женщин находились неподалеку. Удостоверившись, что никого рядом нет и можно проникнуть незамеченным, Саэмон приглушила свет и незаметно провела Сайсё. Ённокими полагала, что время для свидания совсем неподходящее, но их связь была так крепка, что разорвать ее было совершенно невозможно. В чуть теплящемся тусклом свете она выглядела какой-то маленькой и похудевшей, трогательной и бледной. Ённокими была вся укутана в белые одеяния, на голове — покрывало, будто хризантема, ее длинные волосы скрыты под одеждой. Сайсё подумал, что она поистине прекрасна, сам же он тоже надушился, выглядел обаятельным и желанным. Он повторял и повторял, как безгранично он любит ее и как хотел бы вызывать такое же глубокое чувство в ее сердце, его речи и облик были таковы, что поддались бы скала и дерево, а ведь женское сердце не чета им... Ённокими заплакала, она была так близко, она была так мила, что у Сайсё не было сил расстаться с ней.

- 3 -

Химэгими, отбивая такт, пел в саду «Море в Исэ», слушать его было необыкновенно приятно. Сайсё же в это время подумал: «Как странно! Его жена — прекрасна, так отчего же он избегает ее? Сам он блестящ, изящен и великолепен, но в то же время так подозрителен, у него всегда такой вид, будто он погружен в какие-то мрачные тайные думы. Уж не увлечен ли он другой женщиной?» Сайсё очень хотел бы узнать правду.

Праздник еще не закончился. Химэгими подарил кому-то свое верхнее платье и теперь мучался от холода. Он незаметно прошел в дом, чтобы одеться. Странно, но за занавесями ему почудилось какое-то подозрительное замешательство и возня. Когда Химэгими заглянул туда, какой-то человек вскочил с постели и выскользнул прочь. Впопыхах он обронил веер и листки бумаги. Ённокими была так напугана, что даже не порывалась спрятать их. Химэгими молча подошел к ней, поднял упавший у изголовья веер, поднес его к свету. На лакированном остова была натянута красная бумага с изображением падающего на бамбук снега, на обратной стороне — несколько любовных строк, выведенных изящной кистью. Это была рука Сайсё. Так Химэгими и думал! Сайсё не пришел на праздник, надеясь пробраться сюда... У Химэгими теперь был настоящий повод для ревности, но он не испытывал этого чувства. «Наверное, так он и должен был поступить — женщина остается в самом

дальнем углу дома, самое время! Но ведь Сайсё здесь не в первый раз, не может быть, чтобы никто не знал обо всем и не помогал ему. Сайсё наверняка дал знать, что хочет сегодня прийти. А что Ённокими? Даже сейчас она впустила его, значит, она очень его любит!»

Химэгими подумал, что, может, будет лучше оставить Ённокими на попечении Сайсё, но, похоже, на душе у него самого не станет легче, да и Сайсё, верно, это покажется неудобным. Ведь им, несомненно, представлялось множество удобных случаев, когда Химэгими отсутствовал, зачем же было встречаться так открыто, в тот час, когда в доме столько людей — пусть они и заняты совсем другими делами? Ведь все равно кто-то мог заметить Сайсё, и это было бы ужасно — как для Химэгими, так и для его жены. «И как мне следует поступить? Если я перестану бывать здесь, молва сочтет меня легкомысленным, но они ведь даже не слишком таятся, так что делать вид, что мне ничего не известно, тоже довольно глупо», — путано думал он. Люди развлекались, играла музыка, но Химэгими был погружен в свои мысли и ни в чем не принимал участия.

Когда праздники по поводу рождения девочки миновали, Химэгими вновь отправился в горы Ёсино, пытаясь отвлечься от одолевавших его сомнений, но мы не станем рассказывать об этом.

- 4 -

Сайсё, вынужденный скрывать свои чувства, вздыхал, что ему так трудно встречаться с возлюбленной. Он утешался тем, что писал ей задушевные письма и время от времени посещал ее. Ённокими — несравненна, но не в обыкновении Сайсё было думать лишь об одной женщине, к тому же, если Химэгими узнает, будет так неприятно! Дочь Садайдзина — Распорядительница женских покоев из Сверкающего дворца — несравненно хороша, и с ней можно будет чувствовать себя свободно, тогда как с Ённокими всегда необходима осторожность... Решив так, он, как уже бывало прежде, стал в слезах упрашивать даму по имени Сайсёно Кими помочь ему пробраться к госпоже. У Вакагими был день строгого воздержания, поэтому она не отправилась вечером в Грушевый павильон, и Сайсё проник к ней.

Поскольку это оказалось для нее полной неожиданностью, Вакагими пришла в ужас. Но будучи от природы спокойной и выдержанной, она не выказала никакого волнения. Сайсё плакал, досадовал и печалился, а когда рассвело, он остался. Сложилось странное положение, которое было неловким для обоих. Под предлогом своего воздержания Вакагими приказала не поднимать полог и не убирать ширмы. Но поскольку кто-то из дам всегда находился при госпоже, двое из них знали о происходящем и тоже находили положение весьма неудобным. Сайсё же, имея возможность любоваться красавицей, о которой все говорили, что она пленительно хороша, позабыл обо всем. Она была высокого роста, что не совпадало с его ожиданиями, ему казалось, что она должна быть маленькой. Впрочем, это нельзя было считать недостатком. Ее волосы, подобно шелковым нитям, свободно струились вниз.

Он не мог как следует рассмотреть ее, но ее лицо было точь-в-точь как лицо Советника, только ее черты, может быть, были чуть более обворожительными и спокойными. Жена Советника — Ённокими, тайная возлюбленная Сайсё — и благородна, и красива, и воспитана, и желанна, так что никто не сравнится с ней в утонченности. Красота же Распорядительницы женских покоев была такой яркой, что слепила глаза. Сайсё сходил с ума, досадовал и печалился. Она же выглядела изящной, благородной, обворожительной и сдаваться не собиралась. У Сайсё билось сердце, текли слезы. Вот прошел день, и уже следующая ночь близилась к рассвету. Тревожась, Вакагими сказала:

— Когда мое воздержание закончится, сюда придет отец. Советник тоже будет здесь. Очень неловко, если вы останетесь. Если вы и вправду любите меня, то лучше вам уйти, буду рада получить весточку «в заливе Сига», [13] — в ее голосе слышалось невыразимое обаяние, и голос был точно таким же, как у Химэгими. Сайсё внимал в волнении этому прекрасному, великолепному голосу, и ему вовсе расхотелось уходить.

«Как-то все странно получилось...» — добавил Сайсё.

Не успел он сказать это, как Вакагими прочла:

В заливе Сига Попросила о весточке — Так, в утешенье. О будущих встречах И думать забудь.

«Пойми меня». Ее голос звучал ласково.

Сайсё больше нечего было сказать. Он не хотел быть неучтивым и ушел, чувствуя себя пустой скорлупкой, свою душу он оставлял ей.

- 5 -

Сайсё не получил от нее ответа ни на одно из своих писем, она была далека, как облака, и оттого, что она ускользнула от него, он ревновал, печалился и досадовал — одним словом, был влюблен. Как-то будучи на службе во дворце, он увидел Советника, лица брата и сестры были похожи, как две капли воды — при том, что Распорядительница женских покоев выглядела на удивление благородной и свежей, а Советник был необыкновенно изящен, обаяние било через край. Увидев его, Сайсё разволновался, он не мог скрыть своих чувств, у него потекли слезы. Химэгими был очень удивлен.

— Мы дружим с незапамятных времен. Мое смятение становится все сильнее, так не может продолжаться — я чувствую себя слабым, как женщина, — сказал Сайсё, утирая слезы.

— Никто из людей не живет, подобно сосне, тысячу лет, рано или поздно жизнь кончается — как высыхает росинка на траве, разве это не печально? — ответил Химэгими, держа в уме, что, наверное, Сайсё считает его простаком. Вместе с тем в голосе его слышалась задушевность.

Сайсё пребывал в волнении. Одна женщина разделяла его чувства и любила его, но она была с ним только сердцем, и если бы они не избегали сторонних взглядов, об их связи тут же стало бы известно, а этого допустить

никак нельзя — стыдно, и из-за того, что они так таились, их встречи стали похожи на тяжелый сон. А другая женщина ускользнула от него и стала теперь еще недоступнее.

Обе женщины вызывали в нем печаль и заставляли его плакать, Сайсё так желал увидеть Советника, который представлялся ему связанным с обеими женщинами, что, хотя никакого особого предлога у него не было, он решил: «Будь что будет!» — и отправился в дом Удайдзина. Но Советника там не было. «Ушел», — ответили ему. Сайсё посмотрел в сторону покоев Ённокими и хотел было пройти туда, но ведь он пришел днем и, вздохнув, Сайсё спросил:

— А где Советник?

— Он у отца.

Тогда Сайсё направился к Садайдзину.

Никому не сказавшись, Сайсё прошел в западные покои, туда, где обычно скрывался Химэгими. День был очень жарким, Химэгими отдыхал, сбросив верхнюю одежду. Заметив Сайсё, он отодвинулся подальше вглубь комнаты со словами:

— Ты некстати, я не могу тебя принять, я не одет.

— Это неважно, не беспокойся, — Сайсё будто и не слышал, что сказал Химэгими. Поскольку никого из женщин поблизости не было, Сайсё со спокойным сердцем прошел дальше.

— И правда, ужасная жара, — улыбаясь, сказал Сайсё и опустился на колени. — Я совсем запутался, мне грустно. Я так давно тебя не видел и очень скучал, мне было так одиноко, а ты ищешь предлог выгнать меня, — упрекнул он Химэгими.

— Мне неудобно, что я в таком виде.

— Правда, ужасно жарко. Давай-ка и я разденусь, — сказал Сайсё, снимая одежду. — Вот так гораздо лучше.

Химэгими положил подушки туда, где было попрохладнее, и они прилегли, обмахиваясь круглыми веерами. На Химэгими были шелковые штаны и белая нижняя рубашка, он расслабился, его разгоряченное от жары лицо было прекрасным, еще более привлекательным и дивным, чем всегда. Линия рук, округлость бедер, ясно просвечивающих сквозь тонкое полотно, белоснежная кожа были неподражаемы. Он был свеж, мил и очарователен, и так красив, что равного ему — не сыскать. «Если бы женщина была столь прекрасна, я наверняка влюбился бы в нее без памяти!» С такими неподобающими мыслями Сайсё придвинулся к Химэгими.

— Жарко! — попробовал возразить Химэгими, но Сайсё не слушал.

Они продолжали беседу, спустился вечер, подул свежий ветерок, будто осень пришла.

Сайсё никак не позволял Химэгими встать. Никто не передает его

любовные послания Распорядительнице женских покоев, уже почти год он напрасно мечтает о ней, он не хочет больше жить — жаловался он, и в своей тоске был очень трогателен. «Так же, верно, он говорил и моей жене, а ведь у женщин сердца слабые — не поддаться невозможно. Как унижительно, ведь она — пусть и тайно! — отдала ему свое сердце, уступила, а ему все мало, он вздыхает, хотя они и встречаются, и она скрытно любит его, но он желает еще другую, он ненасытен».

Химэгими был расстроен, вынести это было невозможно.

Мне кажется, Ты любишь не одну. Так что ж, сравни: Вот тайная любовь, Вот ускользнувшая любовь.

Химэгими сказал это с двусмысленной усмешкой, теперь это был совсем другой человек, в его красоте больше не было отстраненности.

- 6 -

Химэгими придвинулся к Сайсё поближе, и Сайсё ощутил, как в его близости и домашней неопрятности слилась прелесть обеих женщин и той, которую он любил тайно, и той, что ускользнула от него. Опьяненный этим чувством, он подумал, что, верно, Химэгими знает о его связи с Ённокими. Ему стало не по себе, но он тут же отбросил сомнения и подвинулся еще ближе, почти вплотную к Химэгими.

Никто С тобою не сравнится. Я всех забыл, Желает сердце Лишь тебя любить.

Не успел он закончить, как Химэгими раздраженно сказал:

— Что ж, этого и следовало ожидать. Тебе кажется, что я связан и с той, и с другой, — говоря это, он хотел подняться, но Сайсё ему не позволил. — Да ты и вправду не в своем уме! Мне нужно поговорить с отцом, но было так жарко — вот я и прилег. Если я тотчас не пойду к нему, он рассердится. Мне нужно идти, — сказал Химэгими, вставая.

А что Сайсё? Он вдруг почувствовал, что не может отпустить Химэгими.

— Стой! — он внезапно схватил Химэгими, забыв всякие приличия.

— Мне больно, ты что, тронулся? — рассердился Химэгими, но Сайсё не слушал его.

О чем бы они ни беседовали до этого времени, Химэгими не терял рассудка, как то и подобает мужчине, но когда Сайсё схватил его, он уже ничего не смог поделать — в сердечной слабости он лишь думал о том, что же теперь с ним будет. От стыда он заплакал. Поняв, что произошло, Сайсё тоже не мог прийти в себя. Он ощутил и любовь, и жалость, его мысли о двух других женщинах слились в одно чувство к этой, хотя он и рассердился, что до сих пор она вела себя так неподобающе. Но для вопросов еще будет другое время... Считая, что теперь он знает о ней все, Сайсё почувствовал, что никого и никогда так не любил — всем своим сердцем, и это душевное волнение

захлестнуло его. Химэгими, догадываясь, что Сайсё недоступна вся странность случившегося, опечалился. Что может прийти Сайсё в голову? «Я не оставлял этот мир, и вот теперь моя тайна раскрыта», — слезы лились не переставая, она была прекрасна и обворожительна, равных ей не было на свете. Сайсё тоже плакал и плакал:

— Что мне делать? Теперь я не в силах расстаться с тобой ни на миг, — он не мог говорить.

Ночь прошла, но Сайсё вовсе не намеревался встать и уйти.

- 7 -

«Что толку сетовать, когда он теперь знает о моей тайне! Что негодовать? Пусть я стану сердиться, но когда случится разговор о том необычайном, что бывает в этом мире, он непременно расскажет и обо мне. Что я могу поделаться? Принц Ёсино говорил мне, что причины нынешних бед скрываются в прошлом. Теперь мне будет трудно с ним расстаться».

— Знаешь, я и вправду должен казаться странным, но раз уж наши сердца соединились, я прошу тебя не выставлять меня на посмешище, только тогда я буду знать, что ты и вправду любишь меня. Я живу уединенно, у меня не бывает много людей, так что нам не составит труда встречаться как бы ненароком, — он говорил очень ласково, утешая Сайсё и понуждая его уйти.

Хотя Сайсё и понимал, что ему уже пора, но не мог представить себе, что расстанется с ней хоть на миг, в преддверии разлуки он печалился и никак не решался оставить ее. И вот, наконец, после бесконечных любовных клятв, он ушел. Оставшись один, Химэгими был как во сне. «Отчего мне не расстаться с жизнью? Ведь теперь мне будет неловко появляться там, где я могу повстречать Сайсё». Однако потом он подумал, что отец с матерью всегда беспокоятся, даже когда не видят его совсем недолго, и потому он решил оставить все, как есть — хотя бы ненадолго.

- 8 -

Как всегда любуясь сыном, Садайдзин улыбался и выглядел очень довольным.

— Ты был здесь сегодня ночью? Сайсё заходил по делу, сказал, что хочет что-то спросить по китайской классике, — сказал отец.

Химэгими был взволнован.

— Удайдзин очень недоволен. Ты должен вести себя так, чтобы никто не мог упрекнуть тебя, — сказал отец.

Химэгими стало не по себе, поэтому он ответил только:

— Не думаю, что я делаю что-то, что может его печалить.

Они с отцом позавтракали, и Химэгими собирался уже уходить, но тут принесли записку от Сайсё:

Что мне делать? Моя любовь Так сильна, Кажется мне — Умираю.

«Я должен увидеть тебя еще до вечера, моя милая».

Химэгими не хотелось отвечать согласием или же вообще отвечать, но ввиду своего двусмысленного положения он начертал в своей обычной прямодушной манере.

Каждой Ты говоришь: Умираю. Думаю — Долгую жизнь проживешь.

Стиль послания и почерк показались Сайсё особенно очаровательны этим утром. Однако она ничего не сказала о вечернем свидании — согласна она или нет! Обеспокоенный этим, Сайсё отправил еще одну записку:

Пускай я говорил — Умру. Я не любил Так сильно, Как сейчас.

Химэгими получил это послание, уже будучи в доме Удайдзина. Сайсё становился навязчивым, но Химэгими не желал обидеть его.

Я грущу, Как мало кто В этом мире. И в сердце своем Вдыхаю и люблю.

Именно такого ответа и ожидал Сайсё, он зарыдал в три ручья.

Сайсё отправился к Удайдзину. Химэгими подумал, что это посещение выглядит странным, а если он выйдет к Сайсё, то избежать свидания не удастся. Ему стало противно и скучно.

— Я с утра не в себе, так что принять тебя не смогу. Прости, ты зря потрудился прийти, — сказал Химэгими решительно.

Сайсё обиделся, расстроился и, не прячась от посторонних, продолжал:

— Я кое-что должен тебе сказать. Выйди хотя бы к двери.

— Мне не по себе, прости. Ты здесь, мне и самому хотелось бы с тобой поговорить, но у меня так болит грудь, что я прямо теряю сознание.

Химэгими так и не вышел.

Сайсё попытался скрыть тоску и печаль. Он представлял себе, что, наверное, обе его возлюбленные сейчас вместе, он был близок с обеими и не мог порвать ни с одной из них, но в глазах людей его домогательства выглядели бы ужасно. Он вернулся домой и провел ночь без сна — тоскуя и вздыхая.

- 9 -

Химэгими пребывал в душевном беспокойстве, поскольку куда ни пойдешь — всюду встретишь Сайсё и попадешь в неловкое положение. Поэтому он и не выходил из дома. Шли дни, Сайсё становился все тоскливее и печальнее, много раз навещался он в дом к Химэгими, спрашивал: «Когда же? Когда?» — но возвращался ни с чем, в унынии. Через какое-то время он узнал, что Химэгими отправился во дворец, тут сердце Сайсё забилось быстрее, он сразу же оживился в предвкушении того, что наконец-то увидит ту, от любви к которой сгорал, казалось, целую вечность. Химэгими, встретив взгляд Сайсё, от смущения чуть заметно покраснел, но тут же взял себя в руки, вид у него был

теперь холодный и независимый. Так Сайсё и не решился обнаружить свои чувства. Химэгими выглядел чужим. Сайсё снова расстроился и погрузился в бесконечные сомнения.

- 10 -

Государь пригласил Химэгими к себе. По своему обыкновению он попросил Химэгими сесть поближе, и, как всегда, речь зашла о его сестре — Распорядительнице женских покоев. Государь не отрываясь смотрел на Химэгими. Наружность Советника была чрезвычайно привлекательной, на него хотелось смотреть и смотреть... Государь слышал, что сестра очень на него похожа. Тут он подумал, что если бы у Химэгими были волосы подлиннее, а лицо набелено, если бы его волосы не были бы гладко зачесаны назад, то и небесные девы не могли бы с ним сравниться красотой и очарованием — он был так обворожителен, что поставить рядом с ним некого. Государю очень хотелось увидеть Распорядительницу женских покоев, и он делал все, чтобы Советник это понял. Химэгими сидел рядом с государем, но помня свой печальный опыт с Сайсё, он был разумно почтителен и не повинуюсь сказал государю, что его сестра далека от обычных желаний обитателей этого мира. Поскольку государь не мог оторвать взгляда от Химэгими, он долго не отпускал его. Сайсё же в это время прямо-таки сходил с ума — он боялся, что государь вдруг тоже догадается, что Химэгими — женщина, а поскольку равных ей нет, государь непременно захочет проводить время только с ней. Государь же и вправду смотрел на Химэгими не отрываясь, хотя в его речах было лишь дружеское расположение. Однако Сайсё целый день не мог успокоиться — ни о чем другом не думал, ревновал и трепетал.

- 11 -

Наконец государь позволил Химэгими уйти. Сайсё дождался его, и отправился вместе с ним в караульное помещение, где они обычно отдыхали. Несмотря на все свои старания, Химэгими не смог ускользнуть, и ему пришлось сделать вид, что он на ночном дежурстве. Всякий раз, как они вместе бывали на ночном дежурстве, придворные, считавшие их общество особенно приятным, собирались в караульном помещении и уже с вечера там бывало шумно и многолюдно. Но сейчас Сайсё и Химэгими никого не замечали, всем своим видом показывая, что у них есть личный разговор, и каким-то образом сумели остаться наедине. И тогда Сайсё в слезах и тоске стал говорить о своей страстной любви. В ответ на его домогательства Химэгими рассердился:

— Если нас увидят, что подумают люди? Милый, если ты и вправду меня любишь, не веди себя так вызывающе. Если бы нам было невозможно видеться, если бы наши встречи были редки, тогда бы я понял тебя, но ведь мы видимся и днем и ночью, что же заставляет тебя вести себя столь безрассудно? Подумай и обо мне — мне очень непросто, и мне очень горько, что ты этого не понимаешь.

— Мне от твоих слов так больно — ведь свидания невозможны. Да, мы видимся — вот так, как сейчас, но ты выглядишь далекой и недоступной, я не могу поверить, что ты меня любишь, — Сайсё говорил очень искренне.

Его слова растрогали Химэгими, но отдаться всем сердцем этой любви он не мог — ведь он не хотел, чтобы люди прознали про его тайну.

— Мы будем встречаться, но только так, чтобы не вызывать толков, — пообещал он.

Сайсё от этого разговора стало тяжело, тревога не оставляла его.

Тут Химэгими дал понять Сайсё, что знает о его посещениях Ённокими.

— Я догадывался, что происходит, но при моих обстоятельствах нельзя никого осуждать. Я и теперь не собираюсь показывать, что все знаю, так что ты утешай ее время от времени, когда ей станет плохо, — попросил Химэгими.

Хотя Сайсё было очень жаль Химэгими, но поскольку ему казалось, что Химэгими вовсе не обеспокоена его любовными похождениями, то он спокойно и ничуть не таясь рассказал про то, как все было, добавив, что теперь больше не любит Ённокими. «Ну и ну, какая жестокость! Он ведь очень сильно любил ее, а теперь говорит о ней так спокойно. Вот оно, сердце мужчины, что изменчиво как трава „луноцвет“, теперь я вижу это. Пока он меня любит, он не выдаст мою тайну, но когда его помыслы обратятся к другой, он наверняка расскажет о моем секрете... Как горько, что мне не удалось избежать связи с ним, очень жаль».

Так все и шло. Сайсё следовал за Химэгими даже во дворце, будто став его тенью. Не имея возможности скрыться, Химэгими попрежнему избегал встреч наедине, к чему его склонял Сайсё, но речи Химэгими были очень нежны. Когда же у них случались свидания, Химэгими, понимая, что в его положении близости не избежать, был очень податлив. Но стоило им только расстаться, как он снова и снова отказывал Сайсё — свидания были редки, и вел себя Химэгими так, будто они вовсе и не были близки. Это очень печалило Сайсё. «Не отправиться ли тебе к той, что страдает без тебя?» — время от времени говорил Химэгими, и, делая вид, что ничего не замечает, устраивал все так, чтобы Сайсё и Ённокими могли встретиться. «И вправду, какое у нее редкое, милое и доброе сердце», — Сайсё считал вполне естественным, что он встречается с Ённокими, но поскольку теперь большая половина его души принадлежала Химэгими, его любовь к Ённокими стала таять. В присутствии Химэгими он ощущал себя все более и более слабым и в конце концов даже перестал желать встреч с другими женщинами, что могло бы послужить ему утешением в то время, когда Химэгими с ним не было. При тайных встречах с Ённокими он казался милым и нежным, и избегал теперь лишь посторонних глаз — страх, что Химэгими может обо всем узнать, оставил его, виделись они теперь чаще, чем в прежние дни, и Ённокими по-настоящему привязалась к нему и стала податливее. И теперь пришел черед беспокоиться Химэгими, хоть сама она и доставляла столько страданий Сайсё.

- 12 -

Химэгими знал теперь все. «В каком странном положении я очутился!» — вздыхал он. Теперь ему и вовсе не хотелось, чтобы Ённокими узнала его секрет.

Он полагал, что ему недолго оставаться в этом мире, вот он и разговаривал с Ённокими очень ласково. Поскольку пришло время месячных, он укрылся в доме кормилицы на Шестой улице, но Сайсё выследил его.

Сайсё спрятался за изгородью. Моросило, затянутое облаками и потемневшее к вечеру небо было восхитительным. Подняв бамбуковые занавески, Химэгими любовался небом. Поверх красных нижних одежд на нем была накидка узорчатого китайского шелка, вытканная фиолетовыми и белыми нитями. При вечернем освещении он выглядел особенно прекрасным. Химэгими подпирал голову своей точеной ручкой, из глаз катились слезы.

Куда ни посмотри — Осенний мелкий дождь. Намокли рукава — То не капли, А слезы мои.

«Не знаю, долго ли еще продлится мой век...» — сам себе в печали проговорил Химэгими — вряд ли сыщется кисть, способная изобразить эту картину. И, конечно, Сайсё так разволновался, что подошел поближе и прочел:

От слез и дождя Туманится взгляд. Насквозь промок. Как встретились бы мы, Когда б тебя я не искал?

Он появился так неожиданно, что Химэгими поначалу испугался, но потом он даже растрогался.

Я в одиночестве Смотрел на небо. Все в дожде... Я ждал тебя, И слезы все текли, текли.

Сайсё стал говорить, как жестоко со стороны Химэгими скрывать и одной любоваться небом, не подавая весточки о себе.

— Если у тебя такое жестокое сердце, то мне, думаю, вовсе не стоит жить, — заключил он.

Поскольку место было совершенно безопасным, они улеглись посупружески, и говорили обо всем на свете — то плача, то смеясь. Пересказать это невозможно.

- 13 -

Они и не заметили, как рассвело. Они поднялись, и Сайсё пристально посмотрел на Химэгими. Ее раскованные, блестящие манеры и независимость были, безусловно, мужскими, но смятение с внутренней дрожью сообщали ей мягкость и очарование, от любви и растерянности она сделалась бесконечно слабой. Ённокими, к которой привык Сайсё, была всегда грустной и обеспокоенной — даже когда отдавалась ему, и он притерпелся... Но вот эта женщина, которую он действительно любил, сумела перемениться, она стала слабой, милой, покорной, игривой, трогательной, мягкой, податливой — словами и не скажешь. Однако Сайсё представлялось обидным, что она появляется в свете, открытая чужим взглядам, он хотел во что бы то ни стало спрятать ее, чтобы она принадлежала только ему.

— Годами я видел в тебе мужчину, но в женском облике ты прекраснее

всех сказочных принцесс — ведь это твое настоящее лицо. Я спрячу тебя, ты будешь только женщиной. Если ты останешься мужчиной, я не смогу видеть тебя так часто, как хочет того мое сердце, а это невыразимо печально. Сколь бы странным это теперь ни казалось, но с самых давних времен женщина слушается мужчину — нравится ей это или нет, так уж повелось. Да и тебе самой быть мужчиной вовсе не подходит, — Сайсё во что бы то ни стало хотел видеть Химэгими только своей, он повторял это и днем, и ночью.

Правда была на его стороне, но для человека, привыкшего к мужской жизни, взять да и запереться накрепко было бы так странно, что Химэгими не хотел и думать об этом. Сайсё же страдал, он плакал днем и ночью и не мог отделаться от своих мрачных мыслей.

Химэгими не давал о себе знать гораздо дольше, чем это обычно бывало, и уже беспокоился о том, что Удайдзин опять станет волноваться, и потому Химэгими отправил Ённокими записку: «Мое обычное недомогание никак не проходит, поэтому мне ничего не остается, как жить здесь в заточении, я чувствую себя беспомощным и спрашиваю себя, чем это может кончиться.

Немного смысла Жить так, Как я живу. Но и уйти совсем — Печально».

В доме Удайдзина поговаривали: «Как бы он себя не чувствовал, в обычае чтобы за человеком ухаживали дома». «Эти его постоянные отлучки совершенно непонятны». «Что же это за супружеские отношения?» Удайдзин горевал, женщины шептались, и только одно сердце, казалось, знало, отчего не проходит эта болезнь. Причиной была она, Ённокими, ей было горько и стыдно, ей было больно, и оттого, что отец волновался, и оттого, что ее тайный возлюбленный не пылает страстью, как то бывало, словом — ничто не радовало ее.

Записка от Химэгими, разумеется, привела Удайдзина в возбуждение, и он тут же сам развернул ее. «Выходит, дело и впрямь серьезное! — забыв про свою обиду, Удайдзин заплакал. — Вот ведь, уж и не знаю, отчего он может быть так тяжело болен. По меркам наступившего упадка он — человек выдающийся, по записке видно, что его одолевают самые мрачные мысли. Но каков почерк, никто с ним не сравнится!» Он снова и снова перечитывал послание.

— Напиши ответ, да так, чтобы он его запомнил, — приказал он Ённокими.

Она робела, но написала очень милый ответ.

Печален этот мир, Но все ж И я живу — Росинка — Вот уж сколько дней.

Записка была очень трогательной, но Химэгими она не взволновала. Он не хотел показывать письмо Сайсё и не давал ему прочесть его. Понимая, что это, должно быть, ответ Ённокими, Сайсё все же отнял письмо, прочел и забеспокоился, Он любил Химэгими, но теперь он покрылся краской и посерьезнел, ощутив, как сильно он привязан и к Ённокими. «И вот такому человеку я доверяюсь, собираюсь переменить себя всего и жить с ним

взаперти», — с тоской подумал Химэгими. Сайсё же пребывал в таком блаженстве, будто собирался прожить десять тысяч лет, он наслаждался Химэгими днем и ночью до изнеможения, повторяя клятву верности на следующие жизни. Так прошло довольно много дней, и Химэгими собирался уже вернуться домой, но Сайсё печально повторял:

— Стоит тебе оказаться в свете, как ты снова станешь чужой.

И все же продолжаться так до бесконечности не могло, Химэгими заставил Сайсё уйти, а сам, вновь почувствовав себя мужчиной, отправился туда, куда его призывали дела.

- 14-

Все так и шло, но в десятую луну, когда для Химэгими настало время снова скрыться в «тихой обители», вдруг оказалось, что это вовсе не нужно. Химэгими не мог взять в толк — отчего так, вставал и ложился в беспокойстве. Поскольку на этот раз ему не потребовалось уединяться, он оставался у Удайдзина. Ённокими выглядела необыкновенно благородной и изящной. Поскольку Химэгими находился здесь, Ённокими оставила все другие заботы, она вздыхала и не отходила от него. Смотреть на это было очень трогательно. Считая, что он уже совсем скоро покинет этот мир, Химэгими разговаривал с ней сердечно и ласково, что приводило Удайдзина в радость и умиление, так что он побеспокоился заказать молебны, всеми силами стараясь помочь им.

Ённокими была снова в тяжести. Поскольку со времени первых родов прошло совсем немного времени, она стеснялась своего положения и никому не признавалась.

- 15 -

Поскольку Химэгими так долго находился в доме Удайдзина, Сайсё, который был вынужден скрывать свою связь с обеими возлюбленными, мог бы утешиться «у той сосны морской, что в Оёдо...»,[14] но понимая, что кругом так много посторонних глаз, он даже не мог написать откровенного письма, и мучился от тоски.

Наступила двенадцатая луна. Химэгими не чувствовал себя настолько плохо, чтобы оставаться в постели, но выходил лишь для того, чтобы навестить отца. Он почти перестал есть и сильно похудел, от одного вида мандаринов или апельсинов его тошнило, а отец пребывал в сильном беспокойстве, заказывая все новые и новые молебны. Химэгими в глубине души стал осознавать, что так, наверное, чувствует себя женщина, носящая ребенка, и, похоже, вид Ённокими служил тому подтверждением. Химэгими был несказанно расстроен — теперь он знал наверняка, что ему придется бесследно скрыться, он не знал, как ему быть, к тому же не было и человека, с кем бы он мог посоветоваться. Может, открыться родителям? Но это так стыдно. Что они подумают? Или признаться Сайсё, чтобы решить все вместе с ним?

В разлуке с Химэгими любовь Сайсё становилась, между тем, все сильнее,

он тосковал и печалился, прятался от людей и чувствовал себя безмерно одиноким. Химэгими находил его жалким, но теперь они были связаны такими прочными нитями, что распрощаться с ним было невозможно. Они встретились в доме на Шестой линии и хотя Химэгими было неловко открыться, поскольку он привык вести себя по-мужски, он сказал, несмотря на стеснение:

— Я всегда испытывала беспокойство по поводу нашей связи, и вот теперь признаюсь: случилось нечто ужасное.

Сайсё был ошеломлен услышанным, заливаясь слезами, он стал говорить о том, как любит ее.

— Раз уж случилось так, сделаем, как я тебе говорил с самого начала — невозможно сопротивляться, когда нашей судьбой повелевает Бог любви. Твой нынешний облик невыносим для нас обоих. Ты ведь знаешь сама: пока мы молоды, нам легко видеться — будь то во дворце, или еще где, но когда мы оба войдем в возраст и станем настоящими сановниками, мы, за исключением особых случаев, не сможем встречаться даже в то время, когда мы оба будем во дворце, и ночных дежурств тоже больше не будет. И дома увидеться будет тоже совершенно невозможно, всегда придется опасаться, что нас заметят, желание видеть друг друга никогда не исполнится, а это все равно, что умереть. Сделай так, как я прошу! Если ты останешься для всех мужчиной, как мы будем жить?! Подумай об этом, — произнес Сайсё.

Химэгими было очень больно — он свыкся с тем, что он такой, как он есть, если же принять женский облик — ведь так не хочется, чтобы узнали о его тайне! — тогда придется исчезнуть, не сказавшись даже отцу с матерью, а они станут горевать, вот ведь несчастье какое.

— С тех пор, как я осознал свою непохожесть, я твердо решил покинуть этот мир, я остаюсь здесь лишь потому, что родители станут печалиться. Ты сумел понять меня. Мне ужасно жаль, что я не могу распутать этот узел сам, — сказал Химэгими. Он был так пленителен и красив — было просто невозможно представить себе, что он может быть обеспокоен хоть чем-то, но на самом деле он был совершенно потерян. Закрывшись рукавом, он заплакал.

Было очень странно и непривычно знать, что Химэгими — не мужчина, но поглядеть на него повнимательней — ни в чем не уступит любой красавице с ее распущенными волосами, стелющимися по полу. После того, как Сайсё понял, что имеет дело с женщиной, она стала ему бесконечно дорога и близка.

— Конечно, я понимаю о чем ты говоришь, но ведь так предначертано самой судьбой, — плача, он стал утешать ее, повторяя, что нужно немедленно принять женский облик и скрыться.

И вправду, думал Химэгими, оставить все, как есть, нельзя, нужно сделать именно так, как говорит Сайсё. В то же время его преследовали образы привычного и столь милого ему мира — воспоминания, которые невозможно избыть. Что до Сайсё, то он льет столько слез, говорит столько слов — видно, что любовь его глубока, — так казалось Химэгими...

Когда Сайсё разлучался с Химэгими, он писал ей множество любовных посланий, но все же он любил не ее одну. Он виделся с Ённокими, не таясь от Химэгими, но он не мог посещать ее открыто и избегал посторонних глаз. Он посещал ее тайно, она была беременна от него уже во второй раз, и это означало, что их связь очень прочна.

«Пусть он без ума от меня. Пусть даже я оставлю все должности и ранги и скроюсь в горах, где затеряется мой след, пусть я откажусь от этого мира, чтобы предаться молитвам о будущей жизни — мне это не горько. Но Сайсё изменчив и непостоянен. Как положиться на него? Жить с ним взаперти — а ведь мне суждено затворничество — быстро наскучит. У него переменчивое сердце, он слишком обольстителен, влюбчив и сластолюбив, сейчас он вроде бы любит меня без памяти, но все же он постоянно бывает вместе с Ённокими, он любит ее всерьез. К тому же теперь он станет думать, что я принадлежу только ему, он успокоится, привыкнет ко мне, и, как водится, настанет время, когда я увижу, что он охладел, и как больно мне будет тогда, каким посмешищем я стану! Мне боязно сделать так, как говорит Сайсё, но сейчас я все равно не могу оставаться в обществе, и мне придется скрыться хотя бы на время» — решил Химэгими.

Ему было печально видеться с родителями, и грустно бывать при дворе; прежде он находил эти встречи такими обыкновенными, но теперь, когда он понимал, что так продлится всего месяц или два, даже легкое дуновение ветра было ему грустно и бесконечно тоскливо.

- 16 -

Сайсё не догадывался, что у Химэгими на уме — он-то полагал, что теперь Химэгими уж точно принадлежит ему и он сможет запереть ее, так что его сердечное волнение несколько улеглось. Ённокими же волновалась и грустила из-за своей новой беременности — даже в обычное время она ни с кем не могла поделиться, а теперь ее положение было так печально, что и рассказать невозможно; ей оставалось только вздыхать.

Неодному Дала я клятву. Как печально! Я холодна, как лед. Но в чем моя вина?

«Зимними ночами мне так одиноко», — думала она.

Она ничего не сказала прямо, но когда Сайсё увидел, как она благородна, слаба, красива и обворожительна, он ощутил необычайную любовь к этой женщине, которая уже давно пленила его сердце. Когда Химэгими станет жить с ним, зачем тогда будет скрывать свои отношения с Ённокими? Так, мечтая об обеих женщинах, он разволновался, предвкушая счастье и наслаждение, и, как когда-то принц Гэндзи, оросил слезами оба рукава — так переполняли его чувства.[15] Поскольку ему было обидно, что Ённокими считает его слишком холодным, он шел на всяческие ухищрения, чтобы встретиться с ней.

Химэгими же думал: «Этого и следовало ожидать. Если он так меня огорчает, и вовсе не беспокоится, что из этого может выйти, видно, я его не

слишком забочу, да к тому же, кажется, его любовь к ней как-то подозрительно крепнет». Хотя Химэгими был расстроен, но прямо высказать свое неудовольствие он посчитал неприличным и недостойным, поэтому, скрывая беспокойство и приняв безучастный вид, он все продолжал вздыхать и уже не считал, что его настроения могут измениться к лучшему.

- 17 -

В последний день двенадцатой луны Химэгими отправился к отцу. Всех одолевали хлопоты, но отец так о нем беспокоился, что не мог представить, как это они не виделись целые сутки, и хотя Химэгими навещался часто, отец ожидал его с нетерпением — взгляд его светился радостью. Химэгими был в самом расцвете своей красоты, но очень исхудавший и погрузневший, что обеспокоило отца.

— Ты плохо выглядишь. Тебе все еще нездоровится? — спросил он.

— Ничего особенного, просто недомогание, но оно уж слишком долго длится, — отвечал Химэгими.

— Это ужасно. Надо снова приступить к молитвам.

Садайдзин позвал нужных людей и отдал распоряжения относительно чтения заклинаний, молебнов и молитв. Химэгими, растроганный этим, думал, как будет горевать отец, когда он бесследно исчезнет, и, не умея справиться со своими чувствами, он расплакался, хотя и пытался скрыть слезы.

— Мои дети отличаются странностями, причиной тому, верно, мои грехи, я даже подумывал о том, чтобы покончить с жизнью. Но теперь у тебя есть служба, высокий чин, ты принят в обществе и при дворе, все хвалят твою красоту. Я сам ничем не замечателен, так что это мне вдвойне лестно. Я уже был готов утешиться и смириться с судьбой, но когда мне казалось, что моим горестям пришел конец, я увидел, что ты постоянно пребываешь в тоске, тебя одолевают печальные мысли, это так горько, что мне незачем жить, — сказал отец плача.

— Не думай, что со мной случилось что-то серьезное. Да, моя хворь — сильнее обычного, вот ты и волнуешься, но только речь вовсе не идет о жизни и смерти, мне просто отчего-то почудилось, что мы можем разлучиться, — попытался успокоить отца Химэгими. Преодолевая себя, он поел вместе с отцом.

Отец был очень доволен совместной трапезой и немного пришел в себя. Между тем мать Химэгими оставалась совершенно спокойна, и никаких вопросов не задавала.

- 18 -

С началом нового года Химэгими почувствовал себя, «как баран, ведомый на заклание». «И сколько еще может так продолжаться?» — думал он. В Новый год все было вычищено и приведено в порядок — экипаж, шторы, оглобли... Слугам была пожалована приличествующая случаю одежда. Сам Химэгими

выглядел безукоризненно — от верхней одежды и до глянцевого узора нижних одежд, он был блистателен. Сделав все необходимые приготовления, он первым делом отправился к отцу, чтобы выразить почтение родителям. Стоило им только увидеть, как он замечательно красив, как им сразу показалось, что в этом году он еще прекраснее обычного, и они не могли сдержать слез, что было совершенно неуместно в этот радостный день.

Когда Химэгими появился во дворце, его облик поразил всех. Пришел и Сайсё, он тоже был привлекательнее других. «Он привык бывать в обществе, при его положении ему будет трудно измениться», — беспокоился Сайсё. Он внимательно наблюдал на Химэгими, но поскольку никакого предлога не обнаружилось, поговорить с ним не удалось.

Когда Химэгими отправился к Вакагими, там было много знати и сановников, все его приветствовали и превозносили, но теперь это светское общение было ему стеснительно и горько. Сайсё попросили сыграть на бива, а Распорядительница женских покоев спела «Ветку сливы», ее голос был необыкновенно хорош. Сайсё теперь перенес свою любовь на Химэгими и удовлетворился этим, но сейчас он вспомнил, как странно и твердо прекратила отношения с ним Распорядительница женских покоев, и он покинул этот дом с беспокойным сердцем.

Химэгими посещал все придворные празднества, старательно исполняя свои обязанности, на заседаниях государь ставил его мнение выше мнения сановников, которые были гораздо старше его. Нет в мире ничего более благостного, чем государевы милости.

- 19 -

В ту весну сакура цвела пышнее обычного. В первый день третьей луны должно было состояться любование цветами в Южном дворце, отовсюду были приглашены признанные сочинители китайской поэзии — событие обещало стать необыкновенным, сердца радовались.

Пришел назначенный день, государь задал тему, на которую должно было быть сложено стихотворение. Когда Химэгими прочел свое стихотворение, всем стало ясно, что даже прославленные знатоки не смогут его превзойти.

— Даже в Китае никто с ним не сравнится, что уж говорить о нашей стране... — так сказал государь.

Все, включая самого государя, декламировали свои сочинения, было шумно. Тут Химэгими призвали к государю, выделив его среди прочих. Сняв с себя верхнее платье, государь помог Химэгими облачиться в него. Спускаясь с возвышения, где находился государь, Химэгими так изящно кланялся, его манеры и облик казались еще более замечательными и превосходными, чем всегда. Он был прекраснее благоухающих цветов, всякий, кто видел его, плакал. И уж, конечно, его отец Садайдзин, проливая слезы радости, чему, разумеется, были свои причины, думал: «Как прекрасно! Как он великолепен! А я еще смею печалиться! Разве можно заподозрить хоть что-то? Кажется, он

может отлично прожить и так». О радости Удайдзина нечего и говорить.

- 20 -

Стемнело, начался концерт. Химэгими думал о том, придется ли ему еще когда-нибудь играть на флейте. Раньше он, бывало, время от времени уклонялся от музицирования, но теперь вкладывал в игру все сердце. Рассекая облака, звуки достигали небес, и не было никого, кто остался бы равнодушным, кто не сказал бы, как это прекрасно. Химэгими был так необыкновенно одарен и обладал такой прекрасной внешностью, что выглядел существом из другого мира. Однако недаром говорят: «Ослепительное сияние до добра не доводит»...

Государь был очень растроган: «Этот человек перерос свою должность и ранг, вот и сегодня он показал свои разнообразные таланты». Решив отметить его, государь назначил Химэгими Командующим правой гвардией. Посчитав, что и Сайсё тоже выказал свою незаурядность, государь пожаловал ему должность внештатного Среднего советника. Было бы так естественно обрадоваться оказанной им чести...

Итак, Химэгими получил указ о назначении. Когда спустилась ночь, из дворца вышел Садайдзин. Химэгими был хорош до изумления. Конечно, он радовался, что удостоился внимания государя, но в глубине души по-прежнему печалился: «Люди думают, что я процветаю — ведь я поднялся так высоко, и никто из них не может себе даже представить, что я должен буду исчезнуть без следа». Несмотря на великую радость, его сердце было омрачено, но о его тоске не догадывался никто. Вскоре отец с сыном проследовали в дом Удайдзина, там уже ждали их, в доме было шумно и радостно, а сам Удайдзин выглядел даже еще более довольным, чем если бы его дочь стала государыней.

Хотя Сайсё вроде должен был бы радоваться, но это было не так: он понимал, что удостоился внимания государя только лишь благодаря другому, который был лучше его, и ему было горько оттого, что он не стал первым. «Советник обладает замечательной внешностью и непревзойденными дарованиями. Как я повел бы себя, окажись я на ее месте. Сколько ни меняй свой облик — трудно отказаться от того, к чему привык», — всю ночь Сайсё думал об этом, а когда рассвело, написал поздравительное письмо.

Божественного цвета Фиолетовых облаков Твое одеяние. В радости не изменишь ли Своей клятве?

В эти дни повсюду, включая дом Удайдзина, царили радость и веселье, но Химэгими был взволнован и озабочен. То, что Сайсё, похоже, об этом догадывался, было так странно и трогательно.

«Поздравить нужно в первую очередь тебя, — написал он.

Ты угадал Мои тревоги. Не знаю, Что будет со мною, Когда сменю я платье».

Прочтя послание, Сайсё понял, что у Химэгими действительно есть причина печалиться, и он заплакал, потому что думал не о радости своего

возвышения, а о любви к ней.

Торжества и праздники занимали все время, увидеться было невозможно, но посчитав месяцы и дни, Сайсё решил, что скоро Химэгими будет принадлежать только ему, и его сердце совершенно успокоилось.

- 21 -

Химэгими полнел. Как ни трудно ему было именно теперь — после того, как он был обласкан государем — расстаться с привычной жизнью, но и оставить все, как есть, было тоже нельзя. Химэгими был потерян.

Как-то ему случилось дежурить ночью во дворце. Сайсё тоже был там, они отправились в комнату отдыха, разговаривали. Сайсё украдкой написал ответ на чье-то письмо. С заговорщицким видом он отдал его посыльному. Если бы Сайсё спрятал полученное письмо, вышло бы, что он скрывает что-то от Химэгими, если бы показал — обидел бы того, кто прислал его. По его нерешительному виду Химэгими догадался, что, должно быть, письмо было от Ённокими.

— От кого? Ну-ка покажи!

Химэгими удивился, что Сайсё не нашелся с ответом.

Химэгими, как бы озорничая, выхватил письмо. Не желая иметь секретов от Химэгими, Сайсё не сопротивлялся. Письмо было написано на великолепной фиолетовой бумаге еле видной бледной тушью, оно было без сомнения от Ённокими. Должно быть, она отвечала на что-нибудь вроде: «Ты, верно, очень рада, что Советник получил повышение по службе».

Ночные одежды Мужу к лицу. Но больше О ком не знают люди, Рада слышать.

Хотя различить написанное не составляло труда, Химэгими сказал:

— Бледновато, ничего не разберу, от кого это? — он попытался скрыть свои чувства и протянул письмо Сайсё. Тогда Сайсё спросил:

— Ну, и что ты думаешь по этому поводу?

— Никак не прочесть, ничего не вижу, — уклонился Химэгими.

Про себя же он рассуждал так: «До чего же ненадежно человеческое сердце, будь то мужчина или женщина! Вот Ённокими, на первый взгляд она невинна и благородна, но это только со стороны. Пусть ей самой все равно, что у меня на сердце, но ведь другие люди тоже обо всем догадываются, судачат, и это ужасно по отношению ко мне. А ведь она такая замечательная, каковы же тогда сердца людей обыкновенных... Как горько думать об этом! Но мне так не хочется, чтобы кто-то заметил, что я хоть чуточку неспокоен». И он не показал своего недовольства Ённокими.

Понимая, что привычная жизнь продлится еще месяц или около того, Химэгими часто навещал отца, ходил на ночные дежурства во дворец. Это была его обычная жизнь. Раньше он никогда — если не было на то особой причины

— не вступал в разговоры ни с высшими аристократами, ни с простыми придворными.

«Он, конечно, человек замечательный, но только он нас за людей не считает, ведет себя отстраненно и высокомерно», — сыпались упреки на его голову.

Но теперь Химэгими стал гораздо внимательнее и сердечнее, он стал благосклонным к дамам, а ведь считалось, что с ним трудно завязать отношения. Люди все больше терялись в догадках.

- 22 -

Химэгими находился на ночном дежурстве во дворце. В двадцатых числах месяца луны нет допоздна.

Весенней ночью Непрогляден мрак, И даже сливовых цветов не видно. Но аромат — Его не спрячешь.[16]

Вдохнув аромат, Химэгими вспомнил о даме, которая в праздник Нового года написала: «Узорчатый шелк лишь мельком увидела...» Когда все умолкло, он украдкой подошел к Живописному павильону.

Куда ушла Луна, что видел я зимою? Мне это не узнать, Ведь беспросветен мрак Весенней ночи.

Когда он тихим приятным голосом дочитывал последнюю строку, кто-то вдруг неожиданно приблизился к нему.

Пусть я луна, Что скрылась. Но раз тебя увидев, Я тосковала Не навсегда ль ушел.

Верно, это ответила та самая дама. Химэгими растерялся, он и не думал, что она все еще в него влюблена, полагая, что она его давным-давно забыла, но оказывается ее сердце не изменилось, он не смог пройти мимо и приблизился к ней.

Часть третья

- 1 -

Настала четвертая луна, и из-за своего положения Химэгими становилось все труднее и труднее вести себя как прежде. Он пытался делать вид, что ничего не изменилось, но даже несколько шагов давались ему с трудом. Сайсё не мог без помех с ним встречаться и страдал.

— Отчего ты упорствуешь? Нехорошо, если ты навлечешь на себя подозрения, — доказывал он.

В окрестностях Удзи у отца Сайсё было очень хорошее поместье. Сайсё приготовил там все самым тщательным образом, рассчитывая, что обязательно увезет Химэгими и поселит ее там. А потому теперь он проявлял нетерпение и

говорил с раздражением. Но Химэгими не желал последовать замыслу Сайсё. Если бы он не ждал ребенка, он мог бы укрыться у принца Ёсино, но его положение требовало хлопот, которые были бы неудобны в присутствии этого воплощенного Будды и принцесс. Ведь они кажутся такими застенчивыми, им будет неловко и стеснительно, а Химэгими не хотел быть источником таких забот. Ничего не оставалось, как послушаться Сайсё, ведь если поступить по-своему, решиться — как это ни горько — оставить его, то тогда придется обращаться за помощью к кому-то еще, но Химэгими стыдился даже своей кормилицы, с которой был так близок. Химэгими не знал, как быть и беспокойство терзало его. Если уж случилось так, как случилось, наверное стоит последовать увещаниям Сайсё: отвернуться от света и скрыться. «Мне уже трудно двигаться, искать помощи сторонних людей — неприлично», — решив так, Химэгими условился с Сайсё о дне отъезда, и немедля отправился к принцу Ёсино.

- 2 -

Со времени своего первого визита сюда Химэгими никогда не оставлял своим вниманием принцесс, заботился и о каждой мелочи в доме — вплоть до петель на дверях монашеской кельи. Этот долгий путь он проделал множество раз и никогда не оставлял обитателей дома своими щедротами. Принц Ёсино ценил благородство молодого и блестящего человека и отвечал ему откровенностью. Принц всегда встречал Химэгими с радостью, они стали близки, разговаривали о многом. Вот и сегодня Химэгими даже больше обычного говорил о своих горестях, хотя и не открывался до конца. Сочувствуя ему, принц сказал:

— Пусть сейчас вам так печально, но это лишь преходящее смятение поселилось в вашем сердце, — со всем жаром души он молился за Химэгими.

Химэгими, как всегда, повидал и принцесс, он всхлипывал и тосковал:

— Что бы ни случилось, я непременно вернусь — здесь будет мое последнее пристанище, не забывайте меня. Месяца три я не смогу навещать вас. Может случиться так, что я умру и тогда мы видимся в последний раз, но если предчувствия обманут меня и я останусь жив, я обязательно приду снова — каким бы странным ни показался вам мой облик. И не думайте, что я отдалился от вас.

Хотя в начале их знакомства принцессы стеснялись Химэгими, считая его странным и чересчур напористым, но потом нашли его удивительно милым и стали считать его своим близким другом, так что теперь, увидев, как он печален, они пришли в невыразимое огорчение и заплакали.

Теперь Химэгими хотел навестить родителей. На обратном пути в столицу беспокойство и тоска продолжали терзать его.

Когда-нибудь вернусь, Укроюсь здесь, В горах Ёсино. Дуй, ветер в соснах, Обо мне не забудь.

«Как все странно — так и не бывает». По лицу Химэгими струились слезы.

Пусть ветер утихнет, Что сосны тревожит В горах Ёсино. Часто о тебе вспоминаю. Буря в горах.

Как бы ни сложилась его жизнь, он не нарушит своих обещаний. Понимая, что он не сможет бывать здесь долгое время, Химэгими привез с собой множество вещей, которые могли бы понадобиться обитателям этого дома в зимнюю пору. Принц Ёсино догадывался о том, что происходит с Химэгими, а потому часто молился за него и снабдил лекарствами.

- 3 -

С утра до вечера Химэгими проводил дни с отцом и матерью, чему они были очень рады, но каждый раз, когда он видел их радостные улыбки, у него лились слезы. Химэгими одолевала мрачные мысли — ведь Удайдзин будет страшно огорчен его исчезновением и, пребывая в расстроенных чувствах, наверняка станет обвинять его в бессердечии. Ённокими тоже понемногу полнела, она выглядела бесконечно потерянной и лицо ее выражало страдание. Химэгими не испытывал к ней неприязни. Пусть она и предпочла Сайсё, ему не хотелось ее оставлять — они были вместе достаточно времени, чтобы привыкнуть друг к другу, бывали и счастливы, он любил ее. Несмотря на ее связь с Сайсё, Химэгими не желал покинуть ее — такое уж у него сердце, но именно сейчас он не хотел открываться ей.

От новых занавесей, повешенных на лето, веяло холодом — такой же, а может быть даже еще больший холод исходил от самой Ённокими. Она была одета в пять нижних платьев бледно-лилового цвета на голубой подкладке, поверх них — накидка «опавшие листья», вытканная зелеными и желтыми нитями. Она казалась настолько бессильной — будто лишилась своего тела, но это только добавляло ей обворожительности и благоуханной прелести. Ее дочка выглядела милой, как куколка, она уже начала подниматься на ножки. Химэгими остановил взгляд на девочке. Что бы ни случилось, куда он жив, он станет посещать отца с матерью, но здесь он, верно, в последний раз, ибо для чего ему сюда возвращаться, — подумал он и даже не заметил, что некоторых присутствующих здесь придворных дам он раньше никогда не видел.

— Когда меня не будет больше на этом свете, станешь ли ты вспоминать меня добром? — спросил он, приблизившись к Ённокими.

От стыда она покраснела. Необычайно хороша и благоуханна!

Если дольше твоей Моя продлится тоска, В одиночестве Лишь о тебе Печалиться стану.

Голос ее дрожал, она была такой юной и изящной, но стоило Химэгими вспомнить, что она писала «Но большее о ком не знают люди...», он со стыдом осознал, что она не любит его так, как того, другого... Ему хотелось думать — все, с него достаточно, он совершенно к ней остыл, но сегодня нежность никак

не покидала его. Это было так нелепо!

Если б мог я поверить, Что станешь с тоской Ты меня вспоминать. Стал бы думать о том лишь, Как тебя я люблю.

— Знай, я говорю правду. Годами я не умел сказать о своих чувствах так же красиво, как это делают другие, но мое сердце переполняла глубокая любовь, я всегда считал, что своей глубиной она не уступит чувствам других людей, но жизнь и чаяния — не одно и то же, и ты решила, что мое чувство не так сильно, как чувство того, другого, для меня это стыдно и горько, но здесь ничего не поделаешь. Теперь обо мне сплетничают, я выгляжу глупцом, моя честь запятнана, я не знаю, что делать. Только из-за любви к тебе я до сих пор не покинул этот безрадостный мир. Наверное, я сужу слишком сурово и тебе не хочется слушать, — сказал Химэгими, прижимая рукав к лицу.

Что могла ответить ему Ённокими? Ей было стыдно и горько, она вся дрожала, капельки пота выступили у нее на лице.

Поначалу огорчив Ённокими, Химэгими теперь пытался ее утешить. Он подумал, что ему не стоит сегодня навещать отца — в его присутствии он становится нестерпимо слабым, и тогда он решил отправиться к Вакагими. Одевшись тщательнее обычного, Химэгими придвинулся к Ённокими ближе, чем это было у них принято:

«Я иду во дворец. Если будет в том необходимость, останусь там на ночное дежурство, если нет — вернусь, — сказал он, и добавил, обращаясь к дамам: — Заботьтесь о ней получше. Жаль, что у нее всегда такой скорбный вид».

Он уже был готов уйти, но девочка так трогательно заковыляла к нему, протягивая свои ручонки, что, залюбовавшись ею, он вернулся и опустился на корточки. «Отчего я не как все?! Люди считают нас отцом и дочерью, но когда-нибудь, верно, я стану для нее чужим», — он пристально глядел на ребенка, и его глаза невольно наполнились слезами. Подержав на руках девочку, он вышел. Людям казалось, что он выглядит еще более благородно и притягательно, чем всегда. Ему было девятнадцать. Ённокими была тремя годами старше. Его обаяние лилось через край, достигая, как говорится «кончиков рукавов». Но вот появилась его охрана, он остановился на краю веранды и задумчиво прочел:

«В зеленом бамбуке Мне вечером слышится Пение птиц...»

Голос его был великолепен.

- 4 -

Химэгими дошел до Сверкающего павильона. С Вакагими были лишь несколько дам. В саду только что привели в порядок посадки гвоздики, и Вакагими хотелось посмотреть, что из этого вышло. Перед ней стояла небольшая ширма. Брат с сестрой мирно беседовали, и дамы, не желая им мешать, скользнули за занавески.

— Начиная с осени я чувствую себя совершенно больным, меня одолевают тяжкие думы, наверное, моя жизнь подходит к концу, за эти годы я сполна изведаль, как это горько — быть другим. И вот я решил, что с меня хватит. Но что будет с родителями? У них ведь есть только ты и я, мы должны заботиться о них. Я уж не говорю о том, каково будет тебе без меня. Но только ты можешь понять, отчего так неспокойно у меня на сердце, — говорил он, и слезы текли у него из глаз.

Вакагими мучилась теми же чувствами, что и он. Она была очень застенчива и вовсе не понимала отношений между взрослыми, и только приобщась к светской жизни стала кое о чем догадываться, но она попрежнему чуралась незнакомых. Оба осознавали свою непохожесть, и это сблизило их. Они заботились друг о друге и поэтому, когда Химэгими сказал, что она сможет его понять и заплакал, Вакагими тоже было трудно сдержать слезы.

— И мне горько быть такой, как я есть, непохожей на других. Это так мучительно, сейчас, верно, не время об этом говорить, но так продолжаться не может. Сколько я передумала о том же, о чем говоришь сейчас ты — о том, чтобы схоронить себя в горах. Так продолжаться больше не может! Я все больше думаю о нашей горькой судьбе, — сказала она, заливаясь слезами.

Химэгими понимал, что она говорит правду. Сквозь бледно-лиловую ткань занавески Химэгими мог видеть, что на ней одеяние «гвоздика» — пять нижних платьев цвета красной сливы на голубой подкладке, поверх — платье «опавшие листья», вытканное зелеными и желтыми нитями. Она выглядела необыкновенно привлекательной. «А ведь такое одеяние предназначалось мне!» — он снова вспомнил про свое тело, и мысли его были печальны и горьки. Вакагими же подумала о том, какой Химэгими блестящий и благоуханный. Даже сейчас, когда он так осунулся, он был очень красив и изящен. На людях Химэгими выглядел сурово и мужественно, но сейчас он пребывал в затруднении и растерянности, он казался таким мягким, милым и близким. «Какие мы с ним странные, ведь это я должна была быть такой!» — подумала Вакагими. Они смотрели друг на друга, беседовали о своих тревогах и волнениях и горько плакали. Разделенная печаль не позволяла им расстаться.

Шло время, стемнело. Собираясь уходить, Химэгими обронил:

— Почему никого нет рядом с тобой? Позови кого-нибудь.

Вакагими провожала Химэгими испуганным взглядом — в его поступи появилось что-то необычное.

Отпуская своих телохранителей и приближенных, Химэгими сказал:

— Сегодня я остаюсь на ночное дежурство в Сверкающем павильоне. Утром будьте здесь с экипажем.

- 5 -

К этому времени Сайсё уже переоделся и поджидал Химэгими у северного поста в легком запряженном волом экипаже, в каком путешествуют люди

незнатные. Химэгими незаметно вышел к нему. Будто во сне, он сел в экипаж, и они отправились в Удзи. По дороге Химэгими одолевали мрачные мысли. Ясная луна красиво освещала дорогу. Когда они достигли гор в Кохата, где уже некому было удивляться необычным путникам, Химэгими достал флейту. Он привык к ней с детства, и только эту флейту он взял с собой. Вряд ли ему доведется теперь играть на ней. И эта горечь присоединилась к другим его потерям. Всю свою тоску вложил Химэгими в игру — звуки были несказанно прекрасны. Сайсё же, отбивая такт веером, пел.

Место, куда они приехали, оказалось чудесным — ведь Сайсё сам выбрал его. Внутреннее убранство дома было тоже прелестным. Чтобы Химэгими не осталась без помощи, Сайсё отправил туда двух дочерей своей кормилицы и еще несколько совсем молоденьких девушек, которые вряд ли отдавали себе отчет в том, что происходит. Они уже были на месте и ожидали прибытия Химэгими.

Перед тем, как выйти из экипажа, Химэгими с горечью подумал: «Что меня здесь ждет? Нет, не хочу!» — но дороги назад уже не было, заполучивший его наконец Сайсё не позволит ему вернуться. Химэгими провел ночь в печали.

- 6 -

Рано утром Химэгими подняла решетки и огляделась. Она выглянула наружу — все было таким незнакомым. Мечты Сайсё сбылись — он был очень доволен и велел, чтобы Химэгими вымыли голову и распустили волосы. Он оглядел ее густые и короткие — как у монахини — волосы. Ей выщипали брови и начернили, как это принято среди женщин, зубы. Теперь она выглядела еще более благоуханной, чем прежде. Увидев, как она необыкновенно хороша, Сайсё очень обрадовался, влюблено подумав, что его усилия того стоили. Химэгими же по-прежнему только и думала: «Что со мной будет? Жизнь взаперти будет скучна!» — ей было так горько, что она даже не встала с постели. Сайсё расстроился:

— То, что произошло — так естественно. Неужели тебе кажется, что твой прежний облик отвечает твоей природе? Тебе хотелось свободы и сколько угодно общаться с людьми, вот ты и сделалась мужчиной. Может, это тебе и вправду нравилось, но невозможно жить, выдавая себя не за того, кто ты есть на самом деле. Сейчас ты кажешься себе странной, но ведь ты рождена женщиной, пройдет совсем немного времени и ты привыкнешь. И когда твой отец узнает обо всем, он не найдет в том ничего предосудительного.

Химэгими стало неловко, потому что в его словах была заключена правда. «Если я стану обыкновенной, пусть и не такой, как раньше, пока я жива, я смогу встречаться со всеми», — подумала она и успокоилась. На ее короткие волосы было жалко смотреть, однако среди снадобий, которые ей дал принц Ёсино, было и такое, от которого волосы вырастали за ночь на целую ладонь. Она достала его, решив, что настало время и для него. Каждый день она мыла голову и втирала лекарство. Спрятав Химэгими, Сайсё посвятил себя заботам о столь дорогой и любимой женщине, но сама она пребывала в тоске и украдкой

плакала. Так незаметно шли дни.

- 7 -

А что происходило в столице? Тем самым утром, как то и было приказано, для Химэгими подали экипаж, но его самого нигде не было. «Господин отпустил нас ночью», — оправдывались слуги. Химэгими стали искать, но найти не могли.

Сначала подумали, что он уединился всего на несколько дней, как делал обыкновенно каждый месяц, однако в доме кормилицы его тоже не оказалось. Тогда вспомнили, что и раньше он, бывало, скрывался у принца Ёсино и отсутствовал дней по десять, но вот минуло уже и десять дней, а его все не было, да к тому же и все его люди были на месте. Один из тех, кто обыкновенно сопровождал его, сказал:

— Он действительно был в гостях у принца Ёсино в начале месяца, но пробыл там всего два или три дня.

И представить себе невозможно, как все беспокоились.

Отец думал: «Он с такой печалью рассуждал об этом мире, и, должно быть, переживал из-за того, что не похож на других. И все же он так высоко поднялся, что без особой причины не должен был отвернуться от мира. Так мне по крайней мере казалось. Но начиная с прошлой зимы, он временами выглядел очень странным. Так отчего же я ничего не заподозрил!» Нечего и говорить, как плакал и горевал Садайдзин. Химэгими преуспел во многом, он был выдающимся человеком, и когда отец видел его, он забывал обо всем, обо всех своих прошлых горестях — так радовался он встречам с Химэгими. Эти мысли не оставляли Садайдзина, он словно лишился рассудка и потерял всякий интерес к жизни.

В доме Садайдзина стоял переполох, никто не мог понять, что же случилось с Химэгими. Все вспоминали его несравненный облик и недоумевали. Шли дни, но никто так и не слышал о том, чтобы в какой-нибудь глуши кто-то принял постриг. Не было никого, кто бы не грустил и не волновался о Химэгими. И сам нынешний государь, и его предшественник, с печалью думали о том, что исчез светоч, делавший жизнь краше, оба они полагали, что у него не было причин уходить от мира. Поднебесная будто гудела: в горах и в храмах возглашались молитвы и читались сутры. И в государственных храмах, и в частных домах молились о том, чтобы он вернулся не сменив своего облика на монашеский, все надеялись, что мольбы возымеют действие, самые разные толки наполнили мир, однако никаких известий не поступало. Тот, кто хоть одним глазком видел раньше этого выдающегося человека, страдал и печалился, его искали в горах и долинах, но солнце, которое должно освещать этот мир, сокрылось в облаках, настала тьма, дороги было не разобрать.

- 8 -

Удайdziна терзали противоречивые чувства. Ённокими вспомнила, что, расставаясь с ней, Химэгими говорил о своем уходе из мира, она упала на пол и исходила слезами. Удайдзин переживал за Химэгими не меньше его отца, но в то же время в нем копилась обида: Химэгими не слишком любит Ённокими — ведь он оставил маленькую дочь и ее беременную мать в полной растерянности. Удайдзин плакал не переставая. Это странное и непонятное исчезновение вызвало множество пересудов. «Сайсё ухаживает за Ённокими, а Советник такой чувствительный и щепетильный, что не выдержал и скрылся». «Дочь Ённокими не иначе, как от Сайсё».

Эти слухи дошли и до Садайдзина, и он подумал, что эти подозрения, должно быть, имеют под собой основания. Кто-то разгадал его тайну, а ведь Химэгими очень умный и тонкий человек, вот он и не смог остаться в обществе и скрылся — расстроился Садайдзин. Химэгими скрылся тайно, никому ничего не сказав — утопая в слезах, думал отец.

Удайдзин никак не мог взять в толк, что же все-таки происходит, и отправился к Садайдзину. Глядя ему в глаза, Удайдзин делился своими сердечными горестями, говоря, что любовь Советника оказалась мелкой, и потому он оставил его дочь. Садайдзин был весьма задет упреками Удайдзина и, несмотря на свой житейский опыт, здравый смысл изменил ему и он повел себя не так, как подобает знатному человеку — он слово в слово поведал Удайдзину то, о чем говорили люди:

— Поначалу он думал, что Ённокими достойна уважения и другой такой нет, и заботился о ней. Но в последнее время она часто огорчала его, полагаю, в этом и заключена причина того, что случилось.

Услышав такие речи, Удайдзин перестал плакать — настолько изумили его эти неожиданные и необычайные сведения. Пребывая в смущении от визита, он вернулся домой и поделился с женой полученными известиями. Разумеется, она была тоже поражена.

- 9 -

«Родители заботятся только о младшей дочери, а других считают хуже нее», — злословили кормилицы старших дочерей Удайдзина. Прослышав об этом деле, они решили отомстить Ённокими, изложив в подробностях все обстоятельства, они оставили записку в таком месте, где Удайдзин должен был непременно заметить ее.

«Господин Советник ушел, поскольку не мог больше терпеть связи жены с Сайсё. Девочка — дочь Сайсё. Поначалу господин Советник был очень обрадован, считая, что это его ребенок, но внешность дочери не оставляет никаких сомнений, кто отец. Господин Советник заподозрил неладное и застал господина Сайсё в постели с госпожой Ённокими уже в седьмую ночь после родов».

Жена Удайдзина обнаружила записку и показала ему. Со стыдом Удайдзин разглядывал девочку — никаких сомнений быть не могло, это дочь Сайсё.

Удайдзин терпеть не мог обмана, он был до крайности огорчен и рассержен. Скорый на расправу, он решил отречься от дочери и больше о ней не заботиться.

— Это отвратительно! Ты не должна больше оставаться в моем доме. При сложившихся обстоятельствах не смею увещевать тебя, равно как и заботиться о тебе. Что скажут люди? Что подумает Садайдзин? Пусть даже Советник и принял монашество, ему все равно все станет известно. Какой позор! Так пусть он хоть знает, что я сожалею о случившемся, — сказал Удайдзин и вышел, не взглянув на Ённокими.

Что случилось с Ённокими? Она таяла. Не зная, чем помочь, Саэмон грустно смотрела на нее. Все это так прискорбно, но к кому теперь обратишься? Ничего не скрывая, она написала длинное письмо, где с грустью поведала об ужасных обстоятельствах Ённокими. Она позвала того посыльного, который обычно носил письма к Сайсё: «Обязательно доставь господину!» И тот понес письмо в Удзи.

- 10 -

Здесь, в Удзи, незаметно пролетело уже дней двадцать. Химэгими понемногу — ведь все равно теперь уже ничего не поделаешь! — стала свыкаться со случившимся, но мысли о том, что станется с родителями, не оставляли ее. Сама она испытывала такое чувство, будто видит сон, в унынии и печали она постоянно пребывала в постели, хотя теперь ей не от кого было прятаться. Она отдохнула, видно под действием снадобья ее волосы отросли и приобрели изысканный блеск, брови же были выщипаны, как то и положено. Теперь она уже ничем не отличалась от женщины своего круга, и ее блистательный и благоуханный женский облик затмевал ее прежнее мужское обаяние, но лицо ее все еще выражало тревогу, растерянность и покорность. Всей душой она желала отдаться ухаживаниям и заботам Сайсё. Осознав естественность своего нынешнего положения, она приобрела в обхождении мягкость, и никто бы не подумал, что она — тот же самый человек, что прежде. В ее утонченности и изящности не было ни единого изъяна. «Издавна во сне и наяву я мечтал иметь такую жену, об этом я молил, и вот будды и боги вняли мне, — радостно думал Сайсё, — и я уж никак не заставлю их пожалеть об оказанной милости, и не стану вспоминать прежнюю жизнь». Он делал все возможное, чтобы Химэгими была довольна.

Со временем Химэгими стала частенько вспоминать, что вот тот-то сказал то-то, а этот сделал так-то, но Сайсё тут же пристыдил её:

— Тебе просто нравится быть рядом с мужчинами.

Ей было неприятно это слышать, но она скрыла свое неудовольствие.

Сайсё прочел послание Саэмон, теперь он был так близок с Химэгими, что показал письмо и ей:

— Мне так больно и стыдно — и эти разговоры, и то, что твой отец узнал

про меня и Ённокими. А что должна чувствовать сама Ённокими! Мне очень горько, что из-за меня она попала в такое ужасное положение.

— Да, ты прав, у меня с ней был странный брак, но я тоже считаю, что весь этот шум случился из-за тебя, тебе нужны все женщины, это так противно. Мы с Ённокими, может быть, сумели бы все исправить, — когда Химэгими произносила эти слова, у нее был такой трогательный вид, в своей грусти она была так бесконечно обворожительна, что Сайсё хотелось смотреть и смотреть на нее, и он чувствовал, что не может расстаться с ней даже на короткое время, но его тревожила Ённокими, поэтому он сказал:

— Меня не будет всего одну ночь.

С этими словами он уехал.

«Что же мне теперь делать?» — в тоске и унынии плакала и грустила Химэгими. Спустилась ночь, луна была светла и освещала реку, воспоминания не давали Химэгими покоя. Столько всего случилось, что и не вынести! И вот из ее груди вырвалось:

Всегда считала я, Что над рекою Удзи Светла луна. Но вижу: застилает тень Несчастную луну. - 11 -

В дороге сердце Сайсё не было покойно, образ Химэгими не покидал его. Он прибыл в столицу, и когда спустилась ночь, тайно пробрался в дом Ённокими. Саэмон встретила его и, заливаясь слезами, сказала:

— Ённокими такая жалкая и потерянная — вот-вот растает, не поймешь, жива или мертва, и ей совершенно не к кому обратиться за помощью.

У Саэмон были основания так говорить.

Сайсё произне: «Я хочу ее видеть». Теперь отказать ему было уже нельзя. Саэмон ответила:

— Может статься, вы увидите ее в последний раз.

Саэмон не отличалась особенным умом, она не стала перечить Сайсё и проводила его к Ённокими.

В тусклом свете Ённокими выглядела такой жалкой, будто жизни в ней уже не осталось, она лежала, распустив длинные волосы, живот ее был уже достаточно большим. Даже чужестранный воин или варвар с окраин государства, несомненно, пожалел бы ее, а уж Сайсё, так любивший ее, тот расплакался сразу же. Он так расстроился, что в глазах потемнело, лег рядом и взял ее за руку:

«Ну же, посмотри на меня!» Ённокими удивилась и с трудом приоткрыла глаза, она подумала, отчего он опять здесь — и без него ей так тошно, она лила бессильные слезы и ее дыхание прерывалось: ей и вправду было о чем печалиться. Сайсё тоже не мог скрыть своих чувств и продолжал плакать.

— Все хорошо! Это судьба. Не переживай так. Ты будешь жить, и родители простят тебя. Умереть беременной — большой грех.

Он дал ей теплой воды, ему не казалось, что ее жизнь в опасности.

— Успокойся, все будет хорошо.

Он приказал поднести светильник поближе, чтобы лучше видеть ее. Она спрятала от него свое лицо, в ее позе были заключены бесконечное благородство и изящество. В думах о том, как сложится его жизнь, если она умрет, он расчувствовался и пролежал рядом с ней до рассвета, но и тогда Сайсё не смог покинуть ее. Он потихонечку позвал слуг и распорядился, чтобы начали читать молебны, сам же остался с ней. Ённокими приняла все со смирением, она знала, что не может положиться на Сайсё. Как горько!

Химэгими же, пребывавшая в Удзи, не могла успокоиться, тревожные чувства одолевали ее. Сайсё волновался за нее, но обнаружив Ённокими в таком плачевном положении, он решил, что оставить ее слишком жестоко, поэтому он написал в Удзи длинное письмо и дней пять или шесть оставался с Ённокими. Он часто плакал и не оставлял ее своими заботами. Ённокими тосковала — она знала, что Сайсё не пристало быть подле нее, она страшилась гнева небес, но поделать ничего не могла, смерть была все еще рядом. Сайсё не мог оставить ее, печалился и скорбел, не расставаясь с ней ни на миг — он жалел ее по-настоящему, от всего сердца.

- 12 -

И в государевом дворце, и в частных домах волновались и печалились по поводу исчезновения Советника, люди повторяли: «Во всем виноват Сайсё». Сайсё было неприятно это слышать, ему было мучительно больно, что Садайдзин верит молве. Сайсё стыдился этого и не появлялся в свете. Заботясь о Ённокими, он заказывал все новые и новые молитвы. Оставив нужные распоряжения, он в слезах покинул столицу и вернулся в Удзи. Там царил тишина, Химэгими очень располнела, она страдала, грустные думы одолевали ее, она лежала, глядя в никуда. Сайсё сам не знал, как он мог провести эти дни без нее. Теперь она станет считать, что он жесток, станет его презирать, и у нее есть на то все основания. Какая жалость! Пропливая слезы на уже и так мокрые рукава, он попытался ее утешить и поведал без утайки о положении Ённокими. Химэгими же думала: «Как сильно Сайсё любит её! Он волнуется за нее и, верно, пишет ей письма, он любит ее не меньше, чем меня. Мы с ней оказались в одном положении. Какое унижение! Какой ничтожной я предстану в глазах людей!» — Химэгими в глубине сердца все еще продолжала считать себя и Ённокими связанными супружескими узами, но понимая, что она не может упрекать Сайсё, она сделала вид, что все это ее не волнует. «Пусть сейчас он любит меня сильнее всех, но с его нравом это ничего не значит. Ведь даже сейчас его сердце разрывается между нами двоими... И все же до времени мне не следует отворачиваться от него», — хотя теперь обликом она была женщиной, но, привыкнув жить мужчиной, она рассуждала, как мужчина. Увидев, что она спокойна, Сайсё бесконечно обрадовался — все выходило так, как он хотел.

- 13 -

В доме Садайдзина привыкали к отсутствию Химэгими, но каждый день надеялись на его появление. Со дня исчезновения Химэгими прошло уже два месяца, но никаких известий о том, что кто-то втайне принял монашество, не поступало. «Даже если он решился покинуть этот мир, мы так старательно ищем его, совершенно невозможно, чтобы он не нашелся. Вряд ли он мог скрыться где-то далеко, а в окрестностях столицы нет такого места, где бы не справлялись о нем. А что если... Конечно, сам Сайсё не способен на такое, но вдруг какой-нибудь злодей, который служит ему, решил, что вот, мол, господин неспокоен, поскольку не может беспрепятственно встречаться с женщиной, которую он тайно посещает, и расправился с соперником?» — когда эта мысль пришла в голову Садайдзину, он совершенно обезумел, теперь у него даже не было сил стенать и плакать, он просто лежал ничком, ни на что не обращая внимания. Так в его доме появился еще один повод для вздохов и тревог.

Вакагими вспоминала, что сказал ей Химэгими в тот вечер, когда он пропал. Он, видно, тогда решил, что проводит здесь свой последний день. Если бы только она это знала, не позволила бы ему уйти одному, ей нужно было сказать, что и она уходит вместе с ним. «Конечно, в детстве мы чурались друг друга, но когда я переселилась во дворец, он всегда обо мне заботился — провожал и встречал, мне это было лестно, я радовалась тому, что мне есть на кого положиться. Нас всего двое и как ужасно, что теперь он пропал. Должен ли он был предстать перед людьми мужчиной или все-таки женщиной? Где он скрылся, в каких горах-долинах затерялись его следы! Химэгими был сердечным и понимающим, он — женщина, но он решил стать мужчиной. Я же рожден мужчиной, но в детстве я поддался влечению сердца и стал женщиной, и теперь живу, как женщина. Но в эту минуту мне не пристало полагаться на других и прятаться. Отец совсем обессилел, его жизнь на исходе, и он не сможет найти Химэгими. Другие тоже вроде бы ищут его, но только это ни к чему не приводит, потому что они на самом деле не вкладывают душу в эти поиски. Пусть его трудно найти, но он все равно где-то рядом! Я не могу оставаться безучастной, я переоденусь мужчиной и отправлюсь за ним и найду во что бы то ни стало, и мы вернемся вместе! Если же меня ждет неудача, я тоже приму монашество — и пусть высоко в горах сокроются мои следы. А об отце тогда позаботятся люди. Обо мне всегда заботились, как о женщине, никто не ждет, что я вдруг явлюсь мужчиной, начну приказывать и заботиться о других, но я не могу оставить все, как есть, ведь я могу опоздать, а я не хочу жить в этом мире без него». Днем и ночью Вакагими утопала в слезах. Что скажут люди, если она тоже исчезнет? Может, ее намерения безумны? Поделиться своими сомнениями с отцом было невозможно, поэтому Вакагими рассказала все матери. Та же совершенно растерялась.

— Но нас ведь на этом свете только двое, а я не знаю, где он, я вне себя от горя. Отец, похоже, при смерти, а я ведь все-таки мужчина, мне не подобает оставаться безучастной. Я хочу стать тем мужчиной, каким мне назначено быть, и сделать все возможное, чтобы найти Химэгими, — решительность Вакагими была непривычно мужской.

— Это что еще! — испугалась мать. — Ты же слабый, как женщина, как ты станешь его искать? — расплакалась она.

— Дело ведь здесь еще в чем: хоть все и говорят, что его искали на каждой горе, в каждой долине, но это только слова, настоящей решимости найти его у них, верно, не было. Мы же родились братом и сестрой, и я вложу в поиски всю свою душу, так неужели я не сыщу его? Он полагает, что я не стану его искать. Но если я приступлю к делу, ему не спрятаться, как бы он ни старался. Он относился ко мне так тепло и сердечно, будто бы нас и не воспитывали порознь, и я должна хоть как-то ответить на его любовь.

Видя, как Вакагими трудно, мать плакала вместе с ней.

— Что поделать! Если ты и вправду так считаешь, видно, такова судьба. Сделай, как тебе велит сердце.

Вакагими очень обрадовалась ее словам:

— Только я не хочу никаких разговоров о моем исчезновении. Хорошо, что я живу не как все, меня никогда никто не видит кроме четырех-пяти дам, здесь я или нет никто не может знать точно, так что сделайте вид, будто я здесь. Отцу тоже пока ничего не говорите. Если он спросит, скажите, что мне нездоровится. Никто не должен знать о моем отсутствии. Отец так плох — непонятно даже, жив он или нет, верно, он не придет меня проведать. Поскольку с ним мать Химэгими, и в доме всегда столько людей, даже если я не пойду к нему, никто не обратит на это внимания, — сказала Вакагими. Она позвала прислуживавших ей дам и велела им держать язык за зубами.

Вакагими надела охотничий кафтан и штаны, потом попросила дочь кормилицы, которая служила Принцессе и была хорошо знакома Вакагими, пройти к ней, и та остригла ее длинные волосы, уложив на голове обычный мужской узел. Мать с кормилицей были немало удивлены, они воскликнули: «Ну и дела!» — но поскольку именно таким должен был быть настоящий облик Вакагими, он выглядел совершенно естественно. Удивление сменилось восхищением: Вакагими был лучше всех на этом свете, а его замысел уже не казался им глупостью. Вызванная столь внезапно дочь кормилицы, которая хоть и прислуживала Принцессе, но даже голоса Вакагими никогда не слышала, была несказанно поражена, уразумев как обстоят дела.

В высокой шапке, кафтане и штанах Вакагими выглядел несколько неловко, но новый наряд явно шел ему. Вакагими будто превратился в пропавшего Химэгими, их лица и раньше обнаруживали немалое сходство, но теперь, когда Вакагими оделся мужчиной, сходство стало просто разительным, казалось, это Химэгими вернулся.

— Вот бы отца позвать! Конечно, если Вакагими останется женщиной, отцу всегда будет приятно о ней заботиться, но если он станет мужчиной, для отца это будет настоящим счастьем!

И мать, и кормилица решили, что им следует только радоваться, их

тревогам был положен предел.

— Ни в коем случае не показывайте людям, что вы чем-то расстроены. Будьте такими же радостными, как сейчас, — проговорил Вакагими и покинул их.

- 14 -

Если он не найдет Химэгими, он тоже покинет этот мир. Вакагими печалился, что придется тогда с родителями, к тому же он привык утром и вечером видеть Принцессу, а она, похоже, в положении, так жаль оставлять ее... Эти чувства смущали его, он взял кисть и написал, что у него на сердце:

«Поскольку мой отец сделался очень болен, к сожалению, не знаю, когда смогу прийти снова.

Когда меня Уже не будет В этом мире, С тоской Меня ты станешь вспоминать?»

Ответ Принцессы был очень трогательным:

Ты знай: Когда тебя Не станет в этом мире, Мне не за чем В нем будет оставаться.

Он бесконечно долго перечитывал ее стихотворение, потом завернул послание в плотную бумагу. Был шестой месяц, Вакагими отправился в путь при свете поздно взошедшей луны, с ним были трое детей кормилицы и семь-восемь воинов, понимающих все с полуслова, ни в чем не сомневающих и верных. Будучи женщиной, Вакагими никогда не выходил из внутренних покоев, но теперь он легко и непринужденно ощущал себя и в мужском платье. Те, кто наблюдал за ним, когда он покидал дом, были удивлены и даже напуганы, но им было сказано, чтобы они вели себя так, как будто Вакагими находится здесь — чтобы никто ничего не узнал.

- 15 -

Вакагими-мужчина отправился в путь еще не зная, куда ему идти. Сын кормилицы сказал: — Господин Советник бывал у принца-отшельника в горах Ёсино, и я слышал, будто он поклялся, что там будет его последний приют. Должно быть, он там.

«И вправду, когда Химэгими исчез, поднялся такой шум, что он никогда бы не признался, что находится именно там», — решил Вакагими, и они отправились в Ёсино. В полуденную жару они переправились через реку Удзи и остановились освежиться вблизи реки в тени высокого дерева. Неподалеку располагалась чья-то манящая взоры усадьба, и путники приблизились к ней. Видно никого не было, но слышался голос, читавший сутру. «Какое прелестное место!» — подумал Вакагими, подойдя к плетеной ограде. Бамбуковые шторы были подняты, Вакагими спрашивал себя, кто бы мог жить в этом доме. Он тихонько заглянул за ограду, увидел ручьи в саду — все это выглядело так живописно, будто на картине. Шторы были подняты ровно настолько следует, висели яркие летние занавеси. Выглядевшие очень свежо девушки лет

четырнадцати-пятнадцати бодро сновали туда-сюда, они были в простых, без подкладки, полотняных платьях и бледно-лиловых или же алых шароварах, другие сидели, распустив пояса и обмахиваясь веерами. Вакагими вгляделся пристальнее и заметил, что за занавеской находилась какая-то женщина, она была в алой накидке без подкладки и такого же цвета шароварах. Она лежала, устремив взор в сад, и выглядела при этом очень несчастной, но лицо ее словно светилось блестящей красотой, волосы струились, как на картине, она была так обворожительна и прелестна, что он не мог оторваться. У Вакагими возникло какое-то странное ощущение, что он уже видел ее раньше, он все смотрел на нее и, наконец, ему показалось, что она напоминает Химэгими. Он продолжал с волнением наблюдать за ней. Выражение ее прекрасного лица было тревожным, и эта тоска делала ее похожей на Химэгими еще больше. «Может быть, он сделал, как я? Если бы он вдруг стал женщиной, он был бы именно таким», — подумал Вакагими. Ему хотелось приблизиться и спросить «Может, вы и вправду он?» — но в это было так трудно поверить. Не желая никого смутить своей назойливостью, он не двинулся с места, но женщина будто бы почувствовала, что кто-то наблюдает за ней, бамбуковые шторы опустились. Разочарование Вакагими не знало границ.

Он не мог этого вынести. Если это действительно Химэгими, может, она обратит на него внимание и узнает его? Желая обратить на себя внимание, Вакагими подошел к самой ограде, и в доме почувствовали, что, как это ни странно, кто-то здесь есть. Химэгими стала вглядываться из-за опущенных штор и увидела несказанно привлекательного, обольстительного и благородного мужчину. Она была чрезвычайно удивлена и взволнована, не понимая, как это такой человек мог очутиться здесь. Она не могла не знать его, но она его не знала. При этом по своему положению он был явно не ниже ее самой. Тут ей почудилось, будто он — ее отражение. «В тот вечер, когда я решила, что настало время для исчезновения, Вакагими была печальна до слез. Когда этот мужчина поворачивается в профиль, его лицо напоминает ее». Но все равно ей и в голову прийти не могло, что Вакагими мог изменить свой облик. Химэгими воскликнула: «Какой красивый!» — и не сводила с него глаз. Молоденькая служанка подумала: «Наша госпожа так прекрасна, что не имеет равных во всем мире, но и этот мужчина не хуже!» И вдруг неожиданная мысль поразила ее, и девушка позвала из глубины дома своих подружек, чтобы и они посмотрели на незнакомца:

— Вот это да! Да это, должно быть, тот самый Советник, про которого говорят, что он пропал и никак не сыщется.

— Ну и ну! Никто, верно, не знает, что он здесь.

— Его отец так печалится, вот бы дать знать, что он здесь.

Химэгими слушала их пересуды с печалью и удивлением, у нее полились слезы, и она скрылась в глубине дома.

Вакагими еще некоторое время постоял у изгороди, но поскольку Химэгими велела, чтобы никто не показывал вида, что она здесь, то в доме

стояла тишина, подойти поближе и расспросить было неловко. Так что Вакагими ничего не узнал и только вздыхал.

— Чья здесь земля? — спросил он кого-то, отойдя от ограды.

— Принца Сикибукё, Министра церемоний.

Отца Сайсё! Услышав этот ответ, еще более затрудняющий дело, Вакагими решил никому не рассказывать о том, что он видел. Даже если это не Химэгими, все равно ее образ трогает сердце, так хочется любоваться ею. Ему хотелось бы быть рядом с ней, покинуть место, где она обитала, было трудно. Уже подул вечерний ветерок, а ему все не хотелось уходить, ее образ запечатлелся в его сердце. Если он не оставит этот мир, он хотел бы видеть такую женщину рядом с собой. «Я всегда думал, что Принцесса бесконечно хороша, но эта женщина не уступит ей», — подумал он — настолько он был пленен незнакомкой.

- 16 -

Сайсё беспокоился из-за нездоровья Ённокими, своей тайной возлюбленной. Сейчас он снова был с ней. Шли месяцы, здесь, в Удзи, Химэгими почти перестала подниматься с постели и все время лежала, взгляд ее был скучен. «Что ж, так и должно было случиться. Это невозможно выносить и невозможно смириться, но что делать! — размышляла Химэгими. — Сайсё любит Ённокими не меньше, чем меня, он делит между нами свое сердце. Он проводит пять-шесть дней здесь и потом на столько же скрывается у нее, и это время я вынуждена проводить в ожидании и тревоге, я к этому не привыкла, и, сколь это ни прискорбно, мое терпение на исходе, но снова стать мужчиной я уже не могу. Если роды пройдут благополучно, я уйду в Ёсино и стану монахиней». Эта мысль успокоила ее.

Сайсё же ничего не подозревал, теперь он успокоился, полагая, что все идет по его желанию. Поскольку Ённокими все еще нуждалась в помощи, Сайсё очень жалел ее, и отдавал ей большую часть своей любви. Он все еще стеснялся бывать в обществе, но с легким сердцем посещал и любил обеих женщин.

- 17 -

Долгие годы Сайсё считал, что его сердечные желания не исполняются — не то, что у других, а потому вздыхал и грустил, но теперь он решил, что его чаяния осуществились, и его сердце наполнилось покоем и радостью. Но все же и теперь его постоянно посещали тревожные мысли, он возвратился к Химэгими со смятанным сердцем, и увидел, что она тоже чем-то обеспокоена и страдает. Сайсё недоумевал, что могло случиться — тревога одолевала его. Он прилег к Химэгими, чтобы поговорить. Прислуживавшая им девушка сказала:

— Вы слышали? В полдень сюда приходил господин Советник, о котором все говорят, что он исчез.

Сайсё выслушал ее с удивлением и усмехнулся:

— Как же это было?

— В охотничьем костюме, он стоял возле ограды, но в доме было так тихо, что постеснялся войти — постоял-постоял, да и ушел.

Сайсё изумленно спросил Химэгими:

— Это правда? Ты видела этого человека?

— Я его раньше не встречала, но раз все они так о нем говорят, может быть, это мое тело отделилось от меня, — она улыбнулась, но тут же залилась слезами.

— Ты все еще хочешь быть мужчиной, — Сайсё сказал это с привычным упреком и горечью. — Опиши мне его.

— Считаю, что он был вылитый я. Вряд ли это тебя успокоит, — оборвала она разговор.

- 18 -

Вакагими прибыл к принцу Ёсино. Один из его сопровождающих объявил:

— Здесь человек от господина Советника.

Химэгими бесследно исчез и его искали повсюду. После его последнего посещения прошло немало времени, и принц был удручен его отсутствием. Поэтому сейчас он с волнением подумал, не тот ли это посланец, которого обычно присылал к нему Химэгими.

— Пусть войдет.

Вошедший был вылитый Советник — так же обворожителен. Принц воскликнул:

— Кто вы?

— С тех пор, как Советник исчез, прошло два месяца. Люди сказали мне: «Время от времени он бывал у принца и говорил, что здесь будет его последнее пристанище». Вот я и подумал: а вдруг вам что-то известно. Я его брат.

— Осенью позапрошлого года он принес клятву верности и стал бывать здесь, но когда он приехал сюда в последний раз, а это было в первых числах четвертой луны, он досадовал на весь мир, и он не сказал, когда появится снова. «Пережить конец шестой-начало седьмой луны будет для меня очень трудно, но если мне суждено остаться в живых, то до конца седьмой луны обязательно пришло — пусть хоть с дуновением ветра — восточку», — вот что он пообещал. Думаю, что в это время должно произойти нечто такое, чего ему следует опасаться, я молюсь за него утром и вечером, по любому поводу вспоминаю о нем, он должен быть еще на этом свете. Но я понимаю, что ваши нынешние думы должны быть и вправду печальными.

Несколько приободренный, Вакагими проговорил сквозь слезы:

— Нас, братьев, всего двое, поэтому мне так грустно и печально, я не знаю,

куда он делся, он ничего не сказал мне, наши престарелые родители жестоко страдают, это так горько.

Отшельник тоже был расстроен и проливал слезы:

— Вот и меня немного печалит, что дочери стали моими путами. Но стоит подумать о том, что такое семейные узы и родительская любовь. Ведь сам Будда учит нас, как сильна эта любовь. А когда речь о таком человеке, как Советник, и вправду есть, о чем печалиться. И все же я верю: он обязательно появится здесь. Не сомневайтесь.

Вакагими слушал его с нескрываемой надеждой.

- 19 -

Наблюдая за лицом своего обворожительного гостя, принц подумал: «Между ним и моими дочерьми наверняка обнаружится какая-нибудь тайная связь». Принц был обрадован и обнадежен. Он принял пришельца со всем гостеприимством, рассказывал о многом — начиная от времен давно прошедших. Под воздействием его рассказа Вакагими успокоился, волнение его улеглось. «Вот так вдруг стать мужчиной... Мы ведь с Химэгими — на одно лицо, это так странно. Теперь я не должен сидеть взаперти. До того времени, как Химэгими обещал дать о себе знать, осталось уже не так много. Надеюсь, в столице не узнают, что я нахожусь здесь, так что лучше мне остаться у принца и дожидаться вестей о нем».

Вакагими сказал: «Я хотел бы погостить у вас».

Принц ответил: «Очень хорошо. Оставайтесь, а уж Советник наверняка даст о себе знать, как он и пообещал».

Вакагими обрадовался, но в то же самое время беспокоился, что мать будет волноваться, куда он запропастился, а потому он написал ей подробное письмо:

«Я пришел туда, куда Химэгими пообещал обязательно дать о себе знать в первые дни седьмой луны, за оставшееся время я смогу немного привыкнуть к моему новому облику. Как я и говорил вам, не поднимайте шума и делайте вид, что я нахожусь у вас. Если будут письма от Принцессы, отвечайте, что мне нездоровится».

У матери Вакагими болело в груди, и сердце было не на месте, и хотя она очень обрадовалась письму, все равно беспокоилась, что Вакагими надолго остается в такой глуши.

— Они оба такие необычные! — плакала она.

«Пока я жива, и не думай отречься от мира. Мне не на кого положиться, и если ты меня оставишь, это будет большим грехом», — так она ему написала и отправила вместе с письмом одежду и множество другого.

Вместе с Вакагими остались только сын кормилицы и один слуга. До сих пор он жил так, как подобает женщине, и теперь ему предстояло многому научиться. Он подумал, что принц Ёсино — отменный наставник в науках,

поэтому и открыл ему свою тайну.

— Теперь мне понятно. Сдается мне, что и печаль Советника происходит от того же. Но это пройдет, через какое-то время все встанет на свои места. Для Советника тоже будет лучше принять свой природный облик. Я прочел по чертам ее лица, что она достигнет положения высочайшего и станет матерью следующего государя, — сказал принц.

Вакагими в своем сердце хранил образ той женщины, которую он лишь мельком видел в Удзи. Чтобы увидеть ее еще раз, стоило жить в этом мире... Так он думал и грустил.

Не ведая ни о чем, На гору Сестра Я вступил. И думаю теперь О женщине, похожей на сестру.

Вакагими привык находиться за занавесями, а теперь он вдруг оказался в горах и не знал, что будет дальше. На сердце у него было странное чувство: ночь за ночью проводить вдали от Принцессы было так горько, что сон его был неспокоен, но стоило ему задремать, он чувствовал внезапные — словно волны на реке Удзи — приливы любви к той женщине, которую он видел всего один раз.

Лишь раз тебя я видел. Дует ветер, Быстры воды Удзи. Отдамся течению, Приплыву ли к тебе?

Так прочел он и заплакал.

- 20 -

Находясь в Удзи, Химэгими сильно мучилась — близились роды. Сайсё не оставлял ее даже на самое короткое время, в беспокойстве думая, что ему предстоит делать.

Химэгими-мужчина был так хорош, в нем было столько обаяния — не наглядеться. Он привык вести себя свободно, не был слабым и беспомощным, но живым и довольным, его сердце привыкло к светской жизни, поэтому, даже когда ему приходилось о чем-то печалиться, он не погружался в тяжкие думы полностью: когда следовало плакать, он и вправду лил слезы, но когда произносили удачную шутку, он смеялся. Но сейчас этот несказанно обаятельный мужчина превратился в растерянную и безвольную женщину. Видя ее отчаяние, Сайсё в смятении думал, что готов сделать все, что угодно — только бы она успокоилась. В том, что первого числа седьмого месяца (чуть позже ожидаемого срока, но еще вовремя) родился подобный сиянию мальчик, была и заслуга Сайсё. Радость Сайсё была необычайной. Он укладывал ребенка и так трогательно ухаживал за ним — будто сама мать. Он не отрывал взгляда от младенца. В кормилицы пригласили одну знакомую женщину. Но что это была за кормилица! Сайсё было очень обидно. Вот если бы он мог объявить во всеуслышание, что у него родился ребенок, за младенцем был бы настоящий уход, а так все приходилось делать втайне. Все это время Сайсё не отвлекался ни на что другое, он весь отдался новым заботам, не отлучаясь ни на миг.

Каждый день, принося матери ребенка, от которого будто бы исходило сияние, он повторял:

— Какое счастье, что мы вместе! Но если бы ты с самого начала была женщиной, мы могли бы жить не скрываясь.

«И вправду, какой странной я была», — думала Химэгими.

Они с умилением вспомнили, как после того, как у Ённокими родилась девочка, Химэгими заметила веер Сайсё. Воспоминания заставили их расчувствоваться.

- 21 -

После рождения младенца прошло больше десяти дней, Химэгими выглядела счастливой — она ощущала себя здоровой, но все-таки мысли ее были беспокойны, ибо она беспокоилась о будущем. Сайсё тоже мучился, поскольку боялся, не захочет ли она опять стать мужчиной. Но мать так любила мальчика — постоянно держала на руках и так заботилась о нем, что невозможно было вообразить, что она решится оставить его.

— Послушай, Ённокими все еще пребывает в этом мире, но все теперь относятся к ней совсем по-другому, ей так горько и тяжело. Ей ведь тоже уже пришло время рожать, может, она даже умрет родами. Меня мучает совесть, мне так жаль, что она стала никому не нужна, ведь это моя вина. Было бы бессердечно сделать вид, будто я ничего не знаю. Я, разумеется, хотел бы ухаживать за тобой вплоть до пятидесятого[17] дня и не желаю оставлять тебя даже на короткое время — так я беспокоюсь, поэтому я хотел бы тайно привезти ее сюда. Что ты об этом думаешь? Она ведь теперь без мужа... — сказал Сайсё.

«Негодяй!» — подумала Химэгими, но вида не показала:

— Я понимаю, ты должен думать именно так. Но мы ведь состояли с ней в супружеских отношениях, и показаться в моем нынешнем облике перед ней мне еще более неловко, чем перед кем бы то ни было другим, — ее лицо покрылось румянцем, она была несказанно прекрасна, смотреть на нее было наслаждением. Сайсё улыбнулся.

— Учти: я сказал это, потому что не хотел покидать тебя ни на минуту.

Решив, что Химэгими теперь успокоилась, и, жалея Ённокими, Сайсё снова отдал ей свое сердце, укрылся у нее, был заботлив и добр. Ее отец — Удайдзин, выполняя свое скоропалительное проклятие, даже не заглядывал к ней. С самого детства Ённокими жена Удайдзина привыкла к мысли, что Удайдзин безгранично любит именно эту дочь, и хотя у нее самой не было особого предпочтения ни к кому из детей, теперь она стонала:

— Невозможно себе представить, что именно Ённокими очутилась в таком положении! — мать попыталась представить себя на месте дочери, но остаться с ней не посмела.

Сестры Ённокими знали, что их никогда не любили, как младшую, и теперь они даже радовались, что все ей перемывают косточки, они не сочувствовали Ённокими и не жалели ее. Не имея другого выхода, Ённокими позволила Сайсё спрятать ее и ухаживать за ней. Она была бесконечно печальна, ее бессилие заботило Сайсё, он оставался с ней даже днем и не оставлял попыток успокоить ее. И так, выхода не было, и Ённокими без стеснения отдалась его утешениям. Когда он смотрел на нее, ее слабость казалась ему обворожительной, он постоянно находился при ней — ведь она могла разродиться вечером или ночью, а если он будет далеко, ему не смогут сообщить об этом, поэтому он долго не был в Удзи.

Письма от Сайсё приходили по несколько раз на дню, так что Химэгими вроде могла бы быть спокойна, но они не радовали ее. «Наверное, так и должно было случиться. Мне же остается только страдать. В том, большом мире мне не было равных, а теперь я потеряла все. Любовь Сайсё вовсе не безгранична, и я уже устала ждать его возвращений, так не может продолжаться вечно. Пока скандал не улегся, Удайдзин еще повременит, но он любит Ённокими сильнее всех, и, в конце концов, он смирится, и Сайсё станет ее мужем. Что тогда будет со мной? Я ведь не могу открыть своей тайны, вот мне и придется сторожить мост Удзи,[18] считая ночи, когда ловится молодь форели.[19] Это нестерпимо. Но ведь совершенно невозможно и стать снова мужчиной. Видно, пришло время подумать о том, чтобы переселиться в Ёсино». Но оставить сына так тяжело! Она чувствовала, как путы этого брэнного мира теперь держат и ее.

- 22 -

Дней через семь или восемь Сайсё вернулся в Удзи. По обыкновению он ничего не скрывал от Химэгими: Еннокими чувствует себя очень плохо, и он беспокоится за нее. Напрасно он поступал так — лучше, если бы он был скрытен или попросту болтал о чем-нибудь о другом, но он так не думал. Химэгими уже знала, что не станет жить с этим человеком, но вела себя очень дружелюбно, никто бы не заподозрил ее. Сайсё же пришел в довольное расположение духа, он снова безмерно любил ее, но уж такой странный был у него нрав: достаточно ему чуть попривыкнуть к какой-нибудь женщине, как его любовь истончалась. Он рассчитывал по обыкновению некоторое время провести здесь, но уже вечером из столицы прибыл посыльный:

— У Ённокими сильные боли, похоже, скоро начнется, — шепотом сообщил он.

С беспокойным сердцем и волнением в груди Сайсё подумал: «Если не пробыв здесь и дня я, на удивление всем, сегодня же уеду, что скажет Химэгими?» Сайсё почувствовал себя отвратительно. Все же, несомненно, его чувства к Химэгими никогда не изменятся, и можно будет все поправить, а вот если он сейчас раз не повидает Ённокими, а она вдруг умрет — вот это будет непоправимо. Объяснив причину своего отъезда Химэгими, он тут же ушел.

— Ты должен так поступить, — спокойно сказала Химэгими на прощание.

«Странное и достойное презрения у меня сердце, этот человек только и делает, что оскорбляет меня, а я даже не могу по-настоящему рассердиться на него. Быть женщиной печально, сам Будда говорил, женщина — средоточие греха. Удайдзин меня недолюбливал, а Ённокими на меня обижалась. И было за что. Теперь пришло воздаяние, теперь я заняла их место и оскорбляют меня. Не было и не будет никого, с кем я могла бы поговорить откровенно», — Химэгими не могла отделаться от этих печальных размышлений.

На следующее утро пришло письмо от Сайсё: «Ённокими очень плоха и слаба, я должен быть рядом с ней. Буду сообщать тебе, что происходит. Я приехал сюда, потому что волновался за нее, а теперь вот страшно тревожусь и за тебя, и за сына».

Химэгими же отвечала как ни в чем ни бывало: «Ты ведь знаешь, что всякому беспокойству положен предел. Как там Ённокими?»

«Химэгими любит меня и совершенно не расстраивается, это так свежо», — подумал Сайсё, прочтя ответ, и никакие подозрения не закрались в его сердце.

- 23 -

Химэгими только и думала, как бы ей послать человека в Ёсино. Ей показалось, что у кормилицы ее сына нрав серьезный и надежный. «Если она любит мальчика, а я, не таясь, расскажу ей о себе, то, верно, она не выдаст меня». Химэгими доверительно обратилась к кормилице:

— Хотя мы пока и не слишком хорошо знаем друг друга, но мне кажется, что ты по-настоящему любишь мальчика, и тебе можно довериться. Выслушай меня, но только потом никому ничего не рассказывай.

Кормилице был лестен этот доверительный тон.

— Уж не сомневайтесь. Буду вам служить, пусть даже придется пожертвовать собой.

— Ничего не должно быть известно ни здешним слугам, ни тем более самому господину. Мне нужно послать весточку принцу-отшельнику, что живет в горах Ёсино. Есть ли способ это сделать?

— Это совсем не сложно, — ответила кормилица. Химэгими обрадовалась и написала: «Со времени нашей последней встречи прошло немало времени, беспокойство по Вашему поводу не оставляло меня, но надеюсь, что вы прожили эти месяцы благополучно. Мои дела тоже шли благоприятно, но теперь я не такой человек, которого Вы знали. Думаю, что смогу посетить Вас».

Она старательно запечатала послание.

— Непременно доставьте письмо по назначению, — с этими словами она протянула письмо кормилице.

Никто не догадывался, кем была Химэгими на самом деле, но кормилица слышала, что у принца Ёсино есть дочери. Поэтому она решила, что Химэгими

— одна из них. Уже настала восьмая луна. У кормилицы был близкий человек, который, как она считала, мог выполнить поручение. Она ему все объяснила, и он отправился в путь.

- 24 -

В Ёсино, между тем, Вакагими ожидал известий и постигал науки. Он радовался своей удаче. Еще бы! Ведь ему повстречался такой замечательный человек — принц Ёсино! Кроме того, и принцессы оказались особами, исполненными несравненного очарования. Находясь в этом уединенном месте, он просто голову потерял от желания сблизиться с ними. Но Вакагими сдерживался, успокаивая себя тем, что при сложившихся обстоятельствах у него непременно будет возможность видеться с ними.

Срок, когда Химэгими обещал дать о себе весточку, уже прошел, Вакагими беспокоился и тосковал. Но вот однажды вечером явился некий человек, который сказал:

— Я принес письмо.

— От кого?

— Велели обязательно передать принцу.

Принц Ёсино взял письмо — оно было от Советника. Принц обрадовался, и тут же показал письмо своему гостю. Тот был просто счастлив, но на сердце было все-таки беспокойно: слова «теперь я не такой человек, которого Вы знали», видимо, означали, что он стал монахом. А иначе истолковать его исчезновение было невозможно. У Вакагими теснило грудь, он позвал посыльного:

— Где находится тот, кто это письмо написал?

Посыльный поначалу молчал, решив, что не уполномочен отвечать на этот вопрос, но потом поддался несравненному обаянию Вакагими и ответил:

— В Удзи.

— Где в Удзи?

— В усадьбе принца Сикибукё.

Услышав это, Вакагими понял: «Когда я был там, я видел именно её!» Его радости и умилению не было предела.

- 25 -

Вакагими написал подробное ответное письмо: «В шестую луну я решил покинуть столицу. После того, как мы проехали через Удзи, я познакомился с принцем Ёсино, и он сказал, что ты непременно дашь знать о себе. Его слова вызвали мое доверие, и я так и остался жить у него в горах. Что случилось с тобой? Нам необходимо встретиться. Могу ли я навестить тебя?»

Вакагими приложил письмо к посланию принца. Посыльному же он подарил одежду и лошадь, на которой приехал сам.

— На этой лошади ты быстро доскачешь, обязательно возвращайся с ответом! — напутствовал он его.

Посыльный обрадовался: «И подумать не мог, что так разбогатею!»

Не успел он передать письма Химэгими, как тут же сказал: «А вот на это письмо просили ответ».

Одно письмо было от принца, но было еще и другое — от Вакагими. «Вот оно что! Я-то думала, кто бы это мог быть, а это Вакагими. Он решил отыскать меня, изменил свою внешность и покинул столицу. И как я тогда не догадалась?» — Химэгими была несказанно тронута, слезы застилали ей глаза. «Мы оба теперь изменили свой облик, это судьба!» Продолжая плакать, она написала ответ: «Я все объясню тебе при встрече. Жду тебя здесь, а пока пришли весточку с этим человеком».

Прочтя ответ Химэгими, Вакагими так обрадовался, что и не сказать. «Как только я узнаю, что случилось с Химэгими, я тут же смогу отправить весточку отцу!» Взяв посыльного в провожатые, он тайно остановился неподалеку от усадьбы Сайсё, о чем и дал знать Химэгими.

- 26 -

Сайсё беспокоило самочувствие Ённокими. Химэгими сказала кормилице:

— Мой брат тайно приехал навестить меня. Я хочу потихоньку встретиться с ним — так, чтобы никто нас не увидел. Будет особенно досадно, если узнает господин. Я хочу, чтобы брата никто не видел.

— Нет ничего проще. Пусть спрячется в моей комнате до наступления темноты. Я же скажу, что ко мне приехал человек из столицы, а поздно ночью вы увидите.

Химэгими ответила:

— Что ж, пусть так.

Поскольку Химэгими не имела никакого желания сблизиться ни с детьми кормилицы Сайсё, ни с другими, кто обитал в усадьбе, они не находились при госпоже постоянно, в особенности, когда Сайсё здесь не было. И вот, под покровом сумерек, кормилица проводила Вакагими в свою комнату, выходящую в коридор. Он ждал, пока в доме успокоятся, и уже глубокой ночью, когда все спали, в сопровождении кормилицы прокрался в северный флигель.

Туда же медленно прошла Химэгими, брат с сестрой были как во сне, и ничего не могли сказать друг другу. Густые волосы Химэгими переливались в ярком свете луны, она была чудо как хороша. Вакагими был поражен. «Кто она, эта женщина, которая так умилительно плачет?» — спрашивал себя Вакагими. Она же не могла поверить, что этот несказанно цветущий и обаятельный мужчина — это... Им казалось, что это сон. Вакагими подробно рассказал о том, как все было. В поисках Химэгими он покинул столицу, в Удзи он увидел

женщину, так напоминавшую Химэгими, увидел, как ей плохо, ему пришло в голову, что, может быть, она вдруг признает его...

— Как случилось, что ты стала женщиной? — спросил Вакагими.

Ей было очень стыдно отвечать, но любовь к брату не позволяла недосказанности.

— Годами я вздыхала о том, что мое тело не как у других. Но что было делать, я притерпелась. Но потом случилось нечто неожиданное и печальное, и я уже не могла сберечь свою тайну. Меня одолела тоска и я решила скрыться, — Химэгими только намекнула на свои обстоятельства, но Вакагими понял, что она имела в виду.

— Тебе нужно оставаться такой, какая ты сейчас. Но сколько ты сможешь скрываться, чтобы об этом никто не узнал? И что мне сказать отцу?

— Вот именно! Мне кажется, я не смогу остаться женщиной. Да, раньше я была так непохожа на других и стыдилась того, но я ничем не показывала этого и обо мне не надо было заботиться. Но один человек раскрыл мою тайну, мне пришлось довериться ему и ограничить свою жизнь этим домом. Но я не хочу так! Вместе с тем, я не могу и вернуться к моему прежнему облику. И так плохо, и так нехорошо. Такому странному человеку, как я, нет места в этом мире, и я отрешусь от него в горах Ёсино, пусть там затеряются мои следы, — со слезами сказала Химэгими.

— Дорогая моя сестра, не говори так! Пока живы родители, никто из нас не должен оставлять этот мир. Наш отец почти лишился рассудка, поэтому я и отправился искать тебя. Я понимаю, что ты не хочешь скрываться здесь. Но будет еще хуже, если отец услышит, что ты стала монахиней. Когда я покидал столицу, я распорядился, чтобы все делали вид, будто я живу у матери. Никто не знает, что я здесь, так что ты можешь просто поселиться там и занять мое место. Если тебя вдруг посетит Сайсё, тоже ничего плохого не будет. Сделай вид, что он посещает тебя впервые, никто тебя не осудит.

Помолчав, Химэгими отвечала:

— Я бы хотела сделать так, чтобы Сайсё не знал, где я.

— Что ты, нехорошо так говорить! Да, у него непостоянный нрав, и он действительно не слишком важная птица, но ничего особенно плохого о нем не скажешь. Но раз так, беги сначала отсюда. А потом сделаем, как велит отец, — сказал Вакагими.

— Я не хочу рассказывать отцу, как все было. Так что просто передай ему, что я застыдилась своей необычности, — Химэгими говорила застенчиво, и вовсе не напоминала того человека, который годами считался очень прямолинейным.

Они еще не успели наговориться, но уже рассвело. Никем не замеченный, Вакагими покинул сестру и отправился домой. Он покинул столицу тайно, тогда его одолевала тоска, он думал, что, может быть, не вернется обратно,

поэтому теперь ему не было необходимости извещать кого бы то ни было о своем возвращении.

- 27 -

За последнее время Садайдзин успел заказать множество молитв в столичных и горных храмах, но поскольку молитвы ничем не помогли, он пришел в отчаяние. Но вот ночью явился ему во сне высокочтимый и чистый душой монах. Он сказал:

— Не печалься! Твои дети в безопасности, завтра на рассвете тебе сообщат об этом. Их судьбу определили их прежние жизни, за их прежние грехи тэнгу[20] переделал мужчину в женщину, а женщину сделал подобной мужчине, и об этом постоянно печалилось твое сердце. Тэнгу сотворил злое дело, но ты неустанно шел путем Будды, нескончаемо возносил молитвы, и теперь все вернулось на свои места, мужчина стал мужчиной, женщина стала женщиной — как ты того и желал, теперь их ждет благоденствие, знай, что твои волнения лишь малая толика возможного воздаяния.

Садайдзин сказал жене, матери Вакагими:

— Долгие месяцы я не мог прийти в себя. Я давно не видел Вакагими, но сейчас мне привиделось, будто он стал мужчиной.

Жена была поражена и поведала ему о том, что случилось с Вакагими в последнее время. Отец обрадовался: сон обещал быть вещим.

— А я ведь даже не знал, что Вакагими ушла, — удивленно сказал он.

Рассвело, явился посыльный, и что-то прошептал матери. В удивлении она произнесла: «Тот монах, привидевшийся мужу во сне, сказал правду!»

- 28 -

В доме еще спали.

— Сюда, сюда! — позвал Садайдзин.

Химэгими с детства привыкла к мужскому обществу и у нее была прекрасная внешность. Но ведь слабый и не показывавшийся на людях Вакагими, если постарается, тоже может стать сильным.

Вакагими вошел, отец поднес лампу к его лицу — будто благоуханный Химэгими отразился в нем. Вакагими был повыше и выглядел обворожительно. Химэгими брала молодостью, но по сравнению с окружающими ее мужчинами ей немного не хватало роста, и это несколько портило ее, зато во внешности рослого Вакагими не было изъянов. Пристально разглядывая Вакагими, Садайдзин чувствовал себя как во сне. Он не мог выносить, что ничего не знает о Химэгими и всхлипывал в голос. Успокоившись, он спросил:

— Ну что, где он? Говори же!

— Теперь он стал женщиной. Она сказала: «Меня так печалило, что я не такая, как другие, вот и стала тем, кем должна быть, я скрылась — узнать, что

из этого выйдет. Но пока не отрастут волосы, я не покажусь на глаза людям». Поэтому я вернулся один, так она хотела, — сказал Вакагими.

— Пусть будет так, пусть будет так, — произнес отец и прекратил расспросы.

Все было точно так, как обещал ему монах во сне. Садайдзин заплакал от радости.

— Вот и хорошо, мы сделаем так, будто она и есть Распорядительница женских покоев, а ты займешь место Советника, — сказал отец.

— Я провел многие годы взаперти и мне будет непросто войти в общество. К тому же нужно, чтобы и Химэгими согласилась. Подождем какое-то время. Сначала я увижусь с Химэгими, а уж потом... — сказал Вакагими. Он ушел на рассвете.

Теперь печаль отпустила Садайдзина, сердце его наполнила радость. На завтрак он съел немного рисовой каши. Жена спросила:

— Когда Вакагими снова отправится в Удзи?

- 29 -

Встреча с Вакагими принесла Химэгими радость. Это было, как сон. И теперь она решила, что оставаться здесь невозможно. Однако взять с собой мальчика было бы странно, а оставить его — горько. Химэгими мучилась этой мыслью. «Связь матери и ребенка не может прерваться, наверное, мы сможем встречаться время от времени. У меня было такое высокое положение, хотя ребенка и жалко, но остаться здесь, в этом безлюдном месте, жить горькими ожиданиями, что Сайсё посетит меня...» — думала она. Итак, все еще помня свою мужскую жизнь, она приняла трудное решение. Без всякой жалости она сожгла могущие вызвать подозрения бумаги, и теперь не отрываясь смотрела на мальчика, он был так очарователен, он что-то гулил, чувствуя себя защищенным, улыбался... Видя это, ей стало очень его жаль.

- 30 -

Приехал Сайсё. Было понятно, что и на этот раз надолго он не задержится. Полагая, что это их последняя встреча, Химэгими не хотела показать свое недовольство, она приделалась и выглядела бесподобно. Четыре нижних платья были красными, пятое, на зеленой подкладке — желтым, поверх них — бордовая на желто-зеленой подкладке накидка. Еще совсем недавно ее лицо выглядело изможденным, но теперь она уже оправилась, она источала благоуханное сияние, ее волосы сверкали — будто бы солнце отражалось в них. Когда она сидела, они чуть-чуть не доставали пола, их концы были рассыпаны веером по одежде, и это выглядело даже лучше, чем если бы они были в два раза длиннее. В ее чертах, во всем ее облике не было ни малейшего изъяна. Сайсё восхищался ее красотой. Позабыв про горести, он взволнованно произнес:

— Правду говорят: женщина расцветает, когда у нее появляется ребенок.

Как ты хороша! И как я мог думать, что лучше не бывает, когда ты была женщиной? Нет, сейчас ты много прекраснее. Попадись ты людям на глаза сейчас — всякий влюбится, — в безграничном восхищении он провел рукой по ее волосам. В этот миг он уже не помнил про свои тревоги, связанные с Ённокими. А ведь он любил ее так, что был готов поменяться с ней местами. Забыв про нее, он улегся рядом с Химэгими. Но тут снова пришел посыльный от Ённокими:

— Она выглядит так, будто это конец, она умирает.

Для Сайсё было невозможно покинуть Химэгими, но и не пойти к Ённокими было тоже нельзя. Сайсё страшно расстроился и не мог решить, что ему делать.

— Если она станет рожать, доложите, — распорядился он.

Посыльный тут же со всех ног побежал обратно, все это было так ужасно.

— Все же мне придется отлучиться — до тех пор, пока не наступит ясность. Она вряд ли проживет долго, и я не должен быть с ней жесток. Ты ведь понимаешь: у нас с тобой все так хорошо, и ты не станешь, конечно, сердиться, ты будешь веселой и радостной, не правда ли? Я побуду с ней, подожду, пока все не разрешится, а потом ты сама убедишься, как я тебя люблю, и уж тогда можешь сердиться, — сказал он, роняя слезы. Он явно не знал, как ему быть.

«Я ведь уже решила, что так продолжаться не может, зачем мне грустить? Он и раньше не любил меня, так получилось, хотя мое сердце не лежало к нему, просто в том положении мне показалось: чем полагаться на чужих людей, пусть это лучше будет он, но нельзя себе и вообразить, чтобы такая жизнь была радостной и счастливой», — думала Химэгими. Что ей оставалось делать? Она улыбнулась:

— Каждый раз у тебя находится какая-нибудь причина, чтобы отправиться к ней, не хочу о ней больше слышать. Уж лучше мне ничего не знать.

Улыбка Химэгими испугала его еще больше, чем если бы она разозлилась и наговорила колкостей, он не мог решиться оставить ее.

— Если бы ты сказала: «Иди скорее!» — я бы тут же отправился.

— Иди скорее, мне слишком трудно все это выносить.

Покидая Химэгими и находясь в расстроенных чувствах, Сайсё обернулся, но Химэгими не позволила ему увидеть, как она горюет — она напустила на себя безразличный вид, а когда Сайсё ушел, обняла младенца, и всю ночь не сомкнула глаз.

- 31 -

Наутро Сайсё написал:

«Глубокой ночью Ённокими, наконец, разрешилась от бремени. Но она еще не оправилась. Я останусь ненадолго, посмотрю, как она, и сразу вернусь».

«Получила твое письмо. Кажется, все оказалось проще, чем ты говорил. Вспомни ее первые роды», — ответила Химэгими.

Считая, что настал подходящий момент, она послала весточку принцу, а потом весь день прижимала к себе ребенка и потихоньку плакала.

Вечером того же дня пришло известие, что Вакагими находится в том же самом месте, где был в прошлый раз, — неподалеку от усадьбы Сайсё. Позже он прошел в комнату кормилицы. Пока Химэгими дожидалась, когда все улягутся, и станет тихо, ее душа была беспокойна и сердце билось, но она не показала этого даже кормилице. Она, не отрываясь, смотрела на мальчика, ее скорбь и тоску не передать словами. Как и в прошлый раз, когда стемнело и в доме заснули, в комнате Химэгими появился брат. Сердце Химэгими никак не могло успокоиться.

— Подержи ребенка, — сказала она, протягивая младенца кормилице, тот проснулся и заплакал. Химэгими смотрела на него и у нее было такое чувство, будто она расстается с частью самой себя.

Она вышла, думая лишь о ребенке. Казалось, сейчас она вернется, но все-таки она решилась уйти — видно, в ней осталась твердость, которую она приобрела, будучи женщиной.

Вакагими сказал: «Поразмыслив, я решил, что нам не следует сразу отправляться в столицу, я сказал отцу, что мы побудем в Ёсино».

С ними была дочь кормилицы Вакагими и еще трое надежных женщин. Ярко светила луна, прячась в тени, они скрытно удалились, лицо младенца стояло перед глазами Химэгими, ей так хотелось вернуться, но они уже сели в экипаж. Все вокруг стало каким-то другим.

Ночь прошла, рассвело, и на следующий день они прибыли в Ёсино.

- 32 -

Принц Ёсино был уже осведомлен о произошедшем, и поэтому жить у него было неудобно — для Химэгими приготовили помещение рядом с принцессами. Когда принц увидел Химэгими лицом к лицу, оба были очень тронуты, и, исполненные благодарности судьбе, радовались так, как это бывает только во сне. Участливые письма Садайдзина, в которых он выражал свое беспокойство, приходили так часто, что казалось — он где-то совсем неподалеку. Людям из своих поместий Садайдзин приказал доставлять в дом принца все, что только может понадобиться.

Мучительные мысли не покидали Химэгими. Она рассталась с Сайсё, который терзал ее и заставлял страдать, и о нем она думала со спокойствием, но она так любила личико сына, с которым она не разлучалась ни днем, ни ночью, и который обещал так много в будущем. Она зачарованно смотрела куда-то в пустоту. Ей было стыдно того, что люди удивятся, найдя странным ее нынешний облик, и поэтому она отказывалась видеться даже с принцессами. Она много времени проводила в постели, ей было тоскливо. Вакагими полагал,

что Химэгими переживает, воображая, как тяжело у Сайсё на сердце.

— Должно быть, нелегко расстаться с человеком, который заметил, что ты странная и не как все. Что ты решила о своем будущем? — спросил он.

— Это не была настоящая и искренняя любовь, она меня мало трогает. Мое сердце печалится потому, что со мной нет моего невинного и бессловесного сыночка. Только о нем и горюю, ведь я бросила его, — ей было так больно и горько, что она заплакала.

— Я тебя понимаю, это такая связь, которую не разорвешь.

«Она очень не хочет, чтобы о связи с Сайсё узнали отец и сторонние люди, вот она и решила с ним расстаться, и я беспокоюсь — что из этого выйдет? Да и я сам неожиданно сменил свой привычный облик. С тех пор, как я начал служить во дворце, я никогда не проводил двух ночей подряд без Принцессы, привык к ней, а теперь так надолго разлучен с нею. Ведь она беременна, а я не забочусь о ней, скрываюсь неизвестно где, это так жестоко. Я так вдруг вошел в совсем другой мир, я не привык быть на людях, и это мне так стеснительно. Придется терпеть, пока не привыкну к своему новому облику. Конечно, я смогу встречаться с Принцессой, когда вместо меня ей станет служить Химэгими. Когда ей придет время рожать, ей будет достаточно сказать Химэгими словечко, и я тайно помогу ей», — размышлял Вакагими.

Решившись открыть душу, он поделился с Химэгими всеми своими сомнениями.

— Люди так ненадежны, когда займешь мое место, потихоньку все мне рассказывай, — сказал он. Его откровенность тронула Химэгими:

— Что ж, нужно возвращаться. Ведь и я скучаю. Но вернуться в столицу так непросто. Однако надо подумать об отце с матерью и о твоей Принцессе. Я непременно должна вернуться.

Они о многом говорили между собой. Химэгими заботило, как Вакагими сумеет занять в обществе ее место: хотя его внешность почти не отличается от ее собственной, но большая часть того, как следует поступать мужчине, неизвестна Вакагими, так что его поведение может показаться странным. Поэтому Химэгими подробно рассказывала Вакагими, что происходит в свете, что ответить, если такой-то человек сказал то-то. Вакагими отличался выдающимися способностями, здесь, в уединении, он учился отчаянно и страстно, и уже не казался новичком ни в игре на кото и флейте, ни в каллиграфии. Он научился играть на флейте и перебирать струны кото так, что было невозможно понять, что это вовсе не Химэгими, а другой человек. Когда он копировал почерк Химэгими, то достигал полного сходства. Их голоса и вовсе были одинаковыми: с самого начала мужчина подражал женщине, а женщина привыкла находиться среди мужчин, да и всегда они были похожи, так что брат с сестрой были как одно. Такое сходство — удивительно, и эта связь между ними — наследие прошлых жизней.

Шло время, они были вместе, вели разговоры о делах государственных и личных, как-то раз вспомнила Химэгими и о том, что в узком коридоре Живописного павильона она иногда встречалась с некоей женщиной. В другой раз она сказала: «С самого начала, как у меня завязались отношения с Ённокими, Удайдзин все время почему-то сердился на меня. Наверное, до самой моей смерти он будет злиться, что я не посещаю Ённокими. У нее и вправду нет никаких недостатков, она удивительная, необыкновенная и замечательная. Я думаю о ее связи с Сайсё, она стала для меня полной неожиданностью. При этом он ничуть меня не стеснялся, внимания на меня не обращал, заботился о ней, так что тебе с ней, пожалуй, уже не сблизиться».

- 33 -

Когда Вакагими познакомился с принцессами Ёсино поближе, он нашел, что они создания замечательные. То, что одинокими длинными ночами они находились совсем рядом, успокаивало его как нельзя лучше, и он привык время от времени беседовать с ними. Химэгими и Вакагими были настолько похожи, что принцессы и не догадывались, что перед ними другой человек. Сам принц Ёсино считал, что это — судьба, и не вмешивался, решив, что теперь может посвятить душевному очищению немного больше времени. Он не открыл дочерям тайны брата с сестрой, и они ни о чем не догадываясь и уже привыкнув к этому человеку, ничем не тревожились и не смущались, и вели себя непринужденно. Вакагими же был как во сне, волновался — они были прекрасны, в сердце мужчины они вызывали беспредельное восхищение, и его влекло к ним все сильнее. Нечего и говорить, что по мере того, как они становились все ближе, он стал находить их еще более благородными, достойными и прекрасными. В то же время Вакагими с горечью думал, что, возвращенные таким святым, каким был принц Ёсино, они настолько превосходят других людей, что сам он, будучи человеком заурядным, не может быть их достоин.

- 34 -

В Удзи кормилица сына Химэгими была удивлена тем, что госпожа не вернулась до зари. Уже подняли бамбуковые шторы, а ее все не было. Люди забеспокоились, стали искать ее, спрашивали друг друга, все были ужасно взволнованы, искали в самых немыслимых местах, но Химэгими не было нигде. Слуги совершенно растерялись, а когда приехал Сайсё и ему доложили о случившемся, у него потемнело в глазах — так он встревожился, но понять ничего не мог.

— Как это могло случиться? Как она выглядела эти дни? Кто-нибудь из домашних приезжал навестить ее? — спрашивал он.

Кормилица так беспокоилась за себя, что не стала докладывать о посещении Вакагими.

— Нет, никто к ней не приезжал. Когда вы были здесь, она выглядела как обычно, но когда вы уехали, она не отрывала взгляда от сына и потихоньку

плакала день и ночь. Мне было больно смотреть на нее. Я подумала, что, наверное, есть в этом мире человек, о ком она печалилась и грустила. Но мне нисколько не казалось, что она хочет убежать.

Услышав ее слова, Сайсё не нашелся с ответом. Он подумал: «Я надежно спрятал ее, за ней хорошо ухаживали, заботились о ней, но я сам заботился о другой, не жил здесь в спокойствии, рвался в столицу, Химэгими же, наверное, не захотела с этим смириться, считала такую жизнь неподобающей и оскорбительной. Но когда я видел ее, у нее всегда был такой вид, будто мое поведение не беспокоит ее, будто все идет, как надо. А я снова и снова любовался ею — прекрасна, без всякого изъяна». Сайсё чувствовал, как сильно он любит ее.

Скоро его сердце совсем потерялось, он не понимал, что с ним, им овладела невыносимая тоска. Он думал, что уже никогда не увидит ее — никакой случай здесь не поможет. Что же ему делать со своим горем? Он хотел уже было распрощаться с этим миром и покинуть его, но мысль о том, что он видит в последний раз улыбающееся личико их сына — такое беззаботное и невинное, отвратила его от этого намерения. Это была такая связь с жизнью, которую просто так не порвать. Сайсё думал о том, какое же решительное сердце надо иметь, чтобы бросить младенца, и не мог дать ответ на вопрос, что же побудило Химэгими поступить так. Он совсем запутался, сердце его было разбито, он досадовал и негодовал, решив, в конце концов, что Химэгими бесконечно жестока. Одежда Химэгими осталась в той комнате, которая служила ей спальней — она пахла женщиной, Сайсё надел ее на себя и безудержно зарыдал. Даже если бы это был просто сон, при пробуждении остался бы горький осадок. О, как пленительны ее тело и лик, какое обаяние и красота заключены в ней... Даже когда сердце ее было полно горечью и страданием, она говорила с ним спокойно и нежно, и ее любовь было невозможно ни с чем сравнить. Чувства переполняли его грудь. Не заботясь о том, что люди сочтут его сумасшедшим, он топал ногами, рыдал, но ничего не помогало, и тогда он, пребывая в безутешной тоске, лег, уткнувшись лицом в пол. Видя его печаль, женщины вздыхали. «Уж и не знаю, как ей удалось сбежать, но только у нее обязательно должны быть сообщники, кто-то непременно помогал ей. Так кто же? Не знаю. Может, она оставила где-нибудь записку или стихотворение для меня?» — подумал он, но только Химэгими была не таким человеком, чтобы, уходя обнадежить его.

— Один человек заметил неподалеку какого-то господина, видом весьма благородного и молодого. Этот господин явно хотел избежать людских глаз, он сажал в экипаж очень красивую даму. Человек еще подумал: кто бы это мог быть, — служанка в точности передала слышанный ею рассказ.

«Она привыкла быть мужчиной, и было бы немного странным, если бы она решила уехать без всякой на то причины, но еще более странен мне этот рассказ», — подумал Сайсё и разволновался еще больше, но только придумать все равно ничего не мог. Он всегда бурно переживал свои неприятности, но

такого с ним еще не случалось. Его нрав позволял ему любить многих женщин, но теперь он сделался так несчастен, так мучался и горевал, его страдания не прекращались ни днем, ни ночью, и только личико мальчика поддерживало в нем жизнь, но слезы все текли и текли.

- 35 -

В другое время Сайсё стал бы слагать стихи, полные грустного очарования, но теперь он был погружен в мрачные думы, тосковал и ужасно терзался, все более падая духом.

Дочь Удайдзина — Ённокими — и на этот раз родила очень красивую девочку, но сама она так ослабела, что и теперь ее состояние внушало беспокойство, она угасала, и было непонятно, жива ли она еще или уже нет. Обливаясь слезами, она думала: «Я умру, ни разу больше не повидав отца и не получив его прощения». Видя ее страдания, ее мать не могла сдержать слез. Она сказала Удайдзину: «Если бы быть уверенным в том, что она останется жить, тогда можно было бы рассуждать, что скажут о ней люди, но теперь...»

Хотя Удайдзин и сказал в сердцах, что не хочет больше видеть дочь и выгнал Ённокими, но время сделало свое дело — он любил и жалел ее. Он так обожал дочь, что слышать сетования жены было для него нестерпимым испытанием. «Все находится во власти судьбы, не попрощаться с умирающей — так несправедливо и бессердечно!»

Когда Удайдзин пришел к Ённокими, он не мог понять, была ли его столь любимая дочь жива или мертва, ее чрезмерно длинные волосы покрывали одежду, она лежала. Каким бы страшным ни был его гнев, как он мог перестать заботиться о ней! Она была такой жалкой, что, увидев ее, отец, досадуя на себя, горько подумал: «Зачем я так жестоко с ней обошелся, как ей должно быть тяжело!»

— Милая моя, я не помогал тебе, пока все не стало так плохо. Ты бесконечно дорога мне, но когда я узнал то, что вовсе не ожидал услышать, я не смог смирить свою гордость и отрекся от тебя. Как я жалею об этом! Ничто не имеет значения, ничто другое, только бы ты была жива, и я заботился о тебе. Пусть Будды и боги возьмут мою жизнь вместо твоей! — он зарыдал в голос — так был взволнован.

Удайдзин пытался облегчить страдания Ённокими, принес ей теплой воды. Хотя она была еле жива, но, услышав голос отца, все же приоткрыла глаза и посмотрела ему в лицо, по ее щекам текли слезы, видя это, отец печалился и страдал, возносил бесчисленные молитвы. В волнении он крепко прижал ее к себе. Ему казалось, что так ей лучше.

— Прошу, позвольте мне стать монахиней, — сказала Ённокими, едва дыша.

Понимая, что это было бы для него слишком тяжело, он ответил:

— Пока я жив, не смей и думать об этом, — он плакал и был растерян.

Отец остался у дочери и стал ухаживать за ней. Ённокими была рада и счастлива, собралась с силами, старательно пила теплую воду, и ее состояние значительно улучшилось. «Как только будет можно...» — все думал Удайдзин и, наконец, забрал ее домой, заботился о ней, не отходя ни на шаг.

Сайсё же погрузился в мрачные мысли и позабыл обо всем и обо всех. Если бы все продолжалось как прежде, Ённокими, возможно, стала бы его упрекать, но теперь она думала, что он не приходит оттого, что она с отцом, и его отсутствие было кстати. Новорожденной девочке Удайдзин взял нескольких кормилиц, души в ней не чаял. Но от Садайдзина не пришло ни слова, Удайдзину это казалось печальным и горьким, радость его была омрачена.

- 36 -

Химэгими и Вакагими не могли бесконечно скрываться в Ёсино вдали от людей. К тому же их так ждали родители. Решив, что пора возвращаться, они хотели было уже скрытно отправиться в столицу, но Вакагими с тоской думал даже о недолгом расставании со старшей принцессой Ёсино.

— Может, ты поедешь со мной вместе? — предложил он.

Она же пребывала в унынии и тоске. Как она может поддаться уговорам человека, к которому она еще не успела как следует привыкнуть? Как она может покинуть это уединенное жилище, к которому она так привязана? К тому же она ведь не одна, она не может оставить младшую сестру, а тянуть ее за собой тоже страшно. Если она поселится в другом месте, а не здесь, у подножья этих гор, ей будет трудно встречаться с отцом, а не знать ничего о нем — так горько. Как ее, такую странную и наивную, примут в столице? А что если над ней станут смеяться? Как горько ей тогда будет!

Но и вернуться тогда уже не вернешься, ей будет стыдно, что прошумят эти сосны. Словом, неожиданно для Вакагими оказалось, что уговорить ее так просто не удастся. Вакагими был раздосадован, принцесса же, как и бывает в подобных случаях, расплакалась.

От горестей судьбы. Я скрыта здесь В горах Ёсино. Так как же в бранный мир Могу теперь вернуться?

— Но все же не забывай обо мне. Хоть так и вышло... — чуть слышно произнесла она. Как необыкновенно изящна, благородна и очаровательна она была!

От горестей судьбы Уходят люди В горы. Но знаю — Это не навечно.

— Хорошо, оставайся, хоть мне и досадно, — сказал Вакагими обиженно.

«И в самом деле, как это я ни с того ни с сего привезу принцессу Ёсино с собой? Скрыть ее от Принцессы будет невозможно, а если вдруг это ей не понравится, будет очень горько. Да и вообще, переезжать ей несколько преждевременно, лучше я сначала приготовлю для нее пристанище и тогда уже заберу ее. Мы ведь уезжаем скрытно и, увидев свою дочь с нами, принц может быть несколько удивлен», — подумал Вакагими и не стал больше ее

уговаривать.

- 37 -

Под покровом темноты они прибыли в столицу. Химэгими прошла за занавес, где всегда сидел Вакагими, а Вакагими остался перед ним. Отец увидел это и подумал, что всегда мечтал преодолеть эту путаницу и поменять их местами, и вот теперь это произошло. Он был так рад — слезы застилали ему взор. Химэгими выглядела необычайно красивой, нежной и очаровательной, ее ниспадающие волосы прелестно блестели и переливались, она была так изящна, как бывает лишь во сне. Несказанно прекрасен был и Вакагими, его обаяние превосходило воображение. Но все-таки Садайдзин беспокоился, как бы они снова не поменялись местами. Дети рассказали, что произошло за последние месяцы.

— Именно такими вы должны были быть с самого начала, все остальное — совершенно противоестественно. Не стремитесь к другому, живите такими, какие есть сейчас. Вам было бы трудно, если бы вы обладали разной внешностью, но судьба назначила вам быть до странности похожими друг на друга. И теперь ты, Вакагими, без всякого труда войдешь в общество Советником, ведь ты на одно лицо с Химэгими, а если даже кто-то и заподозрит, что здесь что-то не так, никто не станет обсуждать или осуждать это. Что до Ённокими, то Сайсё трогательно заботился о ней, когда ей было плохо, а Удайдзин снял свое проклятие, и вернул ее к себе домой. Конечно, он в глубине души может думать всякое, но говорить об этом ему будет неудобно. Так что и это дело устроится, — заключил отец.

Вакагими был взволнован.

- 38 -

Стали поговаривать, что Распорядительница женских покоев в последнее время чувствует себя очень нехорошо.

От Принцессы прибыл посыльный:

— Как чувствует себя госпожа Распорядительница женских покоев? Принцесса не совсем здорова. И если, хвала богам, госпоже лучше, Принцесса просит ее прибыть, — сказал он.

Теперь уже настала очередь беспокоиться Химэгими.

Отец твердо произнес:

— Сей же час отправляйся во дворец, Принцессе скажешь так: история с дочерью Удайдзина оказалась такой непростой, что тебе пришлось скрываться у принца Ёсино.

Химэгими чувствовала стеснение, ее сердце сжималось.

В обществе об этом деле говорили много, чаще всего можно было услышать примерно следующее: «Советник, расстроенный всей этой историей с Сайсё, думал укрыться у принца Ёсино и там принять постриг, но там он

обратил внимание на его дочь, и поэтому от мира не отвернулся, но возвращаться в столицу он все равно не хотел, потому что стыдился своего глупого положения. А его отец узнал обо всем, он тосковал, печалился и плакал: „Я умираю, неужели он не хочет в последний раз увидеть меня?“ Когда его слова дошли до сына, пришлось ему покинуть Ёсино — ведь такова была последняя воля отца».

Радости по поводу возвращения Советника не было предела. Государю тоже стало известно, что Советник отказался принять монашество и не отринул этого мира. Это была как раз та весть, которую он так страстно желал получить, и он страшно обрадовался. Государь послал за Советником, и Вакагими собрался отправиться во дворец.

Он тщательно оделся и вышел из дома. Пронесся радостный гул, но Вакагими едва мог сдерживать слезы. Когда Советник исчез, его верные слуги и телохранители будто бы погрузились во тьму, а потому теперь, лишь завидев его, они несказанно обрадовались. А некоторые даже заплакали.

Невозмутимый и спокойный, Вакагими вошел во дворец. Когда он проходил на свое место, все наблюдали за ним с нескрываемым интересом. Вакагими предстал перед государем. Тот посмотрел на него и подумал, что за те долгие месяцы, что он не видел его, Советник стал еще лучше — в нем прибавилось красоты и благородства. Какая была бы печаль для всего света, если бы такой человек изменил свой облик на монашеский! — государь смотрел на него, не скрывая слез.

«И здесь, на облаках Царила тьма — Так нам казалось. Мы шли, Не видя света».

Вакагими с благодарностью ответил государю:

«Живет в сиянии На облаках Луна — мой государь. Так как же на земле Я мог скрываться?»

Пока Вакагими говорил, придворные смотрели на него во все глаза — всем казалось, что в нем прибавилось мужественности и блеска.

- 39 -

Теперь Вакагими отправился к Принцессе, он остановился у бамбуковой шторы. Так далеко от Принцессы! К нему вышла придворная дама и очень заинтересованно стала с ним разговаривать:

— Как чувствует себя Распорядительница женских покоев, по-прежнему нездорова? Принцесса тоже выглядит больной, пожалуйста, попросите сестру прийти. Принцесса так страдает. Обязательно передайте это сестре.

У Вакагими забило сердце: та, которую он привык видеть и утром и вечером, теперь будет так далека, как высокие облака. Он представил себе ее мучения и непривычную растерянность, он не мог сдержаться и заплакал. Вакагими чувствовал себя весьма неловко, что-то промямлил в ответ и ушел, оглядываясь в ту сторону, где должна была находиться Принцесса.

Снова и снова Вижу тебя и люблю. Разматывается клубок Воспоминаний... О время, что были вместе!

Когда он вернулся домой, Химэгими лежала за пологом, уставившись в одну точку, она была погружена в свои мысли. Она пыталась спрятать слезы, и была красива, как никогда. Когда Химэгими поднялась с постели, он с болью подумал, что понимает одолевавшие ее чувства. Он рассказал ей о своем посещении дворца, и Химэгими с грустью думала, что раньше во дворец ходила она сама.

- 40 -

Зная о том, в каком положении находится Ённокими, Вакагими не мог просто так отступить от нее, он хотел непременно ее увидеть. Однако она так явно привязалась к Сайсё, что уже не казалась Вакагими слишком милой и привлекательной. Конечно, если бы она была его единственной избранницей, это остановило бы его, но он одновременно хотел продолжать тайно посещать Принцессу, а старшую принцессу Ёсино поселить у себя. К Ённокими же его влекло оттого, что Химэгими считала ее очаровательной. Поэтому он все-таки написал ей письмо:

«Невозможно описать все причины моего отсутствия. Расскажу при встрече.

Ты, видно, Меня позабыла Но ты тому причиной, Что не стал я монахом На горной тропе».

Когда отец Ённокими узнал, что муж дочери появился на людях, он стал недоумевать, что это может значить. Если бы Советник окончательно отвернулся от мира, и его сердце отдалилось от мирских дел, с этим можно было бы смириться, но если он не стал монахом, но перестал даже писать Ённокими — это было бы нестерпимо горько. «Что с ней будет?» — думал отец. Поэтому, когда от Вакагими пришло письмо, сердце Удайдзина забилося. Взять письмо или отослать обратно? У Удайдзина закапали слезы.

— Всякой женщине нелегко смириться с тем, что ее забыл тот самый первый мужчина, с которым она обменялась любовной клятвой. Но не только это неприятно, есть вещи и похуже. Об этой оскорбительной для тебя истории — о том, что муж тебя оставил — очень много болтают. Но что можно поделать, если его чувств хватило только на письмо. Ответь ему, — велел отец.

Ённокими не хотелось браться за кисть: она полагала, что ничего хорошего из всего этого не выйдет, но не посмела сделать, как велело сердце. Отец сидел рядом с ней и говорил, что писать. Страшась того, как бы он снова не изменился к ней, Ённокими испуганно поглядывала на него.

Ты ушел И забыл про меня. И с этого часа Живу и не знаю, Жива я или нет.

Письмо получилось благородным и изысканным, оно взволновало Вакагими, ему хотелось узнать, что за этим стоит. Вакагими показал письмо

сестре. Химэгими с грустью вспоминала, как она любовалась Ённокими, когда та держала в руках кисть. И брат, и сестра были взволнованы: оба они были связаны с Ённокими неразрывной клятвой.

- 41 -

Вакагими тосковал по Принцессе и печалился, но он продолжал думать и о той, что осталась в горах Ёсино. Ему хотелось увидаться и с Ённокими, и он решил посетить ее. Стемнело, Удайдзин как раз подумал о том, что, может статься, сейчас явится муж Ённокими, он сам обеспокоился убранством комнаты и нарядом дочери. Ённокими думала:

«Когда мне было по-настоящему плохо, рядом со мной был Сайсё, и я привыкла к его заботам. Если вернется муж, что подумает Сайсё? Мне больно и стыдно это представить. Этот человек никогда не был откровенен со мной, и он не приходил несколько месяцев, это так стыдно, что хочется спрятать глаза. Мне было неловко с ним, даже когда мы проводили вместе дни и ночи. Но как я могу отказаться от встречи? Мы знакомы не первый день, и я не в силах поступить по велению сердца. Как мне себя держать, если он придет?» Она выглядела жалкой, страдала и плакала.

Ённокими была тронута тем, что отец сам позаботился о ней, приказал уложить волосы, заколоть их гребнем, а великолепные одежды надушить и затянуть поясом. «Что будет?» — думала она с тревогой и тоской. Когда настала глубокая ночь, потихоньку вошел Вакагими, он старался не показать, что дом ему незнаком. Он пребывал в возбуждении. При тусклом освещении его изящные женственные манеры ничем не отличались от манер Химэгими. Раньше все думали, что больше никогда его не увидят, но оказалось, что он ничуть не изменился и был прекрасен, как видение. Все роняли слезы.

Стараясь говорить как можно меньше, он спросил лишь «Ты здесь?» Ённокими не могла пошевелиться.

— Ну же, давай, поэтому о тебе и говорят невесть что, — в беспокойстве прошептал отец.

Ощущая себя скорей мертвой, чем живой, в полном ужасе Ённокими придвинулась к нему. Ённокими не думала, что ей еще придется встретиться с ним лицом к лицу, она считала, что он коварно оставил ее, все казалось ей нереальным. В тусклом освещении он видел, что она заплакана, и так благородна, слаба, бессильна, прекрасна. Вакагими понял, что она и вправду необыкновенна, и его сердце забилося еще сильнее.

— Знаю, я вел себя странно, и ты была на меня в обиде. Я думал, что мне следует повернуться спиной к этому миру и постарался найти успокоение в горах Ёсино, но от самого себя не спрячешься. Я скучал по ребенку, эти узы слишком крепки. Мне стыдно, я столько передумал, знаю — вина моя тяжела, но я бы хотел быть уверенным, что ты не таишь на меня зла, — Вакагими говорил и говорил — нежно и влюблено, никому бы и в голову не пришло, что это другой человек. Ённокими было нечего ответить, и она прочла:

Я не при чем, Что скрылся ты в горах Ёсино. Другая — Словно ветер в соснах, Я слыхала.

Она была такой юной и такой утонченной. «Мне следует ответить тем же», — подумал Вакагими, влюблено улыбаясь.

Наверно ты ждала, Что я монахом стану. Ведь раньше От меня ты отказалась. Волна ушла.

— Мне было так горько, мне казалось, что мне нет места рядом с тобой, — сказал Вакагими.

Ённокими стало нестерпимо стыдно, зачем она вдруг так прочла, у нее выступил пот. Она была так хороша — сердиться на нее было невозможно.

Ённокими привыкла к тому, что они жили очень нежно и дружно, часто разговаривали. Поскольку ей не показалось, что он изменился, она подумала, что и теперь будет точно так же, однако его сердце очень изменилось. Ей было еще более стыдно, чем в первый раз с Сайсё, но она не могла ему отказать. Она вздыхала и была подавлена, ясно, что на самом деле ей неприятно, с грустью подумал Вакагими. Сайсё решительно считал ее своей, поэтому Вакагими не мог быть с ней до конца откровенным, но и прекращать эти отношения он не хотел, хотя испытывал к ней меньше чувств, чем к другой. Вот та, что окутана снегами в горах Ёсино, от любви к нему она не спит, думает о нем, ее он не может забыть, это настоящая любовь.

- 42 -

Вакагими по-прежнему стеснялся, он не остался у Ённокими утром и постарался, чтобы никто не заметил расстроенное выражение его лица, но ночью он снова был у нее. Когда ее муж жил с ней, они, как ни странно, только разговаривали, он был изящным, мягким, нежным. И этот тоже был таким же нежным и очаровательным, и все же этот мужчина — не другой ли это человек? Это было бы весьма странно, но Ённокими не могла отделаться от ощущения, что она угадала верно. Не в силах скрыть это, она со вздохом прочла:

Мне кажется, Что ты — другой, Не тот, что был со мной. Быть может, я не та? Иль ты так изменился?

Выходит, что-то в нем беспокоило Ённокими, что ж, на то были основания.

Ты сердце отдала Не одному. Не в этом ли причина Беспокойства: Не тот.

Читая стихотворение, Вакагими старался в точности подражать Химэгими, и Ённокими не уловила разницы.

- 43 -

Дни складывались в месяцы, мальчик, сын Сайсё, подрастал, становясь еще более милым и красивым, он уже начал садиться, вырослел. Сайсё глядел на него и не мог наглядеться. «На Химэгими было приятно смотреть — столько в ней было прелести, и хотя она думала все больше о печальном, она всегда пеклась о ребенке, обнимала его, заботилась. Куда же она делась, кем стала,

куда ушла, где скрылась? Она ведь ничего не знает о сыне!» — думал Сайсё, ночью и днем, не останавливаясь, по его лицу текли кровавые слезы, он был жив, но сознавал, что жизнь его подходит к концу — у такого, знать, его судьба.

Кто-то передал ему: «Советник уже не скрывается, он здесь, в столице. Он появлялся и во дворце».

Сайсё был потрясен. «Значит, она здесь! — думал он, чувствуя, как к нему возвращается жизнь. — Хотя это и трудно понять, но она привыкла быть мужчиной, и потому, наверное, решила снова стать мужчиной. Но в женском облике она была так женственна, если она вернулась, чтобы снова стать мужчиной, это решение странное и необдуманное. Что же все-таки случилось?» Он мог бы размышлять об этом бесконечно, но сейчас было не время, сначала он хотел взглянуть на нее — что с ней случилось. Решив так и сделать, он взял с собой младенца и тут же направился в столичную усадьбу своего отца. Предполагая, что Советник должен непременно присутствовать на дворцовом совете, Сайсё пошел во дворец. Как он и предполагал, прибытие Советника было обставлено великолепно — он явился в блестящем окружении своих приближенных. «И вот это моя возлюбленная? Да, если человек привык к такой обстановке, ему не понравится жить взаперти, это так понятно», — подумал Сайсё.

Советник выглядел очень ярко, от него веяло свежестью и благоуханием, в нем стало еще больше обаяния молодости. Сайсё только взглянул — и у него закружилась голова, но он преодолел себя и встретился с ним глазами. Вакагими подумал: «Сайсё, похоже, удивлен». Вакагими почувствовал, что он сам тоже покраснел, но овладел собой и заставил себя успокоиться. Сайсё хотел бы улучшить момент, чтобы перекинуться словечком. Ни о чем другом не думая, он неотрывно смотрел на нее. Поняв, чего желает Сайсё, Вакагими не дал ему возможности приблизиться и заговорить. Он сделал вид, что не узнал Сайсё, и как только дела были закончены, тут же ушел. «Видно, она решила навсегда оставить меня. Но должна же она подумать и о мальчике!» — думал Сайсё в тоске и печали. Расплакавшись при всех, он ушел.

- 44 -

Сайсё провел всю ночь в тяжких думах. Когда рассвело, он почувствовал, что дальше он так жить не может.

Тебя я увидел, Но слезы мои Все льются на рукава. И лучше бы в Удзи-реке Найти мне конец.

Он не мог написать обо всем, но все-таки дал знать о своей тоске. Вакагими прочел стихотворение. Конечно, Сайсё принимает его за Химэгими.

Вакагими это показалось странным и грустным, он показал письмо Химэгими. Сайсё всегда боялся, что так и случится. «Ты хочешь быть среди людей, любишь свою прежнюю жизнь», — так он говаривал. Химэгими страдала и мучилась, понимая, как переживает Сайсё. Однако и Вакагими не

мог объявить: он — вовсе не она. Было горько и стыдно, что Сайсё в глубине сердца станет считать его отступником, но объяснить ему, что Советник — другой человек, было совершенно невозможно, ведь тогда он может заподозрить, что Распорядительница женских покоев — это Химэгими. Взвесив все доводы, Вакагими сказал: «Пусть лучше думает, что ничего не изменилось. Но Сайсё человек наблюдательный и по почерку может кое о чем догадаться, так что ответ напиши ты».

Итак, Вакагими велел Химэгими написать ответ, ей было больно и стыдно, что Сайсё прочтет письмо, написанное не по ее воле, но она теперь была слабой женщиной и не могла противиться. Она приписала:

Вспоминаю С тоской Пребывание в Удзи, И в сердце моем затаилась обида. Не пристала к берегу лодка.

Только это она и написала, но написано было бесподобно — глаза слепило. Вакагими взглянул лишь для того, чтобы убедиться, как чудесно было послание. Письмо отправили с посыльным. Сайсё ожидал его. Он прочел послание и подумал с тоской, что у нее есть основания думать так. Он сам был всему виною, он был к ней невнимателен, сказать невозможно — как он теперь об этом горевал, он написал письмо, наполненное осознанием своей вины, и тут же отправил его.

Я сам причина Твоих печалей, Дорогая. Как я теперь страдаю! Лодка в Удзи.

Часть четвертая

- 1 -

Распорядительница женских покоев появилась во дворце в последний день одиннадцатой луны. Принцесса все думала, как давно они не виделись и ожидала ее с нетерпением. Когда же она появится? Химэгими отправилась во дворец, переживая, что подумает Принцесса. Химэгими было больно за Принцессу и жаль ее, но найдет ли она слова, чтобы все объяснить? Принцесса лежала, страдая от болей, она была такой миниатюрной, что казалась бестелесной, она была на сносях, с большим животом. Не зная, чем помочь, Химэгими легла рядом с Принцессой и вспомнила то время, когда, бывало, лежала рядом с Ённокими, и ей сделалось грустно. Принцесса, конечно, и подумать не могла, что с ней рядом — другой человек, она не таясь рассказывала о том, что тревожило ее в последние дни, и Химэгими загрустила еще больше. Химэгими хотела бы открыться ей, но было и такое, чего она стеснялась, и она отказалась пока от своего намерения.

— Все это время я так тревожилась о тебе, мне так хотелось потихоньку прийти и взглянуть на тебя, но я была вовлечена в дела брата, а они оказались совсем не простыми. Но мне было не по сердцу заниматься этим бесконечно.

Речами своими Химэгими так походила на Вакагими, что Принцесса ничего не заподозрила.

Они проговорили всю ночь — рассказывали друг другу о том, что случилось за это время.

— Я даже не получала от тебя писем, мы были разлучены так долго, я так тревожилась, — говорила Принцесса, и из ее глаз катились слезы.

Химэгими была тронута, ей было печально, она тоже думала о грустном и плакала. Распорядительница женских покоев так нежно говорила с Принцессой, и была так красива, что Принцессе хотелось слушать ее нежности, ей казалось, что по сравнению с прошлым годом ее подруга стала еще прелестнее. Принцесса совершенно успокоилась, хотя и выглядела несколько удрученной.

- 2 -

Когда уже рассвело, Химэгими достала письмо, которое Вакагими просил потихоньку передать Принцессе. Принцесса поначалу недоумевала, но развернув письмо, узнала руку Распорядительницы женских покоев. Не понимая в чем дело, Принцесса прочла:

«Не могу и передать тебе, как велико мое волнение.

Я привык видеть тебя, Я привык быть с тобой, Эти месяцы и дни, Что проходят вдали от тебя, Как мне их прожить?»

Новая Распорядительница женских покоев теперь будет с тобой, и я надеюсь, что печаль этих месяцев рассеется, и мы снова будем вместе».

Так там было написано. Внимательно прочтя послание, Принцесса пришла в недоумение, она не знала, что и сказать, и вдруг заплакала.

Мия-но Сэндзи была дочерью кормилицы покойной государыни и состояла в доверительных отношениях с Принцессой. Поскольку среди приближенных Принцессы не было никого, кто бы мог занять место кормилицы, Принцесса безгранично доверилась ей. Сэндзи приблизилась к пологу. Принцесса сказала:

— Расскажи ей, как ты беспокоилась эти последние дни и как тебе было трудно все это сносить.

— Эти месяцы были очень тревожными, мы не знали, к кому обратиться за помощью, что предпринять, как заботиться о Принцессе. Мы пытались что-то придумать, но Принцесса не могла прийти в себя и только повторяла, что нужно дождаться вашего возвращения. Хотя кому-то и может показаться, что я нахожусь здесь всегда, но на самом деле мне приходится отлучаться, и каждую ночь я возвращаюсь к себе домой. Только вы, как только здесь появились, никогда не расставались с Принцессой, и уж, наверное, должны знать, что к чему. Последнее время она постоянно недомогала, мы волновались, а Принцесса тревожилась, что вы так долго остаетесь дома. Потом стало понятно, что означает ее неожиданное и необъяснимое нездоровье. Все удивились,

потому что это было так неожиданно, но, как водится, мы посчитали срок, и надели ей пояс, но как такое могло случиться, я не понимаю. Думаю, такого не может быть, чтобы никто ничего не знал, самой же мне ничего толком не известно и я хотела бы спросить вас, уж я так беспокоилась, так хотела, чтобы вы пришли, уж вы-то наверняка должны знать, в чем дело. Я так волнуюсь, даже если вы тоже ничего не знаете, вы тоже наверняка станете беспокоиться и разделите мои чувства, поэтому я так нетерпеливо ждала вас, — говорила Сэндзи, заливаясь слезами.

Химэгими не знала, что ответить, и какое-то время молчала, собираясь с мыслями. Она растерялась, но она привыкла быть женщиной и умела найти выход из затруднительного положения. «Если я скажу, что вовсе ничего не знала, это будет слишком больно для Принцессы. Она сейчас в таком плачевном состоянии, и я так хорошо понимаю ее». Химэгими всхлипнула. Было очень неловко, что Принцесса лежала совсем рядом и внимательно слушала, однако, придет время — и все разъяснится, решила Химэгими.

— Да, я заметила кое-что странное в Принцессе, но отчего это — я не знала, так что никому не сказала. К тому же я и не подумала, что это то самое, а тут случилась эта пренеприятная история с братом, я должна была вернуться домой и обо всем пришлось позабыть, а там я сама тяжело захворала и несколько месяцев пролежала, не различая ни дня, ни ночи. Я всей душой беспокоилась о Принцессе, но даже письма не могла написать — так мне было плохо, и вот так в тревоге я провела несколько месяцев, а как только мне стало лучше, я тут же заторопилась, когда же можно будет посетить Принцессу. Как-то брат по секрету сказал мне: «Мне был сон, будто бы Принцесса понесла. Никаких подтверждений этому нет, но думаю, это так. Побыстрее отправляйся к ней и во всем помогай ей», — когда он так сказал, я тут же поняла, что к чему, и решила поскорее отправиться к ней. Раз теперь вы все видите и знаете, то и мне радостно, что заботы выпали не одной мне, и что мне есть на кого положиться, — сказала Химэгими. Она выглядела точно так же, как раньше.

К тому же никто никогда не видел ее лицом к лицу, поскольку она всегда почтительно прислуживала Принцессе за пологом, так что никто не мог и подумать, что она — не та. Сэндзи считала, что это та самая Распорядительница женских покоев, и поняла дело так, что она сговорила с братом и свела его с Принцессой. Долгое время Сэндзи ничего не могла понять, но теперь она приободрилась. Они стали обсуждать предполагаемое время родов. Распорядительница женских покоев была напористее, чем обычно, раньше она говорила мало и слабеньким голоском, теперь же она говорила так, чтобы быть услышанной и понятой, ее речь была так обаятельна, что ее хотелось слушать и слушать.

— Так когда же Принцессе настанет время рожать?

— Брат говорит: «Думаю, она разрешится в двенадцатую луну».

— О боги! Тогда это может быть и сегодня, и завтра! — удивленно вскрикнула Сэндзи.

Принцесса слушала все это лежа, речи были такими странными, что она ничего не понимала. День за днем Сэндзи все вздыхала, но Принцесса думала, вот сейчас придет Распорядительница женских покоев и все разъяснится, но та говорит такое, что совершенно невозможно понять. Принцесса никогда не встречалась с Советником — братом Распорядительницы, даже во сне, отчего же она говорит такое? Тут Принцесса подумала: поскольку Распорядительница открыться не может, она хочет все свалить на брата. Тогда что означает это письмо? Принцесса беспокойно возвращалась в мыслях к одному и тому же, но понять ничего не могла. Эта Распорядительница не отличается от той, прежней, но в то же время совсем не похоже, что она и есть возлюбленная принцессы. Та была такой несказанно мягкой и близкой, а эта безгранично блистательна, глаз не оторвешь. Принцесса была не в силах понять, что все это значит. Тот человек, ее возлюбленная, что с ней случилось, зовется ли она теперь Советником? Тогда кто такая эта женщина? Она никогда не слышала, чтобы у Распорядительницы были еще братья или сестры. Долгие дни Принцесса в тоске и беспокойстве ждала ее прихода, а теперь ей кажется, что это вовсе не тот человек. Принцесса сделалась еще более подавленной и печальной, спрятала голову в одежды и заплакала. Химэгими поняла, что для этого есть причина, ей было нечего сказать, нечем успокоить Принцессу, она тоже плакала, улегшись рядом с Принцессой.

- 3 -

Когда стемнело, пришел Вакагими. Перед этим он уже успел повидаться с Химэгими, которая потихонечку поведала ему о том, что происходит с Принцессой, о беспокойстве Сэндзи, об их разговоре. Вакагими тоже плакал. Когда сумерки сгустились, и все утихло, Химэгими скрытно проводила Вакагими к Принцессе. Оба они ощущали себя будто во сне — не знали, что и сказать. Бесконечно продолжаться так не могло, но даже если Вакагими откроет все без утайки, не скажет ли Принцесса, что он рассказывает ей небылицы?

И все же он решил, что не станет ничего скрывать, и рассказал ей все — с самого начала. Это было так необыкновенно и странно! Принцесса же подумала: «Выходит, ему не было трудно покинуть меня. Если бы ему было жаль меня, он никогда бы вот так со мной не расстался! Он видит, в каком я ужасном состоянии и все равно расстается со мной только затем, чтобы войти в общество. Он променял меня на других и пренебрег мною. И почему он раньше не сказал мне, в чем дело? Я бы ведь держала язык за зубами. Все эти долгие дни я беспокоилась, вспоминала, какой он нежный и заботливый. Он представлялся мне таким милым и красивым. Это правда, он не должен был запирает себя, то, что произошло, должно было произойти. Но пока я в таком положении, ему не пристало перепоручать меня другим, он должен был сам позаботиться обо мне. А он покинул меня, когда мне так плохо».

Принцессе стали ясны и жестокость этого человека, и стыд своего жалкого положения. У нее потекли слезы. Принцесса сказала то, что она думала — он

опечалился, но у нее действительно были основания говорить так. Плача и плача, он объяснял, отчего пренебрег ею, но она, казалось, не слышала. Обливаясь слезами, он убеждал и успокаивал ее, уже стало светать, и ему пора было уходить, но он так привык, что может лежать рядом с ней — будь то утро или вечер — ему было трудно расстаться. Он грустил.

Теперь я должен Приходить скрываясь Как будто не было того, Что мы могли Быть вместе днем и ночью

— Теперь все по-другому. Но я хочу, чтобы наши отношения продолжались, хотя бы как сейчас. Может, кто-то и найдет нашу связь предосудительной, но никто не подумает, что она невозможна. Верь, что я хорошо позабочусь о тебе, — сказал он.

Когда, ни слова не сказав, Ушел, Ты думал ли о том, Что были вместе Днем и ночью?

— Так что нет смысла, чтобы это теперь вышло наружу и стали распространяться слухи о нашей любовной связи, — плача ответила Принцесса.

Ее слова заставили его страдать больше, чем если бы она бесконечно говорила о своих обидах.

— Что ж, кажется, тут нечего обсуждать. Устроить наши свидания будет не труднее, чем сегодня, однако нам уже не придется лежать рядом день и ночь, как мы привыкли, нужно расставаться, как это ни жаль. Твое положение позволяет, чтобы я был твоим близким другом, я в близких родственных отношениях с Распорядительницей женских покоев, так что я стану заботиться о тебе и верно служить тебе, — сказал он. Когда уже совсем рассвело, Вакагими ушел.

- 4 -

О Принцессе Вакагими не думал с такой страстью, как о старшей дочери принца Ёсино или о дочери Удайдзина, но эта любовь уже пережила годы, и чувство было глубоким, так что время от времени, когда тому благоприятствовали обстоятельства, Химэгими в строжайшей тайне устраивала их свидания. Принцесса страдала оттого, что он уже не любит ее по-прежнему, к тому же поползли слухи об их связи. «Какая печальная судьба уготована мне прошлыми жизнями!» — в смятении думала она. Уже приблизились роды, и она почти не двигалась, стало трудно скрывать ее положение, поскольку она не поднималась с постели. Все, кроме Химэгими и Сэндзи, считали, что она очень больна, так было сказано и ее отцу, прежнему государю, все во дворце были опечалены.

- 5 -

Государь очень переживал за Принцессу, к тому же он не забыл и своего расположения к дочери Садайдзина и был весьма доволен тем, что Распорядительница снова находится совсем рядом. И вот под предлогом своего беспокойства государь решил посетить Грушевый павильон. Государь появился

там без всякого уведомления тихим полуднем, в совершенной тайне. Он потихоньку заглянул за занавески — Принцесса отдыхала, с головой накрывшись толстыми белыми одеждами, даже волос не было видно. Чуть поодаль прилегла и Распорядительница женских покоев, четыре ее нижних одеяния были однотонными, бледного фиолетового цвета, верхнее — с вышивкой, самое нижнее платье, тоже на подкладке, подходящее по цвету, было чуть выпущено в рукавах и ворота, она прикрыла рот. Государю показалось, что она необыкновенно красива — вокруг нее будто распространялось сияние, ее лицо было копией лица Советника, а Советник, по мере того, как становился старше, выглядел все более благородным, обворожительным и несравненным. Такую женщину встретить непросто — улыбаешься, думаешь — что за красота, никогда не забудешь! Государь был очарован.

Многие годы государь хотел увидеть эту знаменитую красавицу, однако до сих пор случая не выпадало. Как досадно, что он до сих пор ее не встречал, государь никак не мог унять волнения. Ее высокое положение не вызывало вопросов, так что познакомиться с ней не было бы предосудительным. «Ее отец не хотел, чтобы она служила мне, он почему-то посчитал, что она должна быть подальше от меня. Что, если узнав о моих намерениях, он запрет ее?» — государь разволновался, стал сам не свой, никак не мог успокоиться, его сердце пылало. Потом, решив, что соединиться с ней — его судьба, он пришел в себя и стал снова наблюдать за ней. Неразвернутое письмо в тонкой белой бумаге лежало возле Принцессы. Распорядительница чуть пошевелилась, протянула руку к письму. Когда она наклонилась, ее рассыпавшиеся волосы блеснули — они были так прекрасны, что слепили глаза, они не были слишком длинными, так, чтобы закрыть всю одежду, разве что достали бы земли, если бы она сидела, но они не были и так коротки, чтобы посчитать это за недостаток. Распушенные по подолу верхнего платья, они выглядели более красивыми, чем если бы были в два ее роста. Распорядительница чуть заметно вздохнула.

— Как грустно! И сегодня тоже ответа нет, это так печально, — сказав так, она спрятала письмо.

Государю не надо было гадать, от кого письмо, он сразу понял, что это Советник писал Принцессе. Тут вошла младшая сестра Сэндзи — Тюнагон-но Кими.

— Сюда направлялся государь, где же он может быть? — спросила она и огляделась. Она опустила полог у спального возвышения.

Государь вошел, делая вид, что он пожаловал только что.

- 6 -

Когда государь бывал здесь, именно Сэндзи выходила прислуживать ему и беседовала с ним, но сегодня она была простужена и осталась у себя, поэтому к государю никто не вышел, все оставались полускрытыми за занавесками. У государя было ощущение, что он все еще видит перед собой

Распорядительницу, ему захотелось теперь услышать ее голос.

— На службе ли сегодня Распорядительница женских покоев? — спросил он.

Она ничего не ответила, но ему показалось, что она пошевелилась.

— Болезнь Принцессы никак не проходит, как она чувствует себя сейчас? Доложено ли ее отцу-государю? Читаются ли молитвы? — спрашивал государь.

Химэгими не знала, как ей следует отвечать, и от беспокойства не могла придумать, как прекратить эти расспросы. Она сказала только:

— Принцессе не так плохо, но это тянется так давно, в последнее время приступы недомогания участились, уж не злые ли духи здесь! — она говорила как можно туманнее.

Государь был в крайнем изумлении, он будто бы видел и слышал Советника, ему хотелось слушать ее, пусть бы она говорила и говорила тысячу лет. Государь довольно долго задавал вопросы, на которые Химэгими вынуждена была отвечать. Она чувствовала, что ей не пристало отвечать слишком пространно, поэтому отвечала односложно, это очень печалило государя, однако оставаться здесь дальше было бы неудобно:

— Нельзя позволить, чтобы болезнь Принцессы продолжалась так долго. Нужно обязательно читать молитвы.

Только что виденный образ запечатлелся в сердце государя. Он не был слишком близок с Принцессой, но зная, как прежний государь любит ее, и уважая его чувства, государь нынешний тоже нежно заботился о ней.

Химэгими вспоминала свою прежнюю жизнь, когда днем и ночью она находилась при государе, их беседы длились бесконечно, их сердца сливались в одно, наслаждаясь звуками кото и флейты. Теперь же из-за занавесок, она еле могла слышать его голос, она была как во сне и грустила:

Над облаками Свет луны Не изменился, И только я Совсем не та. - 7 -

Химэгими волновалась: уже наступила двенадцатая луна и Принцессе пришло время рожать. Если увезти Принцессу, прежний государь, беспокойство которого растет день ото дня, может пожелать навестить ее и все поймет, а это нежелательно. Не уезжать из дворца при родах было вне всяких правил, но что поделаешь! Хорошо, что как раз сейчас много праздников. Уже совсем подошло время, и Принцесса страдала от болей, но все равно никто не был поставлен в известность. С Принцессой находились Химэгими, Сэндзи, и еще две-три доверенных дамы, которые в тревоге проводили дни и ночи. Вакагими тоже продолжал тайно посещать ее, под предлогом болезни Принцессы он часто оставался ночевать у сестры. Принцесса страдала, полагая, что люди сочтут это предосудительным.

- 8 -

Распорядительница женских покоев пленила государя, он не мог жить без

нее. Когда к нему явился Советник, государь по своему обыкновению подозвал его поближе и стал говорить, как бы ему хотелось встретиться с сестрой Советника. Теперь не было никакой причины отказывать государю, но поскольку Садайдзин в свое время был против этого знакомства, Вакагими отвечал так:

— Она очень застенчива, она стесняется посторонних, отец не хотел подвергать ее таким испытаниям, в этом все дело. Теперь, впрочем, она повзрослела и стала многое понимать. Я попробую поговорить с отцом.

Внимательно глядя на него, государь подумал, что он сильно возмужал. В то же время он обладал такой блестящей внешностью... Глядя на него, государь ясно представил ее — ведь она была так похожа на него. Государь прослезился от сердечного волнения.

— Я столько раз давал понять о своих желаниях вашему отцу, но он твердо отказал — пришлось отступить, поэтому мне трудно снова завести этот разговор, так что проводи меня к ней тайно, — сказал государь.

«Нельзя допустить, чтобы их первая встреча была обставлена с такой небрежностью, сестра должна явиться государю во всем великолепии», — подумал Вакагими. Никак не ответив на слова государя, он почтительно вышел.

Вакагими рассказал матери о желании государя. «Теперь ведь бояться нечего. Раз таково желание государя, я велю Химэгими пойти к нему».

— Что ж, ты, конечно, можешь ей приказать, но вспомни, что мы ему всегда говорили, он может что-нибудь заподозрить. Поскольку она находится совсем рядом с государем, пусть сначала он станет посещать ее, и если на то будет его воля, он сделает ее одной из жен или даже государыней. Пусть будет именно так. А иначе люди подумают невесть что: до сих пор Садайдзин отказывал государю, почему же теперь он вдруг изменил свое мнение, — ответила мать Вакагими.

Вакагими тоже вспомнил те события, которые случились по вине Сайсё. «Что еще выйдет, если она к нему пойдет?» — думал Вакагими в сомнениях.

- 9 -

Вопреки ожиданиям Принцесса разрешилась без всяких осложнений: на свет появился очень красивый мальчик, который чрезвычайно напоминал Вакагими. Сэндзи и другие женщины смотрели на него радостно и растроганно, но поскольку о его рождении объявить было нельзя, дамы приготовились втайне унести его. Тюнагон-но Кими взяла его на руки и отнесла в дом Садайдзина. Вакагими открылся матери и попросил заботиться о младенце. Мать была очень рада и довольна, и обо всем поведала Садайдзину. Садайдзин был весьма удивлен, но позвал замечательных кормилиц и нянек и приставил к нему, о ребенке усердно заботились и растили его. Посторонним же сказал:

— Ребенка родила женщина, которую Советник посещает тайно.

В доме Удайдзина были поражены случившимся и терялись в догадках,

когда это он успел?

Теперь муж не оставался с Ённокими в дневное время, как то бывало раньше: он потихоньку приходил, когда темнело, и уходил на рассвете. За исключением тех случаев, когда он был на дежурстве во дворце, ночью он никогда не отсутствовал. В Ёсино, поскольку это так далеко, он, как то бывало раньше, тоже часто не ездил. Но в десятый и одиннадцатый месяц он все-таки провел в Ёсино по четыре-пять дней. После этого он решил, что настало время перевезти старшую принцессу Ёсино к себе и приступил к приготовлениям.

Принцесса же после родов вдруг стала угасать, ее состояние ухудшилось, казалось, жизнь покидает ее.

— Если бы мне увидеть еще раз моего отца! А потом я стану монахиней, — повторяла она.

Видя, что надежды почти не осталось, да и скрывать больше нечего, дамы, наконец, открылись ее отцу — прежнему государю. «Она в таком ужасном положении, а я до сих пор не позаботился о ней! Я возьму ее к себе и стану за нее молиться», — решил он. Он дал знать нынешнему государю, что до нового года перевезет ее к себе.

- 10 -

Поразительно, в какое уныние и расстройство пришел государь, получив известие об отъезде Принцессы: он подумал, что Распорядительница женских покоев отправится вместе с Принцессой. Когда к нему явился Садайдзин, государь спросил:

— Принцесса все еще больна и уезжает, отправится ли ваша дочь с ней?

— Да, вероятно. Принцесса говорит «Как только здесь появилась Распорядительница, мне стало трудно расстаться с ней даже на самое короткое время».

— Это было бы понятно, однако учтите, что там находится и прежний государь, множество других людей также будет постоянно находиться при Принцессе, это может быть неудобным для Распорядительницы. Прежний государь уже в годах, но он очень обаятелен. Если они станут встречаться, вы, возможно, одобрите это, но — уж не знаю отчего — мне горько, что я должен оставить мысль о ней. Конечно, она мне не жена или наложница, но у нее есть служба во дворце, даже если Принцесса уедет, она могла бы остаться здесь. Если Распорядительница уедет вместе с Принцессой, мне будет так ужасно одиноко во дворце. Да и молодые люди, они оттого здесь и собираются, что здесь есть такие женщины — столь прекрасные и изысканные.

— Что ж, пожалуй, ей действительно вовсе не обязательно уезжать вместе с Принцессой. Прежний государь говорил мне, что он испытывает угрызения совести, что находится вдали от дочери и просил, чтобы моя дочь заботилась о Принцессе, но при нынешних обстоятельствах я не вижу причин, которые обязывали бы ее оставаться с Принцессой. Я хочу, чтобы она вернулась домой,

но поскольку она находится на службе и должна выполнять свои обязанности, пусть останется до первых чисел нового года.

Государь был чрезвычайно обрадован:

— Замечательно! Я так рад, что вы оставили свое прежнее мнение. У меня до сих пор нет дочери, поэтому мне одиноко, вместо своей дочери я окружу заботой вашу, вам не следует думать, что я изменился к ней.

У государя потекли слезы. Видя, что у него такие серьезные намерения, Садайдзин был очень обрадован.

— Вы столько раз высказывали свои намерения относительно Распорядительницы, и я бесконечно рад, чувствуя, что наконец-то сбывается желание, которое вы лелеяли годами. Я отказывал вам, полагая, что она чересчур стыдлива и робка, поэтому я не мог пойти навстречу вашему желанию. И то, что вы все еще не оставили мысли о ней, наполняет меня благодарностью и радостью, — Садайдзин был так счастлив, что заплакал.

Государь же подумал: «Странно, что Садайдзин не желает представить ее людям как мою невесту. Я мог видеть ее только при тусклом освещении, но она вовсе не показалась мне такой уж застенчивой. Хорошо, когда отец заботится о дочери, но если забота излишняя, то ей при появлении на людях может сделаться весьма неловко».

Государь находил поведение Садайдзина странным.

- 11 -

Когда Принцесса уезжала в сопровождении прежнего государя, Распорядительница осталась во дворце. Вакагими поначалу беспокоился, что теперь ему будет трудно встречаться с Принцессой, но Сэндзи и Тюнагон-но Кими, посвященные в их отношения, сочувствовали ему и тайно передавали Принцессе его письма. Прежний государь давно не видел дочь, поэтому все время был с ней, долгое время его терзало беспокойство и теперь он неотлучно находился в ее комнате. Принцессе все еще было плохо, но она уже начала выздоравливать. У нее не было желания оставаться наследницей престола, она мечтала стать монахиней и всю свою душу посвятить молитвам о будущей жизни. Она снова и снова просила отцовского разрешения, ему было горько и грустно. К тому же, поскольку других наследников не было, он не мог ей этого позволить.

- 12 -

Сайсё сделался как бы тенью Советника. Если только выдастся возможность, он непременно поговорит с ней! Ни о чем другом не думая, он искал удобного случая. Все считали, что прежде у них были особенно близкие отношения, но теперь все стало не так — по причине связи Сайсё с женой Советника. Вакагими не знал, что ему отвечать, если Сайсё заговорит о своей обиде, поэтому старательно избегал его. Сайсё же приуныл от своих терзаний, даже по отношению к Ённокими он не испытывал прежнего сострадания и

жалости. Саэмон думала: «Советник больше не посещает Ённокими открыто, но на самом деле каждую ночь, как и раньше, он проводит с ней, в этом, конечно, причина того, что Сайсё теперь не показывается здесь». Даже раньше — когда они проводили время в беседах — Ённокими боялась, что муж огорчится, если узнает о ее связи с Сайсё — связи, к которой у нее не лежало сердце. Теперь и подавно — ему будет нестерпимо стыдно и горько, если он узнает, что она хоть что-то скрывает от него. А потому она и не думала хоть одной строчкой отвечать на письма Сайсё, но это не слишком его печалило, и Саэмон рассудила: «Он стал так странно спокоен, ну и сердце у него!»

- 13 -

Вакагими надеялся, что еще в этом году перевезет к себе принцессу Ёсино, на Второй линии в районе реки Хорикава на участке, занимавшем три квартала, он развернул строительство и воздвиг грандиозную усадьбу, которая была просто великолепной. Именно Ённокими должна была бы переехать сюда хозяйкой, но Вакагими мучила эта ее история с Сайсё. Что станут о нем думать, если он поселит ее здесь хозяйкой? Конечно, у нее такие нрав и внешность, что и в будущем он станет заботиться о ней и никогда не оставит ее. Принцессу Ёсино Вакагими считал несравненной, в ней все было замечательно, в утонченности, благородстве и обворожительности никто ей не ровня, но все же по свежести, изяществу и меланхолии вряд ли кто-то может сравниться с Ённокими. Вакагими никак не мог разобраться, кто лучше, но как бы там ни было, он не забывал свою обиду на Ённокими, и на сердце становилось как-то тоскливо и холодно. Принцесса, дочь прежнего государя, — происхождения высочайшего, но это единственное ее достоинство: когда Вакагими пришлось с ней объясняться, он не нашел в ней ни доброты, ни понимания. Вакагими многое передумал, на сердце у него было неспокойно.

- 14 -

Настал Новый год, придворная жизнь, как всегда, была ключом. Придворные собирались вместе и предавались веселью как ни в чем не бывало — будто бы никакие заботы не тревожили их. Но ни новогодний пир, ни другие увеселения не трогали сердце государя — он грустил, поскольку никак не мог забыть лицо Распорядительницы женских покоев.

Но вот наконец утих шум торжеств по случаю празднования Нового года. Государь неподвижно стоял, прячась возле Сверкающего павильона. Он слушал тихие звуки тринадцатиструнного кото. Он был зачарован. После того, как мелодия «Щебетание камышевки» была повторена дважды, музыка прекратилась. «Она играет на кото точно так же, как Советник, какая трогательная связь между братом и сестрой!» — подумал государь. Решетки были уже опущены, но двустворчатая боковая дверь еще не была заперта. Порыв ветра приоткрыл ее, государь обрадовался и вошел незамеченным. Он укрылся в темном углу и увидел: две дамы играют в го. Распорядительница прилегла за пологом, уронив голову на кото, она безотчетно перебирала струны, и смотрела не отрываясь на светильник, она думала о чем-то грустном,

и была прекрасна как никто. Она рядом, в одном дворце с ним, а он до сих пор жил с сознанием, что она где-то далеко — обрадовался он своему открытию. Пусть люди станут упрекать его, но он решил, что эту ночь он проведет с ней, он был так взволнован и хотел только одного: чтобы дамы, которые находились при ней, поскорее заснули.

Химэгими продолжала с тоской думать о том, что она пережила, когда расставалась со своим ребенком, что было у нее на сердце, когда он, такой безответный, улыбался, встречаясь с ней взглядом... Вспоминая его, она печалилась и грустила.

Все связи Так печальны В этом мире. И так печальна в нем Моя судьба.

У нее градом текли слезы, она с головой закрылась одеждами и лежала неподвижно. Дамы, игравшие в го, закончили.

— Должно быть заснула, — дама отодвинула светильник подальше. — Дверь еще не заперта.

Одна из дам приблизилась к тому месту, где стоял государь. Он в беспокойстве затаился в темноте. Дама заперла дверь.

— Странно, у меня какое-то неприятное ощущение — будто здесь кто-то есть.

Дама быстро вернулась в комнату, все улеглись спать.

- 15 -

Государь огляделся, возле полога никого не было. Непринужденно и спокойно он приблизился к Распорядительнице, поднял покрывало и лег с ней. Она еще не успела заснуть как следует и рассердилась — подумала, что это Сайсё, ей и в голову не могло прийти, что это кто-то другой. Несмотря на досаду, она не шевельнулась, чтобы натянуть на себя покрывало. Государь же раздевал ее и плакал, говорил о том, как долгие годы мечтал о ней, но ее отец ни за что не соглашался и потому он ужасно печалился, рассказывал о том, как впервые мельком увидел ее — возле постели заболевшей Принцессы. Химэгими удивилась: она-то рассердилась — думала, что это Сайсё, но теперь она поняла, кто это. «Если государь раскроет мою тайну, он не станет вникать в мое положение и осудит меня. Увидев же, что я не девственница, он еще больше будет презирать меня, и тут же бросит. Как горько и стыдно! Лучше бы мне вовсе не оставаться в этом мире, пусть бы мои следы затерялись, как я того и хотела. Но Вакагими печалился из-за этой истории с Принцессой, хотел, чтобы я стала его поверенной. Теперь же мне досадно и горько — зря я согласилась. Почему я не последовала за Принцессой? Отец считал, что на Новый год нужно оставаться на службе, да и дамы жаловались, что им будет скучно. Теперь придется оставаться здесь до праздника в храме Ивасимидзу,[21] но потом сразу же вернуться к отцу!» На сердце у Химэгими было тяжело, но она никак не могла отогнать от себя эти тревожные мысли, слезы текли из ее глаз.

— Милая, не надо так. Знай — это судьба. Проникнись моими чувствами — тогда ты поймешь, что все хорошо, — плача и плача говорил государь. Он был неподражаем.

Давным-давно, когда Сайсё впервые сжал ее в своих объятиях, она ощущала себя мужчиной — красивым и сильным, но сопротивляться все же не могла. Теперь она была обыкновенной женщиной и ей не хотелось показаться бесчувственной. Хотя ей совсем не хотелось сдаваться, но ей было не убежать. Государь крепко обнял ее — не вырваться, ей было непереносимо стыдно, она хотела закричать, но государь вовсе не должен стесняться людских глаз, даже если кто-то прибежит на ее беспомощные крики, что с того? Государя никто не осудит, так что следовало покориться.

- 16 -

Вблизи Распорядительница показалась государю еще более прекрасной. Он хотел любоваться ею даже при свете дня, он не хотел и думать, чтобы расстаться с ней даже на мгновение. «Что это? Теперь понятно! — государь почувствовал, что она уже любила и не была девственной, к его любви примешалась горечь. — Вот почему ее отец обязательно хотел держать ее подальше от меня и определил ее на такую странную должность. Его положение было щекотливым — он и вправду не мог сказать, в чем дело, ему было ужасно стыдно, вот он и отнекивался. Но как могло такое случиться, и кто этот человек? Верно, нет мужчины, который увидя ее хоть раз, решил бы оставить ее. Ее отец все знал и отказал мне. Должно быть, это какой-нибудь глупый юнец, которому все нипочем». Государь был раздосадован, даже если бы случилось что-нибудь ужасное, он ни о чем другом не смог бы думать. Он посмотрел на нее. Ее красота потрясла его. Он почувствовал, что перестает ощущать ее греховность, ее вина таяла и исчезала. Обливаясь слезами, он молил о том, чтобы их любовь продлилась и в следующей жизни. Разумеется, государь ничем не показал, что недоволен и осуждает ее, но Химэгими все поняла сама, она чувствовала безысходность и стыд, капельки пота и слезы сливались в ручейки, ей было тяжело.

Беспокоясь, что дамы заподозрят что-то, государь собрался уйти. Он выразил свою любовь так, как никто другой.

На реке Мицусэ Брода Не знает никто, Но в будущей жизни Быть вместе — наша судьба.

— Давать любовную клятву лишь на эту жизнь — слишком мелко, но что нас ждет? — когда государь произносил эти слова, слезы падали из его глаз капля за каплей.

Химэгими не находила слов, чтобы ответить, она смутилась и растерялась.

— Я не уйду, пока не услышу от тебя хоть одно слово, — сказал государь, пытаясь успокоить ее.

Я в следующей жизни Не знаю Места встречи. Но в этой жизни Грустна

моя судьба.

Боясь, что государю покажется странным, что это тот самый голос, который он привык слышать днем и ночью, она говорила тихо и невнятно, но это было так обворожительно, что он хотел слушать ее бесконечно. Государю казалось, что он не сможет покинуть ее даже на минуту. У него было такое чувство, что даже когда он уйдет, часть его самого останется с ней, он снова и снова повторял свою любовную клятву.

Он вышел в боковую дверь, в которую вошел вчера вечером.

- 17 -

В эту ночь государя сопровождала только Тюдзё-но Найси. Утомившись от ожидания, уже на рассвете — расстроенная и усталая — она заснула. Государь разбудил ее и они вернулись. Государь тихо вошел в опочивальню. Образ Химэгими, это чудное ощущение от ее прикосновений никак не покидали его. О, милая! Если бы еще раз свидеться с ней! Текли слезы. Поскольку рядом не было никого, кто отнес бы его письмо, он приказал Советнику немедленно явиться.

Даже Сайсё, который не пропускал ни одной женщины, позабыл про Ённокими и всех остальных, с кем связывала его любовь, все вздыхал по Химэгими — уж такова она была. Так понятно, что и государь после первой встречи не мог вынести разлуки.

Явился Советник. Он был так хорош собой, что государь застеснялся. Он хотел показать, что дело, которое он поручает Советнику, — самое обыкновенное, он вытащил из-за пазухи большой пакет — письмо было завернуто в плотную бумагу, будто бы письмо — самое заурядное послание:

— Я когда-то просил разрешения вашего отца написать письмо Распорядительнице женских покоев, но до сих пор было как-то недосуг. Сегодня благоприятный день, так что поскорее принесите ответ. Если я отправлю письмо с дворцовым слугой, Распорядительница может подумать, что я делаю это втайне от отца, и не будет знать, как поступить — ей будет трудно ответить сразу, поэтому я прошу вас.

Вакагими отправился с письмом к сестре. Государь вел себя как-то странно, и Вакагими пришло в голову, что, может быть, он уже повстречался с Химэгими.

- 18 -

Когда Вакагими пришел в Сверкающий дворец, дама по имени Дайнагон-но Кими сказала:

— Распорядительница с ночи чувствует себя нездоровой. Она еще в постели.

Вакагими удивился:

— Скажите мне, что случилось. Она что, простыла?

Поскольку Химэгими не была больна, она поднялась с постели:

— Просто в груди что-то побаливает.

Ее лицо покраснело, должно быть, она плакала. Вакагими подумал, что, возможно, и вправду государь был с ней. Ему было очень любопытно, что ей написал государь. Он подошел к сестре.

— Государь пригласил меня сегодня утром к себе и поручил, чтобы я сам передал тебе письмо. Он хочет, чтобы ты прочла письмо и ответила сразу.

Химэгими очень хотелось, чтобы никто ничего не узнал, но раз Вакагими так говорит, должно быть, он обо всем догадался. Она ощутила ужасную неловкость — хоть лица не показывай, но что толку строить из себя невинность? Она покраснела, взяла письмо, но не открыла его.

— Государь сказал, чтобы я обязательно принес ответ. Он намеренно отправил именно меня. Если я вернусь с пустыми руками, как я посмотрю ему в глаза? — настаивал Вакагими, понуждая ее прочесть письмо.

Химэгими улыбнулась:

— Ты говоришь так, будто ты мне чужой. Государь хорошо знает мой почерк. И только он взглянет на ответ, он тут же заподозрит неладное, что тогда делать? К тому же отец может счесть неподобающим, если я напишу письмо без его ведома. Я не хочу, чтобы он рассердился — пусть даже государь и хочет, чтобы я ответила немедленно. Так что скажи ему только, что я получила его письмо.

Вакагими подумал, что она, может быть, и права:

— Да, конечно, сразу ответить — дело непростое. Но, может, все-таки прочтешь письмо?

Вакагими напустил на себя равнодушный вид, но на самом деле его одолевало любопытство. Химэгими покраснела. Понимая, что открыть письмо было бы опасным, она спрятала его. И у нее были основания для этого. Вакагими ушел ни с чем.

- 19 -

Государь ждал ответа напрасно, когда он понял это, его взяла досада: ему было нестерпимо трудно выносить разлуку, но он заставил себя казаться равнодушным.

«Она ведет себя, будто это какие-то забавы. Впрочем, этому действительно не стоит придавать чрезмерного значения», — подумал государь. Он выглядел очень грустным и растерянным, после долгих размышлений он написал еще одно письмо.

Государь не стал откровенно рассказывать Советнику о том, что произошло ночью:

— Я лишь мельком видел ее, мне кажется, это была она, при тусклом свете

лампы она была так прекрасна — я подобной еще не встречал. Удивительно, но у меня такое чувство, что этот образ все еще со мной. Я искренне люблю ее, и думаю только о том, что же теперь делать — ведь ваш отец наотрез отказал мне. Сделать вид, что я об этом просто не знаю и сблизиться с Распорядительницей было бы безумием — мне пришлось отступить. Но вдруг я понял, что до сих пор ничего подобного не чувствовал, а значит нужно что-то предпринять. Я знаю: ты понимаешь, что я имею в виду. Вчера ночью я случайно подглядел за ней, а сегодня вечером ты должен проводить меня к ней! — у государя текли слезы.

«Значит, я оказался прав, вряд ли можно предположить, что государь просто подсматривал. Да и Химэгими выглядит очень странно, здесь что-то не так», — подумал Вакагими. Государь показался Вакагими влюбленным в Химэгими без памяти, это чрезвычайно обрадовало его. У нее, безусловно, безупречное происхождение, так что она имеет все основания для того, чтобы стать государыней, однако государю позволили сойтись с ней без соответствующих приготовлений, и это очень расстраивало Вакагими.

«Раз так, для начала доставлю письмо», — уходя, подумал Вакагими.

Поскольку дело было слишком серьезным, Вакагими без утайки поведал обо всем отцу: и выглядят они оба как-то странно, и сам государь говорил то-то и то-то. Садайдзин подумал, что, видно, так и должно было случиться, и очень обрадовался.

Он столько лет переживал из-за своих детей, и теперь известие Вакагими сделало его счастливым. Не показывая, что ему что-то известно, он надарил Химэгими нарядов и других приличествующих случаю вещей — еще более великолепных, чем обыкновенно. Все в комнате, вплоть до занавесок, было приведено в порядок и украшено соответствующим образом. Годами Садайдзин вкладывал всю душу в заботы о дочери и переживал, что ее служба такая незаметная, и вот наконец его сердце наполнилось гордостью — ведь сам государь посещает ее.

- 20 -

Любовь государя становилась все сильнее. В нраве и облике Химэгими не было ни малейшего недостатка, она обладала всем необходимым, чтобы занять место государыни, и все же одно обстоятельство тревожило сердце государя: «О ее бывшей связи не известно широко, может быть всего две-три дамы и знают, и уж наверняка, даже если они и вспомнят об этом, они не из числа моих жен или наложниц. Так как она служит при дворе, я смогу посещать ее тайно, а потом — как сердце подскажет, нет никаких препятствий для того, чтобы она стала государыней».

Таиться было нечего, государь стал посещать Химэгими даже днем. Вскоре она тоже стала бывать у государя ночью. Государь вел себя так, будто кроме нее никого другого и нет. Радости родственников Химэгими не было конца.

В усадьбу, которую Вакагими выстроил на Второй линии, в десятых числах третьей луны должна была прибыть принцесса Ёсино. Находясь десятого числа в Ёсино, Вакагими беспокоился о том, что после отъезда дочери принц-отшельник почувствует себя еще более одиноким и станет грустить, поэтому Вакагими всячески старался угодить ему. Он подарил принцу земли, которые имел в этих местах, и делал все, чтобы как-то поддержать принца и развеять его тоску. Однако принц сказал:

— Простите, но у меня совсем другие намерения. До этого времени я был, как говорится, стреножен. Поневоле я вел себя так, будто был недалек от горестей этого мира, и поэтому мое жилище было расположено так к нему близко. Но теперь я свободен от пут и не сожалею об этом — всем сердцем желаю одного: чтобы мои следы затерялись в горах, где слышны лишь голоса птиц. Вы очень добры, но все это мне не к чему, — сказал принц и вернул Вакагими его дары. Он стал готовиться к тому, чтобы уйти далеко в горы.

Старшей принцессой Ёсино овладело беспокойство. Она не привыкла к свету, была неопытной, и, отправляясь в столицу, боялась, как бы там люди не стали над ней смеяться, опасалась того, что там ее ждут одни огорчения. Она думала, что если так и вправду случится, она вернется сюда, где вдали от горестей мира и будет ее последнее пристанище. Только бы здесь ничего не менялось, только бы не обветшал ее дом. Если все будет именно так, вот тогда она будет спокойна. Принцесса, впрочем, была достаточно умна, чтобы ничего этого не высказать вслух.

В назначенный день были проведены трогательные прощальные церемонии. Поскольку оставить здесь младшую принцессу было нельзя, она уезжала вместе со старшей. Старшая с ужасом думала, что ее ожидает в столице. Ее отец объявил свою волю.

— Тебе незачем возвращаться в эту хижину. Я не еду в столицу, мы видимся в последний раз. Ты знаешь, что я тяготился этой жизнью с вами и не мог отдаться молитвам о будущей жизни, теперь я смогу посвятить себя этому служению, и это очень радует меня, — сказал принц плача.

Уйдете вы, Я буду далеко — Мы расстанемся. Мы свидимся едва ли — Плачу.

— Сегодня счастливый день, плакать нельзя, — он смахнул слезы.

Старшая дочь прочла:

Когда теперь мы свидимся, Не знаю. На расставания дорогу Должна вступить я. Плачу, плачу, но иду.

Она закрыла лицо рукавом, но никак не могла покинуть отца.

Младшая дочь сложила:

С кем Мне ни быть, Уйти Или остаться — Боль расставанья.

Младшая сестра могла бы не торопиться уезжать, но если бы она осталась здесь хоть ненадолго, старшая чувствовала бы себя без близких совершенно одинокой. Да и принц тоже решил: лучше, если она уедет вместе с сестрой, он не должен будет больше заботиться ни об одной из них. Принц не позволил остаться с собой даже совсем пожилым дамам, что было бы вполне естественно, и попросил даже их покинуть его.

Вакагими и старшая принцесса Ёсино уселись в экипаж. За десятью экипажами, запряженными быками, следовали девочки и младшие служанки.

Величественная и живописная процессия двинулась от тростниковой хижины прочь. В этой процессии находились придворные высоких рангов, даже пятого и шестого. Придворные дамы среди своих родственниц нашли достойных служить принцессе Ёсино. Экипаж младшей принцессы Ёсино следовал несколько поодаль, в ее процессии было всего три экипажа, но сопровождающих было вдоволь. Престарелые дамы скрытно следовали вслед за младшей принцессой, став частью ее окружения. Принц Ёсино на проводах этой пышной процессии казался очень довольным. Он пребывал в успокоенном и проясненном состоянии, наконец-то он был один, теперь он полностью сможет отдаться служению Будде — желание, которое он вынашивал годами, исполнилось.

Переночевав в Нара, на следующий день они прибыли в усадьбу на Второй линии. Она занимала три квартала, глинобитные стены с двухскатным черепичным козырьком делили ее на три участка. Они остановились в главном здании, который располагался в центральной части. В той части усадьбы, которая выходила на улицу Тоин, Вакагими собирался тайно посещать Ённокими. Домом, обращенным в сторону реки Хорикава, станет пользоваться Химэгими — когда она будет уезжать из дворца, там же может жить и Принцесса, дочь прежнего государя. Прибывшая процессия выглядела великолепно. В доме Удайдзина все были очень расстроены — решение Советника сделать хозяйкой принцессу Ёсино стало для них неприятной неожиданностью, но, безусловно, упрекнуть его было не в чем, поскольку он был прав.

- 22 -

Ённокими снова забеременела в двенадцатую луну. На этот раз никаких сомнений в отцовстве не возникало, но она все равно была угнетена и пыталась скрывать свое положение. А потому, когда все открылось, все были удивлены. Начали читать молитвы и сказали Садайдзину. Поскольку это несомненно был ребенок Вакагими, Садайдзин был доволен, он тоже заказал молебны. Когда Удайдзин узнал об этом, его сердце наполнилось счастьем. Хотя раньше Вакагими и досадовал, считая, что Ённокими виновата перед ним, поскольку отцом ее прежних детей был Сайсё, теперь он жалел и любил ее все сильнее. Ему, правда, было немного жаль, что беременна именно Ённокими, положение которой было отягощено известными обстоятельствами. Хотя мальчик, живущий у Садайдзина, обещал стать настоящим аристократом, Вакагими

думал:

«Мы не открыли, кто его мать, поэтому, естественно, свет решит, что он — не слишком важная персона. И отчего не забеременела принцесса Ёсино, у нее не было бы никаких сложностей».

Вакагими расстраивался, что принцесса Ёсино никак не забеременеет. Он даже хотел взять у родителей своего сына и отдать ей на воспитание, однако дед с бабкой не хотели и слышать о том, чтобы хоть на время расстаться с ребенком, а Садайдзин впадал в беспокойство даже когда Вакагими просто навещал его.

Химэгими забеременела весной. Безграничная любовь государя становилась все сильнее, ни одна из его многочисленных жен до сих пор не принесла потомства, наследного принца не было, поэтому о ниспослании сына молились в храмах столичных и горных. Как все обрадуются мальчику! Если родится наследник престола, Садайдзин и Вакагими станут первыми людьми в государстве.

- 23 -

Шло время. Сайсё гадал: если бы он не знал, где находится Советник, ощущал бы он такую же тоску, был бы он так же несчастен? Отчего, став женщиной, и утверждая, что снова измениться уже не сможет, она опять стала мужчиной? Пусть она считала его недостойным и жестоким, и отвергла без сожаления, но ведь она рассталась и с ребенком, не видится с ним и ничего о нем не желает знать. Как она бесчувственна! Ему хотелось хоть раз высказать ей все свои упреки. Однако теперь у него с Советником были такие холодные отношения, что все недоумевали. И если у Сайсё не было какого-то дела, он не смел и приблизиться к Советнику. Что до Советника, то во дворце, да и повсюду, он держался так отстраненно и высокомерно, что невозможно было себе даже представить, что этот человек — его бывшая любовь, заговорить с ним просто так было невозможно. Но Сайсё все-таки писал ему, хотя ответы на его письма были такими холодными — будто ничего между ними и не было. Сайсё овладела печаль, он не понимал, что происходит, даже когда он бывал в обществе, ему всегда было грустно и от его прежнего легкомыслия не осталось и следа — он стал серьезен. И хотя Ённокими прервала с ним всякие отношения, это не особенно расстроило его. Когда Сайсё слышал о том, как удивительно счастливо сложилась судьба Распорядительницы женских покоев, он вспоминал, что брат с сестрой были удивительно похожи — он узнал это еще той ночью, когда он напрасно уговаривал ее, но сразу после этого на ее месте оказался Советник, и тогда Сайсё успокоился и перестал горевать о ней, хотя он и думал, что она станет вспоминать его как неудачника и глупца, и теперь, когда она заняла такое недостижимо высокое положение, он думал об этом с горечью.

Шли дни, проходили месяцы, и Сайсё видел, как его сын прибавляет в росте и красоте. Сайсё полагал, что и вовсе пропал бы, если бы у него не было этого ребенка, а еще он думал: как было бы хорошо, если бы они жили вместе с

его матерью, вели бы задушевные беседы, пребывали в согласии и растили это дитя! От своей тоски Сайсё перестал выходить из дому, ни днем, ни ночью не расставался с сыном, играл с ним, и так проводил восходы и закаты, хотя сам считал, что так не делают.

- 24 -

«Она оставила меня и разбила мое сердце, но что же тут поделаешь? Жаль, я пренебрег Ённокими — той женщиной, которая чувствует так же, как я, женщиной, которая поделила мою любовь. Я посчитал, что из-за этой связи мне будет стеснительно бывать в свете, я не виделся с ней уже несколько месяцев, будто она мне чужая», — Сайсё не находил себе места и никак не мог успокоиться. И вот он написал обстоятельное письмо Саэмон:

«Беспокойство не оставляет меня уже долгое время, мне есть о чем с тобой поговорить. Что если я потихоньку навещу тебя, приехав в женском экипаже? Если это неудобно, ты совершенно спокойно можешь прийти ко мне, в доме нет женщин».

Писем от Сайсё не было уже давно, и Саэмон досадовала на то, как жестоко он оставил Ённокими. Поэтому теперь она удивилась письму, в котором Сайсё без утайки расписывал свои несчастья. Сердце Саэмон растрогалось, она ответила, что хочет рассказать ему, как невыносимо тяжелы были эти месяцы, и хотя если кто-то об этом узнает, будет скверно, но она все же потихоньку навестит его. Сайсё обрадовался и стал ждать ее, в тайне от всех он послал за ней экипаж. Только Ённокими она поставила в известность, что отправляется к Сайсё. Для всех других она отправилась домой.

Сайсё думал с тоской: «Целые месяцы я был нездоров, не мог побороть свое смятение, я никуда не выходил, жил, будто не в себе. А ведь Ённокими явно привязалась ко мне, а теперь она считает, что я почему-то вдруг изменился к ней, что на меня нельзя положиться. Мне не за что упрекнуть ее, и я страдаю. Неужели мы с ней ни разу больше не встретимся!»

Пока он думал только о Химэгими, все другие, казалось, без следа исчезли из его сердца, но стоило ему снестись с Саэмон, как воспоминания обо всем, что было связано с Ённокими, окутали его. Обливаясь слезами, он произнес:

— Не может быть, чтобы в ближайшее время не представилось удобного случая, прошу тебя, устрой так, чтобы я мог увидеть ее, — его слова шли из глубины сердца.

Саэмон было искренне жаль его, она заплакала и сказала:

— Все эти годы Советник искренне любил ее. Он всегда отзывался о Ённокими с уважением, они беседовали с нежностью, но настоящей близости, такой любви, как нынче принято, он боялся больше, чем это можно себе представить. Они разговаривали, будто подруги — так они и жили. Мне было стыдно, но я пожалела вас, когда увидела, как вы сгораете от любви и нетерпения, у меня слабое сердце, много раз я провожала вас к ней. Уж и не

знаю, что там случилось, но только после того, как Советник вернулся, он делает вид, будто стесняется ее — приходит тайно, не остается на день, но любовь их совсем не та, что была раньше, она окрепла, они выглядят близкими людьми, да к тому же зимой она забеременела, и его любовь от этого сделалась еще сильнее. Садайдзин и другие не особенно радовались прежним двум дочерям, а сам Советник и вовсе ушел из дому, но на сей раз нет сомнений в том, кто отец. Советник очень волнуется за Ённокими, старается как можно больше быть с ней. Удайдзин тоже счастлив. Ённокими считает, что будет очень горько, если кто-нибудь из них заподозрит ее хотя бы в мимолетном увлечении, поэтому-то она и сказала мне: «Не знаю, стану ли отвечать на письма Сайсё, но уж точно не стану встречаться с ним». Если уж она и о письмах слышать не желает, то что уж там говорить о свидании. Хотя теперь Советник любит Ённокими еще сильнее, но все же он в обиде на нее за связь с вами — главной женой он сделал принцессу Ёсино, а Ённокими сделал второй женой. За те годы, что они провели вместе, он привык к ней, жалеет ее и не может оставить. Думаю, что если бы не эта связь с вами, Советнику и в голову не пришло бы, что кто-то может сравниться с Ённокими. Так что в вас причина того, что он отверг ее как жену и обошелся с ней жестоко, думаю, вы принесли ей одни несчастья. Я и раньше сожалела о том, что сделала, а уж теперь и подавно, — сказала Саэмон.

Саэмон была еще юна и, естественно, горевала, видя, что другая женщина оттеснила ее хозяйку. Сайсё ответил только:

— Мне понятно, почему Ённокими так считает, но почему и ты так строга ко мне? Не ожидал!

Когда Сайсё слушал рассказ Саэмон про то, что Ённокими забеременела, он никак не мог понять, что все это значит, и совсем растерялся. Только он хоть на чуть-чуть оставил своими мыслями Химэгими, как снова тоскует о ней. Это было невыносимо, он почти ничего не говорил, вид у него был растерянный, в мыслях — смятение:

— Что ж, уже стемнело. Тебя хватятся, — сказал он. — Возвращайся обратно.

Саэмон подумала, что была слишком сурова и ее рассказ ранил его, она, конечно, расстроилась. Покидая Сайсё, она оглянулась.

Пока Советник находился в своей усадьбе на Второй линии, Саэмон потихоньку поведала Ённокими о своем разговоре с Сайсё. Хотя это и заставило ее разрыдаться, но она твердо решила отказать Сайсё в свидании, несмотря на то, что продолжала любить его. Ей не в чем было упрекнуть Советника, его любовь становилась все сильнее, а после того, как она забеременела, он стал еще нежнее, и теперь он любил ее не меньше, чем Сайсё. Хотя ей было стыдно и страшно от его настойчивости в самом начале, понемногу она привязалась к нему. Сейчас ее первым делом волновало, что могут сказать люди, что подумает ее отец, а потому она не смела поставить Советника и Сайсё на одну доску.

Мысли Сайсё смешались. Он плакал уже не об одной Химэгими, но и об очень многом другом — чего и не высказать. Утопая в реке слез, он встретил рассвет. «О, если бы хоть раз оказаться с ней рядом, поговорить с ней, посмотреть на нее!» — думал он.

Теперь он решил оставить свое затворничество. Сайсё узнал день, когда Советник должен был обязательно явиться во дворец, и отправился туда. Будто невзначай он остановил взгляд на Советнике. Тот, как и следовало ожидать, повел себя так непреступно и холодно, что и не заговоришь. Сайсё почувствовал себя отвратительно. В связи с нынешним положением своей сестры — Распорядительницы женских покоев — Советник постоянно находился во дворце. Сайсё выслеживал его и ходил за ним тенью. Вакагими находил это неподобающим. Младшая принцесса Ёсино очень грустила, и Вакагими думал, как с ней быть. Сайсё не встречался больше с той, что разделила его любовь, и забыл ту, о недостижимости которой вздыхал, он оставил прежнюю легкомысленность и стал серьезным. «А что, если разрешить ему увидеть младшую принцессу Ёсино? У Сайсё такое чувствительное сердце, если он ее увидит, влюбится всерьез». Однако вспомнив то, что произошло между Сайсё и Ённокими, он подумал:

«Нет, глупо позволить ей привязаться к такому человеку!»

В двадцатых числах четвертой луны, когда праздники Камо[22] закончились и во дворце наступила тишина, Вакагими вспомнил, как Химэгими как-то при случае рассказывала ему о даме из Живописного павильона, и он отправился туда. Женщина не забыла о тех ночах, когда мужчина на удивление нежно беседовал с ней, даже когда он исчез неизвестно куда, она вспоминала о нем с печалью, тоскою и грустью. И в эту ночь она в задумчивости глядела вдаль, и вдруг поняла, что перед ней в ночной темноте вырисовывается его лицо. Хотя она была в обиде на него за те месяцы, когда от него не пришло ни одной весточки, ее сердце забилося, она хотела что-то сказать, но так разволновалась, что не могла произнести ни слова. Ей хотелось, чтобы он понял: она его заметила, — и она со вздохом прочла:

Ты, кажется мне, тот, Кого я жду. Я вспоминаю Ночь, Когда увидела луну.

Услышав стихотворение, Вакагими подумал, что, это, должно быть, та самая женщина, его охватило то же желание, что и ее, он приблизился.

Что ж, я не удивлен — Луну, Что ночью Вместе видели, И я не позабыл.

Его голос и облик были неотличимы от Химэгими даже для тех, кто привык слышать и видеть его днем и ночью, а малознакомому человеку ничего другого и в голову не могло прийти. Как и раньше, он стоял и нежно разговаривал с ней. Она была совершенно за себя спокойна: в прошлом она привыкла проводить с ним вечера именно таким образом, отчего бы теперь ему

вдруг повести себя легкомысленно, в обычной для этого мира манере? Вакагими нашел ее более привлекательной, чем он ожидал — очень нежной и милой. Ему не хотелось покидать ее, он тихонько проскользнул в ее комнату и закрыл за собой дверь. Она была удивлена и озадачена.

— Я не ожидала, что вы так нетерпеливы, — она побледнела, но он был так сдержан, что она забыла про свое беспокойство.

Он успокоил ее, и вот уже между ними не осталось преград. Что она могла поделать! Месяцами она с грустью думала о нем, она сама заманила его своим стихотворением. Какая досада! Она расплакалась. Вакагими же подумал, что хотя она и не принадлежит к его кругу, но все равно она вполне привлекательна, и, похоже, она не из тех, привыкших ко всему женщин, что служат во дворце. Он был огорчен, понимая, что она не может стать одной из его жен, но он не сможет и сразу забыть ее. Вакагими говорил с ней нежно и сердечно.

- 27 -

Им не пришлось ждать наступления рассвета слишком долго. Женщина, естественно, чувствовала себя весьма неловко. Вакагими был растерян. Он тихо открыл дверь, месяц был все еще виден, свет проникал в каждый уголок комнаты. Нечего и говорить — мужчина был беспримерно прекрасен. Женщина тоже была очень изящна, она расположилась сразу за раздвижной дверью. Вакагими было трудно попрощаться с нею, он медлил.

А в это время Сайсё по своему обыкновению крался тенью за Вакагими. Когда мужчина стал что-то тихонько говорить, Сайсё прятался за углом и подслушивал. Это был голос Химэгими! Обрадовавшись, он прислушался внимательнее. Мужчина очень нежно говорил о том, что долгое время они были просто друзьями, но теперь так случилось: они «перешли перевал встреч», поэтому впредь им придется беречься людских глаз, он не сможет вести себя только по велению сердца. Женщина горько плакала — боялась, что это их последняя встреча, но даже если они поддадутся желанию, увидеться будет все равно непросто. Они говорили друг другу о том, как это тягостно, и мужчина никак не мог уйти. Сайсё внимательно слушал: «Не может быть! Что все это значит? В последние месяцы Советник без всякого разбора стал вести беседы с самыми разными придворными дамами, он утерял всю свою прежнюю серьезность. То он разговаривает с Тюдзё-но Найси, которая служит государю, то с Сайсё-но Кими, которая раньше служила Распорядительнице женских покоев. Люди шепчутся, что когда он бывает на ночной службе во дворце, останавливается и заговаривает с дамами без всякого повода. Наверное, это преувеличение, чего только не напридумывают люди, это просто невозможно. Но услышанное мною так удивительно, я будто во сне, может ли такое быть, что это не она?» — Сайсё напрягал зрение, желая рассмотреть мужчину.

Вакагими сложил:

Пусть рассвело, Но, видишь, месяц-тень Хранит мою любовь. До

следующей встречи Пусть он напоминает обо мне.

Догадавшись по шороху, что он потихоньку уходит, женщина прочла:

Печальна Жизнь моя. Должно быть, оставаться в мире Мне не дольше, Чем месяцу, когда уж рассвело. - 28 -

Она была очень грустна, но поскольку стало совсем светло, он ушел, так, кажется, и не дослушав. Сайсё увидел его, ошибиться было невозможно, это была Химэгими. Когда мужчина проходил мимо, Сайсё не смог сдержать своего изумления и схватил его за рукав одежды.

— Кто здесь? — Вакагими вздрогнул и обернулся. Это был Сайсё. Быть замеченным в подобном легкомыслии именно им было еще более досадно, чем если бы на его месте оказался кто-то другой.

Вакагими остановился и повел себя так, как будто ничего и не случилось. У Сайсё ручьем текли слезы:

— Ты ведешь себя так, как будто мы не знакомы, я тебе чужой, мы живем врозь, ты обо мне не думаешь. Я так переживаю, я вовсе не хотел заговаривать с тобой, но сердце не повинуется мне, мне так не терпится, что я делаю это вопреки самому себе.

Вакагими улыбнулся:

— С кем это ты провел сегодняшнюю ночь, что не можешь успокоиться? По правде говоря, мне хотелось бы поговорить с тобой спокойно. В самом деле, когда мы были молодыми придворными, мы могли запросто беседовать о чем угодно, и в любой ситуации, даже подобной нынешней, но теперь мы оба достигли высоких чинов, поговорить запросто уже не удастся. У тебя есть причины думать, что я невнимателен к тебе. Прости меня, я найду возможность встретиться, и мы поговорим.

Хотя находясь на некотором отдалении его нельзя было отличить от Химэгими, но при разговоре с ним — когда Сайсё оказался так близко, он смотрелся настоящим мужчиной. Изумленный Сайсё все не отпускал рукава Вакагими. После того, как они расстались, Сайсё ни разу не видел Советника так близко. Уже совсем рассвело, небо было чистым, и Сайсё внимательно рассматривал его лицо. И тут он вдруг заметил следы усов. «Боги! Кто это? Если это не она, куда она пропала?» — Сайсё никак не мог решить, кто перед ним, и не отрывал взгляда от Вакагими. Воображая себе, какие мысли проносятся в голове Сайсё, Вакагими, естественно, ощущал неловкость. Было уже совсем светло, сцена выглядела неприличной. После этого Вакагими отправился в Сверкающий дворец, разбудил дам, и отправился встретить сестру.

- 29 -

Сайсё все возвращался мыслями к своему необычному открытию. Он понял, что прежний Советник и Советник нынешний — лица разные. Но от этого его страсть только усилилась. «Ах, если бы еще раз спокойно с ней

встретиться, рассказать все, что у меня на сердце, посмотреть на нее! Так или иначе, этот человек должен быть одной с ней крови!» — думал Сайсё. Только задул принесший прохладу вечерний ветерок, как Сайсё был уже у Советника в его особняке на Второй линии.

В это время сам Вакагими находился в доме Удайдзина, на Второй линии было безлюдно и тихо. Раздосадованный Сайсё хотел уже было уйти, как услышал доносимые ветром тихие и несказанно прекрасные звуки китайского кото. Придя в волнение, он некоторое время слушал, к китайскому кото присоединились тринадцатиструнное кото и бива. То замирающие, то возникающие вновь звуки китайского кото были совершенно восхитительными и такими необыкновенно манящими, что Сайсё вернулся обратно и потихоньку устроился в густой высокой траве у ограды к югу от главных ворот. Верхняя часть решеток южной и восточной сторон главного дворца были подняты, музыка доносилась, безусловно, оттуда. Сайсё разволновался — ему не терпелось увидеть музыкантов. На безоблачном небе появилась луна, дождавшаяся, наконец, своего часа, когда прекратился затяжной летний дождь. Молодой женский голос произнес:

— Небо очистилось, так необычно для этого времени года! Нас никто не увидит, давайте полюбуемся.

Женщина подняла занавеску и вышла наружу. Сайсё обрадовался и смотрел во все глаза. На ней было простое белое домашнее платье. Она была привлекательна и молода, за ней последовали еще две дамы, которые уселись на пол открытой веранды. Та, что играла на тринадцатиструнном кото, оставалась с той стороны поднятой занавески, но теперь и она оказалась здесь же. Она выглядела очень хрупкой, по длине волос и прическе было видно, что она очень юна. Те, что играли на китайском кото и бива, уселись на пороге. Они смотрели в сторону Сайсё, и при свете луны он хорошо видел их.

Та, что играла на китайском кото, находилась чуть в глубине, она прилегла на бок, отодвинув инструмент и задумчиво смотрела на луну, ее глаза, лоб, голова, волосы имели вид благородный и обворожительный, и говорили о необыкновенно высоком происхождении. Сайсё внимательно рассмотрел ее, и остался доволен. Есть в мире женщины, на которых понимающему человеку приятно посмотреть! Вдруг он отвернулся и с презрением подумал: «Да ведь это же дочери принца Ёсино! Даже такие женщины, если они рождены и воспитаны вдали от света, не могут быть без изъяна!» Эти женщины больше не интересовали его, но, как ни странно, он все же продолжал внимательно наблюдать за ними. Ему показалось, что одна из них — старшая принцесса Ёсино — немного напоминает Распорядительницу женских покоев из Сияющего дворца, но та, хотя и была хороша собой, была несколько выше ростом, чем он представлял себе. Тогда он гладил ее, он не был разочарован, но на нее было бы приятнее смотреть, если бы она была поменьше. А эта такая хрупкая, будто бесплотная, она замечательно благородна и обольстительна. Сайсё почувствовал волнение, его прежняя влюбчивость, которая, казалось,

бесследно исчезла, оставив ему только равнодушие, вдруг вернулась снова. Другая женщина — младшая принцесса Ёсино — склонившаяся к бива и любовавшаяся садом, была очень пухленькая, обаятельная и юная, она была прелестна. Обе женщины были замечательны во многих отношениях. «Среди тех дам, что мне довелось увидеть, Распорядительница, Ённокими и исчезнувшая неизвестно куда моя Дева Удзи — все они имели в своем роде неповторимую внешность, но эта... Пусть по прелести и изяществу ей и не сравниться с Ённокими, по обаянию и благородству ей нет равных, а дама с бива никому не уступит в очаровании и юном изяществе».

Теперь Сайсё наблюдал за ними, позабыв про цель своего посещения, его намерения изменились. Луна восходила по совершенно безоблачному небу, и просветляющие сердце звуки не принадлежали, казалось, этому миру. Даже небесные феи, в давние времена спустившиеся на землю, привлеченные игрой на флейте некоего Тайсё,[23] верно, были бы зачарованы. Та, что играла на китайском кото, села и стала чуть слышно перебирать струны — бесподобные звуки. Не только звуки были неподражаемы и очистительны для сердца, сама манера ее игры была давным-давно забыта в нашей стране, и людей, которые могли бы так играть, уже не существовало. Удивительно, что она владела такими приемами.

Звуки лились в ночь, залитую светлой луной, Сайсё плакал. Чем можно взволновать сердце, которое и так полно беспредельным страданием! Сайсё захотелось увидеть ее поближе. Но ведь он пришел сюда, чтобы поговорить с Советником, а на такую деву все равно никогда не намотришься. Впрочем, Сайсё не хотел никаких осложнений, не хотел, чтобы его посчитали за сластолюбца, и хотя у него была мысль подойти поближе, он понимал, что этого не стоит делать. Поэтому хотя его сердце и пылало, он, вопреки своему обыкновению, остался на месте. «Если это младшая сестра, ничего страшного не случится, даже если я и заговорю с ней, можно и поближе подойти, а не любоваться ею издалека. Однако не подобает проявлять такое любопытство в доме Советника. Что же мне делать?» — в сомнениях размышлял Сайсё.

Луна скрылась и женщина с китайским кото тоже ушла. Девушка с бива все смотрела в сад, с улыбкой беседуя о разных пустяках с той, что была с тринадцатиструнным кото. Они рассказывали друг другу о том, что им запомнилось: об их доме в горах Ёсино, о той поре, когда прекрасны цветы, красные листья клена и снег — словом, о тех пустяках, которые невольно всплывают в памяти. Сайсё мог бы бесконечно слушать их, но решил, что будет крайне неприятно, если его заметят, и он потихоньку ушел. Однако, как бы мало места ни оставалось в его сердце, «свою душу он оставил в ее рукаве...»

Сайсё весьма сожалел, что не дал понять младшей принцессе Ёсино, что видел ее, и теперь к тоске по Химэгими прибавилась тоска еще и по ней. Хотя он знал многих женщин, все они оставили его, уже долгое время свои дни и ночи он проводил в одиночестве, и потому он так досадовал, что не посмел приблизиться к этой женщине с бива, не поговорил с ней. Он вспоминал ее

невинную красоту. «Если бы только подойти и поговорить с ней! Интересно, какие планы имеет на ее счет Советник?» Сайсё вновь полюбил, и это несколько успокоило его смятенное сердце. Вакагими же подумывал «Что ж, может, пусть младшая принцесса Ёсино выйдет замуж за Сайсё? Это будет хорошо и для Химэгими. Хотя она и напускает на себя равнодушный вид, но на самом деле страшно переживает за своего сына. Если же этот брак не состоится, как она сможет узнать о нем?»

- 30 -

В десятых числах шестой луны, в части усадьбы, предназначенной для Химэгими, возле пруда с источником был отстроен Павильон для рыбной ловли. Когда повеяло приятной прохладой, сюда в сопровождении младшей сестры явилась старшая принцесса Ёсино. Гости — сановники и придворные — с полудня развлекались здесь, увеселяя себя сочинением китайских и японских стихотворений. Когда появилась луна, Вакагими отправил приглашение Сайсё. За ним был послан племянник матери по имени Хёэносукэ.

Я не надеюсь, Что захочешь Хозяина увидеть. Но, может быть, Придешь к луне?

— Мне поручено сопроводить вас, — сказал посланный.

Сайсё растерялся — не знал, как ему поступить. Чуть успокоившись, он написал:

Как ни был бы хорош Тот дом, Где луна проживает, Желаю одного — Хозяина увидеть.

— Возвращайтесь и скажите, что я скоро буду, — сказал Сайсё.

Надушив великолепными благовониями свою одежду, он отправился к Советнику.

Свет луны освещал каждый уголок Павильона для рыбной ловли. Вакагими, одетый в изящный повседневный костюм, поджидал Сайсё, развлекая себя то тихим пением, то игрой на флейте. Он протянул гостю бива и настойчиво попросил сыграть. Вспомнив ту женщину, что играла на бива той ночью при свете луны, Сайсё подумал: «Мне никогда не сыграть так, как она», — и не решался прикоснуться к струнам.

— Вообще-то я пригласил тебя не только для этого, — сказал Вакагими и заиграл на флейте.

Сайсё чуть коснулся струн — чистые и прекрасные звуки полетели ввысь. Флейта Вакагими была бесподобна. Саэмон-но Ками заиграл на тринадцатиструнном кото, Сайсё-но Тюдзё — на губном органе, Бэн-но Тюдзё на дудочке, Курахито-но Хёэносукэ пел, отбивая такт веером. Его голос был особенно хорош, когда он пел о журавле, живущем десять тысяч лет. Получился настоящий музыкальный вечер, все было весьма изящно и пленительно, но в сердце Сайсё все время звучали звуки того китайского кото.

— В такую ночь хорошо бы и дамам присоединиться к нам, — предложил Сайсё.

Вакагими подумал, что если младшая принцесса Ёсино станет играть на китайском кото, то это несомненно взволнует сердце Сайсё.

Уже множество раз чарки прошли по кругу, все были возбуждены, стояла глубокая ночь. Сайсё никак не мог успокоиться, гадая, что же все-таки должно произойти? Быть может, здесь, за этими бамбуковыми шторами, находится его Дева Удзи? Там было тихо. Сайсё был взволнован. Хотя за обычным бамбуковым занавесом поставили еще передвижные занавески на раме, и женщины пытались скрыть даже шуршание одежд, но Сайсё чувствовал, что там кто-то есть. Дамы, которых он видел той самой ночью, были необыкновенно хороши, стыдно, если они наблюдают за ним, чувства Сайсё были в смятении, однако он ничем не обнаружил своего смущения. Но вот пришло время расходиться, и Сайсё подошел к Вакагими.

— Ты ведь неспроста пригласил меня? Может, у тебя есть для меня какой-нибудь подарок? — спросил Сайсё.

— Зачем мне упускать такую возможность? Если ты получишь что-нибудь необыкновенное, может, и твои обиды исчезнут навсегда? — с улыбкой спросил Вакагими.

Если только То Дева Удзи... Другой Тоски моей Не унять.

Произнес Сайсё, стараясь скрыть слезы.

Дева Удзи Ждала — не дождалась. От тоски Утопилась В реке.

— Выходит, подарок тебе не нужен. Ну что ж, забудем про это, — сказал Вакагими недовольно.

Все это было так странно, вовсе запутавшись, Сайсё не мог понять, в чем тут дело. Даже если речь идет не о Деве Удзи, этой ночью он не хотел остаться без подарка, он притворился будто пьян и тоскует.

— Я сегодня никуда не уйду. Встречу рассвет здесь, перед занавесом. И ничего ты не сделаешь! — воскликнул он.

Вакагими ответил:

— По правде сказать, не самое удачное место. Лучше пройди сюда.

Вакагими провел Сайсё за занавес, а сам в сопровождении жены отправился к себе.

- 31 -

«Кто там? Может, Дева Удзи?» — с бьющимся сердцем Сайсё приблизился к женщине за занавеской. Она явно смущалась, очертания рук, весь ее облик были прекрасны. Тут Сайсё понял, что это, должно быть, та девушка, что при свете луны играла на бива. Значит, это не Дева Удзи — Сайсё опечалился. Он увидел совсем не ту женщину, и почувствовал, что его сердце безутешно.

Между тем, и нрав, и облик женщины казались превосходными, она была изящной, юной, мягкой. Ветреный, как трава «луноцвет», Сайсё, хотя и не забыл тех женщин, которых он любил, почувствовал, что его сердце успокоилось больше, чем наполовину — ведь с того часа, как он заприметил ее той ночью при свете луны, ее образ волновал его. Сайсё долго говорил то, что приличествует случаю. Огорчившись, что остаток ночи слишком быстро превратился в рассвет, Сайсё и тогда не оставил ее. Узнав об этом, Вакагими удивился и послал им воды для умывания и риса к трапезе. Отправленные прислуживать им дамы принарядились.

Когда они поднялись с постели, солнце стояло уже высоко. Сайсё посмотрел на женщину. Ей никак не больше двадцати, она молода и безукоризненно прекрасна, блестяща и соблазнительна, на нее хочется смотреть и смотреть. Сайсё решил, что она не уступает даже той, неподражаемой, он немного успокоился и повеселел. В разговоре младшей принцессы Ёсино обнаруживалась некоторая робость, но она не была слишком удручена. «Как раз то, что надо!» — подумал Сайсё. Когда они беседовали, казалось, что она высказывает не все, Сайсё решил, что она была бы образцовой женой. Весь день они провели в разговорах.

- 32 -

Тем временем от Вакагими прибыл посыльный.

«Я много выпил и был слишком груб, я должен прийти извиниться, но я в некотором смятении, не придешь ли ты сюда сам?» — писал Вакагими.

Сайсё отправился к нему. Ему было приятно видеть это еще заспанное лицо. Советник говорил мягко, но ни словом не упомянул волны реки Удзи, а это было очень мучительно.

— Я думаю, она оставила меня оттого, что считает меня жалким и никчемным человеком. И отчего все это время она не интересуется малышом, мне неизвестно даже это. Прежде она любила меня, ждала с нетерпением, радовалась мне, отчего же так вышло? Я чувствую себя, как во сне, я совсем растерян. Как мне теперь быть? Что до ребенка, я о нем забочусь и считаю памятью о той, что ушла неизвестно куда, но поскольку у меня есть мужские дела, я не могу быть с ним все время. И в те дни, когда я слишком занят и не могу видеть его, я чувствую угрызения совести. И потому мне хотелось бы отдать его на воспитание младшей принцессе Ёсино — тогда я буду спокоен. Я думаю, она сумеет полюбить его, хотя, может, я и говорю глупости, — Сайсё плакал, не умея скрыть слез. Вакагими был тронут:

— И вправду, ты не можешь думать иначе, я это прекрасно понимаю, но это не моя ошибка, и не вина той женщины, так что не станем об этом говорить. Думаю, если бы не младшая принцесса Ёсино, тебе было бы еще труднее забыть обиды последних месяцев. Наверное, то, что случилось, кажется тебе неожиданным, но ведь ты не сочтешь ее недостойной. Ты изведal слишком много несчастий, и твоя душа погружена во мрак.

— Ты прав, она успокоила мое сердце, а иначе мне было бы трудно снести то, что случилось в моей жизни.

- 33 -

Конечно, обрести свое место в усадьбе Вакагими было гораздо лучше, чем жить взаперти вдвоем с сыном, проводя дни и ночи в слезах. Сайсё при каждом удобном случае навещал Вакагими, их сердца бились в едином порыве, когда они играли на хото и флейте или занимались науками. Младшая принцесса Ёсино часто встречалась с Сайсё, она не видела в нем изъянов, была очень счастлива и крепко полюбила его. Вакагими тоже был счастлив.

Люди говорили: «Младшую принцессу Ёсино, сестру жены Советника, теперь посещает Сайсё». «Советник сам свел их». «Отношения между Советником и Сайсё, расстроившиеся из-за истории с Ённокими, теперь совсем исправились. Какое замечательное у Советника сердце! Никто не мог такого ожидать — Советник повел себя так, как никто другой не сумел бы». «Даже в таком положении он не сплеховал». «А Сайсё? Он ведь такой сластолюбец...»

Сайсё знал, что о нем говорят, но ему никак не удавалось измениться сердцем, хотя не раз и не два он обещал себе это. Образ той женщины, которую он видел при свете луны играющей на китайском кото — старшей принцессы Ёсино — не оставлял его. Несмотря ни на что, он искал случая встретиться с ней, но она вела себя совершенно недоступно, и у него не появлялось даже малейшей возможности заговорить с ней. Это мучило Сайсё.

- 34 -

В седьмую луну Химэгими призналась государю, что она на пятом месяце беременности и покинула дворец. Вакагими был счастлив. Химэгими, снова будучи в положении, вспоминала о своем первенце.

Тогда она была так растеряна и беспомощна, ей пришлось скрыться — оставить общество и все свои дела, она проводила свои дни в печали, Сайсё пренебрегал ею и ей пришлось превратиться в Деву Удзи. Ничего этого забыть она не могла. Теперь Сайсё породнился с Вакагими и, как только Вакагими возвращался домой, тут же появлялся и Сайсё, он бродил по дому, непринужденно беседуя с тамошними дамами. Когда-то давно у нее в привычку вошло слишком много времени проводить вместе с Сайсё, они ничего не скрывали друг от друга, и в конце концов он понял, что она — не мужчина, ее тайна была раскрыта, и они обменялись любовной клятвой. Их любовь была так сильна! А еще она вспоминала невинную улыбку их сына. Заслышав голос Сайсё, она всякий раз печалилась, бывало, что и слезы начинали капать из глаз, но она боялась людских глаз, а потому немедленно вытирала слезы.

- 35 -

Было решено, что Ённокими будет рожать в усадьбе на Второй линии, и в восьмой луне она переехала туда. Теперь Вакагими постоянно находился с ней и был совершенно безупречен в своей заботливости. Ённокими постеснялась

взять с собой дочерей, Вакагими не стал понапрасну тревожить ее расспросами, а вот ее отец решил: видно, то, что говорили о ней люди — не пустая болтовня.

В первых числах девятого месяца Ённокими благополучно родила сына. И Садайдзин, и Вакагими были счастливы. На сей раз не было никаких причин для сомнений, все обряды прошли должным образом. Садайдзин сам входил во все обстоятельства и выглядел очень довольным. Когда весть о рождении сына Ённокими дошла до Химэгими, ей многое вспомнилось. И то, что случилось в седьмую ночь после рождения первой дочери Ённокими, и ее вторые роды — сама она тогда жила в заточении, и ее положение было мучительным, поэтому о Ённокими она ничего толком не знала. Химэгими предалась воспоминаниям, которые показались ей странным сном. Мальчик, родившийся у Ённокими на этот раз, был очень похож на сестер, но в то же время это был вылитый Вакагими. Это было так замечательно — Удайдзин был счастлив.

- 36 -

Теперь настала очередь Химэгими, и теперь все беспокоились только о ней. Роды прошли на удивление легко, она родила мальчика. Поскольку долгие годы в стране не было наследного принца, о его ниспослании молились днем и ночью, и, может быть, в ответ на эти многочисленные мольбы богам и буддам, так и случилось. То, что матерью оказалась именно эта ослепительная, несравненно прекрасная женщина, всеми было воспринято с радостью, как редкостное счастье. А уж какие проводились пышные церемонии, понятно и без слов. Обряд третьего дня проводил Садайдзин, пятого — глава службы дворца престолонаследника, седьмого — распорядитель государева дворца, девятого — Вакагими. Все старались превзойти друг друга, старались изо всех сил — вот и получалось все чудесно. Вдобавок к положенным в таком случае церемониям, устраивались бесконечные шумные празднества и увеселения. Химэгими не могла забыть то время, когда родился ее первенец. Новорожденный принц был очень красивым и главное, он был государевой крови, но все же, когда она думала о том ребенке, которого родила в тайне от всех, она становилась очень печальна, и слезы текли у нее из глаз.

Того мужчину Силюсь я забыть. Зачем же он, Прощальный подарок? Забыть он не дает.

Вот что она ощущала.

- 37 -

В это время был назначен Великий министр; оставаясь Командующим правой гвардией, Вакагими получил должность Внутреннего министра. Другие придворные тоже получили повышения, а Сайсё назначили Старшим советником. Радуясь происходящему, он вспомнил прошлое. Это было, когда он стал Средним советником: Химэгими увидела стихотворение Ённокими «о том, о ком не знают люди», и хотя она ничего не сказала, но у него появилось какое-то предчувствие. Воспоминание было таким ярким, будто это случилось только сейчас. Сайсё радовался повышению, но воспоминания печалили его, он

плакал.

- 38 -

Сайсё привез сына и отдал его на воспитание своей жене, младшей принцессе Ёсино. Малыш показался ей очень милым, она обнимала его, заботилась о нем. Сайсё был доволен. Кормилица мальчика еще раньше решила, что бесследно исчезнувшая при загадочных обстоятельствах мать мальчика — дочь принца Ёсино, и теперь, когда та вдруг оказалась женой Сайсё и ей был отдан мальчик, полагала, что это и есть та женщина, которая пропала неизвестно куда, и о которой вздыхал Сайсё. Кормилица радовалась и печалилась одновременно, ей хотелось услышать о том, что произошло с матерью мальчика за эти месяцы. Мальчик был так мил, что принцесса Ёсино даже не стеснялась кормилицы, и та могла — пусть и мельком — видеть ее. Нет, это была не она. Кормилица досадовала и недоумевала, но она убедилась, что принцесса Ёсино была красива и заботилась о малыше еще лучше настоящей матери, этим кормилица утешала свое сердце — смятенное, тоскующее и печальное. Когда господин отсутствовал, кормилица всегда была вместе с принцессой Ёсино и они разговаривали — доверительно и тепло. Кормилица радовалась и плакала, ничего не тая, рассказывала, как необыкновенно грустна и красива была мать мальчика, когда расставалась с ним. Младшая принцесса Ёсино тоже плакала:

— Как трогательно! Я только смотрю за ним, но теперь и мне было бы мучительно расстаться с ним. Что же должна была чувствовать мать, когда оставила его и бесследно исчезла! — сказала принцесса.

— Я-то думала, что вы и есть его мать. Когда мальчика повезли сюда, у меня и в мыслях не было, что вы — не она, поэтому я хотела увидеть вас поскорее. Но хоть вы и другая, мне очень радостно, что вы даже еще теплее и лучше, чем она. Но все же куда запропастилась та женщина и что с ней случилось? Мысль об этом не оставляет меня. Не может ли матерью мальчика быть ваша сестра, старшая принцесса Ёсино? — по секрету спросила кормилица.

Младшая принцесса Ёсино улыбнулась:

— Вы думали встретить мать мальчика, а увидели человека совершенно постороннего, понятно, что вам неловко. Сестра у меня только одна, и она никак не может быть матерью мальчика. Почему вы приняли ту женщину за одну из нас? Оттого ли, что дело такое загадочное, вот вы и стали подозревать меня или сестру? — спросила младшая принцесса Ёсино. Она была очень обаятельна и красива.

Расспрашивать дальше было бесполезно, но кормилица никогда не забывала об этой истории.

- 39 -

Новый год пришел на смену старому вместе со множеством трогательных

и счастливых событий. Поскольку долгое время наследного принца в стране не было, то место, полагающееся наследнику, занимала Принцесса, дочь прежнего государя, но по причине долгой болезни она не хотела оставаться наследницей престола, и в первую луну, когда прошло пятьдесят дней после рождения принца, он был объявлен наследником престола. Принцесса, бывшая престолонаследница, приняла постриг и стала зваться Государыней-инокиней. Поскольку Распорядительница женских покоев была так близка с Принцессой, брат Распорядительницы навещал Государыню-инокиню и очень сердечно заботился о ней. Прежний государь был всем этим очень доволен. Итак, сын Химэгими стал наследником престола, а саму ее государь признал законной женой. А чуть позже, в четвертую луну, она получила титул государыни. Церемонии по этому поводу были необыкновенно пышными. Многие годы так ждали рождения престолонаследника, что теперь все были очень счастливы. Поскольку Сайсё был на дружеской ноге с Вакагими, его назначили Главой канцелярии государыни. Он вспомнил ту давнюю ночь, которую он провел с Распорядительницей женских покоев, и очень расчувствовался. Ему и в голову не пришло, что государыня — это и есть его Дева Удзи. Как жаль, что он не догадался об этом!

- 40 -

Мальчик, рожденный в Удзи, уже вполне сносно говорил, он бегал и играл, а Сайсё снова и снова вспоминал то, что никогда не мог забыть. Он так и не понял, что же все-таки произошло. Может быть, младшая принцесса Ёсино знает, что случилось? Время от времени он пытался расспросить ее, но она, вроде бы, ничего не знала. И вот, обуреваемый беспокойством, он снова спросил:

— С какого времени Советник стал бывать в Ёсино?

— После того, как он получил должность Среднего советника, он время от времени стал приезжать к нам, — ответила она.

— А с какого времени он живет с твоей сестрой? Как это получилось? — Сайсё хотел добиться обстоятельного ответа.

— Мне кажется, с позапрошлого года, но я точно не знаю, — она что-то скрывала и не хотела об этом говорить.

Сайсё обиделся.

— Я все время думал, что не смогу это пережить, заболел, был на пороге смерти, но с тех пор, как вдруг увидел тебя, желание жить пересилило, я понял, что уже никогда не смогу расстаться с тобой, я бесконечно люблю тебя, поэтому я ничего не хочу от тебя скрывать, мне горько, что ты не рассказываешь мне всей правды, это бессердечно. Если ты хоть чуть-чуть любишь меня, расскажи мне все, что ты знаешь о том, что так тревожит меня, — просил Сайсё.

Принцесса Ёсино улыбнулась:

— Мне нечего тебе больше сказать. Это твоему сердцу есть, что скрывать от меня, ты не хочешь рассказать все, как было. Я понимаю тебя, но что я могу ответить?

Она была права, и он улыбнулся.

— Я вовсе не имел в виду, что ты сама что-то скрываешь. Конечно, бывает такое, о чем мне самому рассказать трудно. Но все равно я прошу тебя открыть мне все. В ответ на твою откровенность, я тоже расскажу тебе все с самого начала.

— Если тебе самому трудно быть откровенным, как могу я — не зная что ты действительно имеешь в виду — что-то поведать тебе. У меня только одно желание — любить тебя всем своим сердцем, — засмеялась жена.

Она была такая милая! Он смотрел на нее счастливыми глазами. Если бы она была другой, как был бы он несчастен!

Младшая принцесса Ёсино догадывалась, что хочет знать ее муж, хотя он и не говорил с ней прямо, она считала случившееся печальным и необъяснимым. Она знала: Сайсё страдает именно из-за необъяснимости произошедшего. Но разве ее рассказ успокоит его? Вот почему она промолчала. Он был расстроен и обижен, и по-всякому подступался к ней.

— Просто реши для себя, что все случилось так, как то предопределено судьбой. Если даже ты узнаешь правду, что толку все время думать об этом, ты станешь тосковать еще больше — только и всего. К тому же можно повредить репутации той женщины, а это нехорошо, — сказала младшая принцесса Ёсино.

Она не сказала ему того, что знала, и это было мучительно, но он ничего не мог поделать. Скрытность принцессы Ёсино терзала его даже больше, чем его незнание — куда скрылась та, другая? — но он не стал этого говорить.

- 41 -

Шло время, государыня родила еще трех девочек. Стать государыней было ее судьбой, ее грехи были прощены. Вместе с тем многие другие дамы завидовали ей. Вторая дочь Удайдзина, которая пришла во дворец раньше всех, считала, что именно ей назначено быть государыней, она не захотела смириться с произошедшим и оставила двор. Получив это известие, Химэгими подумала: «Когда-то я заплатила сполна за свой брак с Ённокими тем, что Удайдзин днем и ночью упрекал меня, потом, когда я стала Девой Удзи и все время ждала Сайсё, я заплатила тем, что именно из-за нее Сайсё стал жесток со мной. А теперь из-за меня дочь Удайдзина обижена на весь свет и заперлась у себя. Несмотря на то, что связь между нашими домами так глубока, взаимные обиды не знают конца, можно лишь сожалеть, что так получилось!»

Ённокими родила Вакагими трех мальчиков подряд. Его сын, отданный на воспитание в дом деда, теперь подросток и был представлен ко двору. У старшей принцессы Ёсино своих детей не было, это ее печалило, она считала сына Вакагими за своего и трогательно заботилась о нем. Он же постоянно посещал

и свою настоящую мать — Государыню-инокиню. Сэндзи, которая присутствовала при его рождении, да и другие, смотрели на него с любовью — ведь он был одной крови с государыней. Вакагими попрежнему любил его мать — Государыню-инокиню, с самим мальчиком он тоже оставался близок. Сэндзи пускала мальчика в женские покои, где он любил забавляться и играть. Государыня-инокиня жила затворницей, но это никак не сказывалось на ее любви к этому очень красивому и сильно выросшему мальчику, она думала о нем с искренней теплотой.

Младшая принцесса Ёсино родила Сайсё двух девочек и мальчика. Старшая племянница особенно нравилась старшей принцессе Ёсино, ее и сына мужа она считала за родных детей.

- 42 -

Сын Сайсё, тайно ото всех появившийся на свет в Удзи, теперь вырос, и тоже был представлен ко двору, как и старший сын Вакагими. Видя его, государыня каждый раз печалилась и грустила — ведь он ничем не уступал ни наследному принцу, ни ее дочерям. Тихим ленивым весенним полуднем, старшая дочь государыни и сын Сайсё, заигравшись, вбежали к ней. Дети были очень похожи, но мальчик пока был чуть красивее и необыкновенно обаятельным. Государыня так радовалась и печалилась, что и не скажешь. Рядом с государыней никого не было. Она тихонько позвала детей к себе, принцесса вошла, но мальчик остался снаружи.

— Ты тоже иди сюда. Это вовсе не страшно, — сказала государыня.

Он приподнял занавеску. Когда она увидела, как он поразительно красив, она вспомнила — как будто это случилось только сейчас! — тот вечер, когда она потихоньку передала его кормилице и покинула Сайсё. Даже сейчас это воспоминание заставило ее сердце сжаться. Чтобы не испугать мальчика, она пыталась сдерживать слезы, но напрасно... Осушив слезы и успокоившись, государыня спросила:

— А где твоя мать? Что тебе говорит отец?

По мере того, как мальчик вырос и начинал кое-что понимать, он стал беспокоиться, что случилось с его матерью. И отец, и кормилица о ней днем и ночью, они тосковали и плакали, никто не знал, где она. Государыня показалась мальчику молодой и красивой, она плакала и волновалась, когда расспрашивала его. Ему вдруг пришло на ум, что, может быть, это и есть его мать, он тоже разволновался. «Но она вовсе не такая, какой я представлял свою мать, и уж никак не скажешь, что никто не знает, где она», — думал мальчик совсем по-взрослому, он вдруг посерьезнел и ничего не ответил. Государыня огорчилась, не зная, что у него на уме, она пристально посмотрела на него, прижала рукав к лицу, и заплакала. Мальчик опустил голову, у него тоже потекли слезы. Государыне стало так жаль его, что она немного придвинулась и погладила его по голове.

— Я знаю твою мать. Она помнит тебя и страдает, мне печально это

видеть, поэтому я тебя и спросила. Твой отец, должно быть, считает, что ее уже нет на этом свете. Никому не рассказывай о нашем разговоре. И только в своем сердце знай, что она жива. В удобное время приходи сюда. Я потихоньку устрою вашу встречу.

Мальчик казался очень растроганным, он склонил голову в знак понимания, он был так хорош, что она почувствовала, как трудно ей с ним расстаться. Девочке не терпелось бежать, она крикнула: «Ну же, скорее!» — и потащила его прочь. Государыня осталась наедине со своей беспредельной печалью, она проводила его взглядом, потом легла. Сколько ему, одиннадцать? Его по-детски распушенные волосы красиво струятся по спине, он так трогательно почтителен с принцессой.

Все журавлята Вернулись в родное гнездо. Отчего же этот Летает высоко в облаках И стал мне чужим?

Государыня зарыдала. Пока она была с детьми, появился государь — он подсматривал в щелку. Разговаривая с мальчиком, государыня сидела напротив него и плакала. Это показалось государю странным, он наблюдал за происходящим, не проронив ни звука. «Вот оно что! — услышанное навело государя на догадку. — Мальчик, выходит, — сын государыни. Я знаю, что Сайсё не расстается с ним, он никому не говорит, кто его мать, днем и ночью он утопает в реке слез. Похоже, я прав. Говорят, что давным-давно она сильно заболела, даже Принцессу навещать перестала, полгода жила затворницей, наверное, тогда это и случилось». Потом государь прикинул, сколько лет может быть мальчику, и понял, что все сходится. Годами государь, хоть и не показывал вида, переживал из-за того, что не знал, кто был с государыней до него, и теперь, когда ему все открылось, он испытал удовлетворение. «Ее отец все знал, но не позволил ей выйти за Сайсё. Я-то боялся, что это какой-нибудь дурачок, который и любить-то не умеет, но раз речь о Сайсё, то он мог стать хоть государем — настолько он совершенен. И обхождение, и манеры, и внешность у него непревзойденные, верно, и их любовь тоже была необыкновенной. Садайдзин, конечно же, мечтал, чтобы она заняла самое высокое положение, но Сайсё такой легкомысленный и ненадежный, истории вроде той, с дочерью Удайдзина, случались с ним нередко, а глубокого чувства он бежит, поэтому, видно, Садайдзин отверг его. Но, видно, и он, и она в глубине сердца беспокоятся друг о друге», — с болью подумал государь.

- 43 -

Государю хотелось бы узнать об этом деле по-больше. Как ни в чем ни бывало он вошел к государыне. Государыня незаметно смахнула слезы и встала с постели.

— Я никогда не обращал внимания, что этот мальчик, который приходит играть с нашими детьми, так на них похож. Тебе, должно быть, кажется странным, что я до сих пор этого не заметил. Твой брат и Сайсё — уже высшие сановники и я думал, что таких красавцев, какими они были в свое время, больше не сыщется, но у них много детей, и они не уступают отцам. Мир

движется к концу, но замечательные люди, кажется, не переводятся. Этот мальчик и сын твоего брата, которого воспитала его жена, похоже — особенно замечательные. Странно только, что никто не знает их матерей. Что до сына твоего брата, то поговаривают, что его мать — Государыня-инокиня. Может быть, и так, по виду он самых благородных кровей, да и обаяние его... Полагаю, я прав. А вот о другом никто даже не шепчется. Может кто-то и знает, но мне отчего-то никто не говорит, — сказал государь, хитро улыбаясь.

«Что, если государь видел меня с мальчиком, подумал, что это как-то странно и заподозрил неладное», — расстроилась государыня. Она сказала:

— Не знаю. Что до сына моего брата, все может быть, но ваши слова обидны для Государыни-инокини. Может, это все-таки кто-то другой? Я находилась рядом с Принцессой неотлучно, как могло случиться, что мне об этом неизвестно?

— Что ж, все так и говорят, что только ты можешь знать правду. Ладно, ничья репутация от этого не пострадала, ну и хорошо. А раз так, можешь считать, что я тоже ни о чем не догадываюсь. А о матери другого мальчика тебе что-нибудь известно? Мне хотелось бы это знать, — сказал государь.

Поскольку государыне ответить было нечего, она покрасилась краской и отвернулась. Как прекрасна она была! Согрешила ли она, оступилась ли — не имеет значения: никакой вины не остается на ней — стоит лишь увидеть, как она красива. За то время, что они были вместе, государь полюбил ее по-настоящему. Что бы там ни случилось в ее прошлом, государь с годами любил ее все сильнее. Отчего же теперь любить ее меньше? Они легли отдыхать рядом друг с другом.

- 44 -

Сын Сайсё, находясь под впечатлением разговора с государыней, отправился домой. Он был очень взволнован. По секрету он сказал своей кормилице:

— Я тут видел одну женщину, думаю, что это моя мать. Она сказала мне: «Только не говори отцу», — так что и ты молчи, — мальчик растрогался, его глаза были полны слез.

Кормилица была удивлена, взволнована и опечалена.

— Как это может быть? Где же она? Откуда ты знаешь, что это она? Как она выглядит? — спрашивала кормилица.

— Она очень молодая и красивая, она даже немного красивее и благороднее, чем моя нынешняя мать. Она не сказала мне, что она — моя мать, она сказала только: «Знай, твоя мать жива», — и при этом сильно плакала, — произнес мальчик, он был очень взволнован, но где он видел ее, не выдал.

Кормилица забеспокоилась.

— Твой отец и во сне и наяву так грустит и печалится о ней, уж очень

хочется дать ему знать, что она жива. Отчего она скрывается? Как ты ее встретил?

— Она велела ничего не говорить отцу. Когда я увижу ее снова, спрошу разрешения, и если она позволит, тогда скажу. А пока молчи, — строго произнес он, и кормилица увидела, что это уже не ребенок, а очень красивый и разумный юноша.

- 45 -

По правде сказать, та дама из Живописного павильона, если бы вдруг Советник перестал ее навещать, и их отношения оборвались, была бы этим огорчена, но он продолжал при удобном случае тайно беседовать с ней, и у них родилась очень красивая девочка. У Вакагими еще не было дочерей, если не считать девочек Ённокими, и это его очень расстраивало. Он хотел бы воспитывать дочь в своем доме. Но жена государя — Дама из Живописного павильона — постоянно вздыхала, что вот и девочки у нее нет, поэтому когда ее сестра родила такую красивую дочку, она очень ее полюбила и не соглашалась расстаться с ней. Вакагими решил: хорошо, если девочка будет под опекой жены государя. После того, как Химэгими стала государыней, другие жены часто проявляли недовольство, отчего нередко случались неловкости и неприятности. Но с рождением девочки все пошло по-иному, Вакагими стал проявлять к Даме из Живописного павильона сочувствие и по-всякому помогал ей. Как бы там ни было, она теперь старалась скрыть свои обиды.

- 46 -

Шло время — за месяцем месяц, за годом год. Вышел в отставку Садайдзин, Удайдзин занял пост Великого министра, Вакагими был назначен Левым министром и Канцлером, Сайсё сделался Внутренним министром и Командующим правой гвардией. Их сыновья повзрослели, все они стали гвардейскими командирами и секретарями государственного совета. Государь оставил престол, наследный принц занял трон, а его младший брат был объявлен наследником престола. Старшая дочь Ённокими вошла во дворец женой государя и поселилась в Павильоне глициний. Девочка, рожденная в Живописном павильона, стала женой наследного принца. Словом, настало время несравненного счастья и процветания, и только — несмотря на то, что с годами все так изменилось, — рукава одежд Сайсё никогда не просыхали от слез, стоило лишь ему подумать о волнах реки Удзи, где так неожиданно закончилась его любовь. Его сын, гвардейский командир третьего ранга, стал взрослым, и Сайсё видел, что он превзошел других лицом, обликом и талантом. «Что было у нее на сердце, когда она решила покинуть его и бесследно исчезнуть? Ведь она так больше и не увидела его», — думал Сайсё. Печаль, горечь и тоска никогда не оставляли его. Вот как все это было.

!âHYPERLINK "http://japanesedolls.ru/" Японские куклы хотят видеть вас! - Japanese Dolls: сайт о Японии, стране и людях